

История башкирских родов. Бурзян. Том 31. Ч.1. / С. И. Хамидуллин, Б. А. Азнабаев, И. Р. Саитбатталов, И. З. Султанмуратов, Р. Р. Шайхеев, Р. Р. Асылгужин, С. У. Таймасов, В. Г. Волков, А. А. Каримов, А. М. Зайнуллин – Уфа: НОЦ «История башкирского народа» ИИГУ БашГУ, 2018. С.127-209.

ТАРХАН И БАТЫР АЛДАР ИСЕКЕЕВ

Родился Алдар и управление взял в свои руки.

Факелом он служит, когда мы заблуждаемся.

Башкирское сказание «Муйтэн-бий»

Алдар Исекеев был самой значительной фигурой в башкирской истории XVIII в., хотя в течение этого бурного столетия на историческую арену выходило много других персонажей эпического масштаба. Это Тулькучура Алдагулов, Юсуп Арыков, Бепеня Турупбердин, Кильмяк Нурушев, Салават Юлаев и др. Но все они при несомненных качествах военных и духовных лидеров башкирского народа все же уступали Алдару по степени воинского, полководческого и, главное, политического дарования. Знаменитый батыр вынашивал грандиозные геополитические проекты, которым в силу разных причин не было суждено осуществиться. Однако размах его замыслов до сих пор поражает своей смелостью. Впоследствии имя знаменитого батыра и тархана было почти забыто, ибо его затмила яркая звезда другого батыра – Салавата Юлаева, личность которого была наиболее релевантной образу борца за социальную справедливость, «за нашу и вашу свободу», востребованному исторической ситуацией второй половины XIX–первой половины XX вв. Реинкарнацией Алдар-батыра в известном смысле был А.-З. Валиди, если брать в расчет их лидерские качества, почему первого иногда именовали «владельцем» Башкирии, а второго – Заки-ханом. Но самое главное, их связывало друг с другом стремление к активному политическому творчеству, нежелание быть игрушками в руках слепого рока, которому они постоянно бросали вызов. Оба деятеля боролись за самостоятельность Башкирии: первый за ее полную политическую независимость, второй – за автономию в составе федеративной демократической России. Будущее своей родины оба видели в союзе со странами мусульманского Востока, за что А.-З. Валиди был клеймен как «пантюркист», а Алдар – как предводитель «реакционного ханско-феодалного движения».

Дата рождения, происхождение и родственные связи

День и год рождения Алдара (Алдарбая) Исекеева неизвестна. Однако он должен был родиться не позднее 1667 г. Основанием для такого заключения служит то, что в указе императрицы Анны Иоанновны от 24 декабря 1734 г. Алдар назван участником Крымского похода¹. Во второй половине XVII в. было три похода в Крым – в 1675, 1687 и 1689 гг. Во всех них участвовали башкирские тарханы. В походе 1675 г. Алдар вряд ли мог принимать участие. В таком случае остаются походы 1687 и 1689 гг. под командованием князя В. В. Голицына, во время которых молодому башкирскому воину должно было быть не менее 18–20 лет от роду. Следовательно, он родился в середине 1660-х гг.

Алдар Исекеев был потомственным тарханом, главой (агой), а с середины 30-х гг. XVIII в. – старшиной Бурзянской волости Ногайской дороги Башкирии. Башкиры-бурзянцы являются потомками скифов и сарматов, недаром же в прошлом их род именовался Алан-Бурджан (*ألان بُرْجان*)². По счастливому совпадению, при рождении он получил сарматское имя Алдар, восходящее к древнему скифо-сарматскому слову *ardara*, которое в современном осетинском языке превратилось в *ældar* ‘старшина’, ‘начальник’, ‘князь’, в венгерском – *aladar* ‘начальник военного отряда’, ‘знатный’ (имя, некогда распространенное среди венгерской знати). Слово проникло также в монгольские языки: *aldar* ‘военная слава’, в калмыцком языке – ‘господин’. Имя *Arđara* впервые упомянуто в ассирийском документе 820 г. до н. э.³

Как пишет С. У. Таймасов, аул, в котором он проживал, располагался на берегу р. Кана, левого притока Агидели, недалеко от нынешней д. Атиково Бурзянского р-на РБ⁴. Его прапрадед Байсары, дед Кадырбек Байбахтин и отец Исекей Кадырбеков также были тарханами. В 1628 г. «бил челом» царю Михаилу Федоровичу «Бурзенские волости башкирец Кадырбьяйка Байбахтин» о том, что «дед де ево Байсары был в Бурзенской волости в тарханех». Поскольку Байсары умер, то Кадырбек просил, чтобы «Государь бы ево Кадырбьяшка пожаловать велел ему в Бурзенской волости вместо деда своего Байсары быть в тарханех». Царь утвердил Кадырбека в тарханах и повелел «ему Кадырбьяшке будучи в тарханех государевы станичные службы и посылочные всякие службы служить с своим братьем с князи и тарханы и дуваня...»⁵

Кадырбек Байбахтин умер около 1646 г., если исходить из сведений челобитной, составленной его сыном Тарханом Кадырбековым в 1672 г., в которой последний просил

¹ Вельяминов-Зернов В. В. *Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. Приложение к IV тому «Записок Имп. Академии наук».* СПб., 1864. № 6. С. 27.

² Уметбаев М.-С. *Ядкар.* Казань, 1897. С. 39.

³ Грантовский Э. А. *Ранняя история иранских племен Передней Азии.* Изд. 2-е. М.: Восточная литература, 2007. С. 244.

⁴ Таймасов С. У. *Башкирско-казахские отношения в XVIII в.* С. 238.

⁵ Асфандияров А. З. *Башкирские тарханы.* Уфа: Китап, 2006. С. 101; *Князья, тарханы, дуваны – категории служилых людей в башкирском обществе.*

правительство записать его в уфимский служилый тарханский список: «...служил отец мой царю Михаилу Федоровичу и тебе Алексею Михайловичу тарханскую службу и тот ныне лет з дватцать и больше отец мой Кадырбьяк умер, а после отца своего я остался мал, а ныне в я тарханскую службу поспел...»¹. В другом документе уточняется дата смерти Кадырбек-тархана: «...тому с двадцать с шесть лет...»².

У Кадырбека был еще один сын – Исекей, который приходился старшим братом Тархану Кадырбекову и который также был тарханом: «...дед ево Кадырбак Бабахтин и отец его Исекей Кадырбакин и он Алдар в служилых списках и в грамотах в тарханех написаны...»³. В «Экстракте» из следственного дела от 13 июня 1740 г. об Алдаре Исекееве сказано, что «в прежние бунты зачинателями отец ево и он Алдар были главными»⁴. На этом основании А. З. Асфандияров предположил, что Исекей Кадырбеков был участником восстания 1681–1684 гг.⁵ Однако для подобных выводов нет достаточных оснований. Возможно, речь шла о том, что отец и сын были «зачинателями» восстания 1704–1711 гг., представлявшего собой серию «бунтов», т. е. военно-политических кампаний.

Алдар Исекеев обладал обширными земельными владениями как общинник Бурзянской волости. Но он также, вероятно, имел вотчины, пожалованные лично ему царем как тархану. По указу царя Петра I в марте 1700 г. уфимский воевода И. К. Пушкин выдал владенную память Якшимбету Янтикееву и Алдару Исекееву на вотчину «по Иргизу реке и с истоки и озера с вершины и до устья» в ответ на их челобитную о том, что «тое же Ногайские дороги Кипчацкие волости» башкиры Шекарка Уразаев и Умирка Кутушев в их вотчине «воровски ходют и всякого зверя побивают и бобров словили»⁶. С. У. Таймасов считает, что речь идет не о левом притоке Волги, протекающем по территории Самарской и Саратовской областей, а об Иргизе нынешней Актюбинской области Казахстана⁷. Кроме того, Алдар имел вотчины близ Табынской крепости, а также в устье р. Тургай, впадающей в одно из озер к северо-востоку от Аральского моря⁸. Таким образом, многотысячные табуны знаменитого тархана паслись на огромных просторах от Среднего течения Агидели до Приаралья.

Герой Азовского похода

¹ Там же. С. 102.

² Асфандияров А. З. *Башкирские тарханы*. С. 108.

³ Асфандияров А. З. *Башкирские тарханы*. С. 83.

⁴ МИБ. Ч. I. С. 408.

⁵ Асфандияров А. З. *Башкирские тарханы*. С. 85.

⁶ Там же; Асфандияров А. З. *История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий*. Уфа: Китап, 2009. С. 707.

⁷ Таймасов С. У. *Башкирско-казахские отношения в XVIII в.* С. 238.

⁸ Таймасов С. У. *Башкортостан и Казахстан в период становления Оренбургской губернии*. Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. акад., 2006. С. 71.

Став вслед за своим отцом тарханом, молодой Алдар Исекеев был обязан принимать участие в походах русской армии. В 1687 и 1689 гг. он находился в Крымских походах, которыми командовал фаворит царевны Софьи князь В. В. Голицын. Списочный состав его армии составлял 112 тыс. чел., включая 17 тыс. казаков и низовой конницы¹. Башкирские отряды традиционно, начиная с военных кампаний против поляков и войск Лжедмитрия II во время Смутного времени, находились в составе так называемой низовой рати. В 1656 г. русский посол в Венеции стольник Иван Чемоданов говорил герцогу Козимо Медичи: «У нашего Великого государя против его Государских недругов рать собирается многая и несчетная, а строенья бывает разного: многие тысячи копейных рот устроены гусарским строем; другие многия тысячи, конная, с огненным боем, рейтарским строем; многия же тысячи с большими мушкетами драгунским строем; а иныя многия тысячи солдатским строем. Над всеми ими поставлены начальные люди, генералы, полковники, подполковники, майоры, капитаны, прапорщики. Сила Низовая, Казанская, Астраханская, Сибирская – тоже рать несметная; а вся она конная, и бьется лучным боем. Татары Большого и Малого Ногаю, Башкирцы, Калмыки бьются лучным же боем. Стрельцов в одной Москве, не считая городовых, 40.000; а бой у них солдатского строя. Казаки Донские, Терские, Яицкие бьются огненным боем; а Запорожские Черкасы и огненным и лучным. Дворяне же Государевых городов бьются разным обычаем: и лучным и огненным боем, кто как умеет»².

«Лучный бой», которым бьется вся низовая конная рать, а также башкиры, ногайцы и калмыки, подразумевала степную тактику ведения войны, при которой огнестрельное оружие – фитильные ружья и аркебузы (пищали) – было почти бесполезно. Однако это не значит, что перечисленные служилые люди не знали этого вида оружия. Верхотурский воевода Хрущов в 1675 г. получил «царскую тайную грамоту» о строжайшем запрещении продавать огнестрельное оружие башкирам и калмыкам: «...по Сибирской дороге, за Уралом, от города Уфы в дальних местах, объявились у многих башкирцев пищали винтовки многия, да и по городовую де сторону Уфы у башкирцев пищали есть же, и пищальной стрельбе изучились, а лучную стрельбу покинули»³. Таким образом, в Крымские походы башкирские тарханы выступали вооруженные всеми видами оружия – холодным и огнестрельным.

¹ Великанов В. С. Детали похода армии В. В. Голицына в 1687 г. // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 22–25 июня 2016 г.) / Отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С. 32–39.

² Устрялов Н. Русское войско до Петра Великого. СПб.: Тип. Эдуарда Веймара, 1856. С. 3–4.

³ Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 4 (1645–1675). СПб.: Тип. II-го Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1842. С. 541–542.

Крымские походы закончились неудачей. В 1687 г. русская армия, не дойдя до 200 верст, повернула назад, так как крымские татары подожгли степь. Войска отступали в невероятно тяжелых условиях. В результате, как докладывал шведский резидент Кохен, от жажды, голода и болезней погибло 40–50 тыс. чел. В 1688 г. крымские татары совершили ответный набег на окраины Московии, угнав в плен 60 тыс. чел. Поэтому в 1689 г. В. В. Голицын решил повторить поход. Во второй раз он уже дошел до Перекопского перешейка, но не рискнул идти вглубь полуострова. Отступающие московские войска подверглись нападению отрядов крымской конницы. Лефорт писал, что русские потеряли 35 тыс. чел. убитыми и взятыми в плен¹. Регентство царевны Софьи закончилось сразу же по окончании второго Крымского похода. 17-летний царь Петр I заточил сестру в Новодевичий монастырь, а незадачливого полководца В. В. Голицына вместе с семьей сослал в Еренский городок.

Петр I учел печальный опыт походов В. В. Голицына, который нес колоссальные потери из-за необходимости двигаться по голой степи. Поэтому он решил идти в Крым другим путем, изменив маршрут движения и спустившись по р. Дон к крепости Азов, которая закрывала вход в Азовское море. В 1695 г. русская армия осадила эту турецкую крепость, но, не достигнув желаемого, отступила назад. Как писал А. Г. Брикнер, «неудача первого Азовского похода числом жертв превосходила неудачи Голицына в Крымских походах 1687 и 1689 гг.»².

На следующий 1696 г. царь повторил свою попытку. Многочисленная русская армия, насчитывавшая более 40 тыс. чел., осадила крепость Азов, в которой находился 5-тысячный турецкий гарнизон. 12 тыс. рабочих днем и ночью возводили вал напротив Азова с тем, чтобы сделать его выше крепостных стен. В то же время иностранные инженеры, сделав подкоп, разрушили один из бастионов крепости. Крымская конница, атаковавшая русский лагерь, была отбита. В один из дней турки предложили командованию противника устроить поединок богатырей, вероятно, будучи уверенными в непобедимости своего бойца. Победа в поединке могла поднять боевой дух осажденных и удручить осаждавших. С турецкой стороны вышел некий черкес, а с русской стороны был выставлен Алдар Исекеев. Поединок закончился победой башкирского тархана. Видя безнадежность ситуации, азовский гарнизон принял решение сдаться.

Много лет спустя, 24 декабря 1734 г., увидел свет указ императрицы Анны Иоанновны следующего содержания: «Дан сей Ея Императорского Величества указ ис канцелярии Оренбургской экспедиции Уфимского уезда Ногайской дороги Бурзенской волости тархану Алдарбаю Исекееву и детям ево Мурату, Мусе, Юсупу, Максюту, Мансуру,

¹ Брикнер А. Г. *История Петра Великого. Репринтное воспроизведение с издания А. С. Суворина. М.: «Терра», 1991. С. 77, 82.*

² Там же. С. 140.

Мысыру, Сеитбатталу, Бахтыгирею, Адилгирею Алдаровым, да племенникам ево Арасланбеку Деветееву да Качкару Деветееву ж, внучатам ево, сыновним детям, Алтыялилу, Утегану Муратаевым, Кудаменде, Ушкилде, Чувашбаю Мусиным, Адбесю Юсупову, Худайназару Максютову, внучатам же, племенниковым детям, Чураю, Якшидавлетю, Багузе, Лякузе Арасланбековым, правнуку Егуге Чурину, для того, по присланному ис Правительствующего Сената указу и по прошению ево Алдаркову и по справке с Уфимскою канцеляриею, что дед ево Кадырбак Бабахтин и отец его Исекей Кадырбакин и он Алдар в служилых списках и в грамотах в тарханех написаны, и за прежние ево службы как он Алдар служил и был в Крымском и в Азовском походех, и в Азовском походе ранен тремя ранами, и выезжал на поединок и убил выезжего напротиву себя Черкешенина, також и поймал собою языка одного Крымчина, и объявил блаженные и вечно достойныя памяти Его Императорскому Величеству Петру Великому, и за ту ево послугу убитого на бою брата ево Девлетбая тело для отвозу восвояси отдано ему Алдару и даны с прогонами подводы...»¹ Кроме погибшего в Азовском походе 1696 г. Давлетбая, в данной военной кампании участвовал другой брат Алдара – тархан Едигер Исекеев.

В документах начала XVIII в. тархан Алдар Исекеев именуется батыром. В. Н. Татищев, объясняя значение данного титула, писал: «Батыр, у татар (т. е. тюркских народов. – *авт.*) звание чести, значит храбрый, или мужественный, оное дается тому, кто на съезде (т. е. во время поединка. – *авт.*) неприятеля копьем, или саблею убьет, и оные когда ту честь получают, должны в бою на переди быть; им протчие почтение и послушание отдают, оное ж прилагают часто ханам и ханским детям, или султанам. Персияне зовут багадур. Русское богатырь видится из сего учинено»². Титул «багатур» очень древний, состоящий из двух компонентов: иранского слова *baga* ‘бог’, ‘божественный’ и, вероятно, тюркского *tör* (баш. *tür*), т. е. ‘место напротив входа’, ‘почетное место’³. По мнению Л. Н. Гумилева, данный титул обозначал заместителя хана. Истеми-каган, соправитель основателя Тюркского каганата Бумын-кагана, именовался «Багадур-джабгу» (кит. Мохеду шеху)⁴. В монгольскую эпоху данный титул получил свое настоящее содержание, обозначая любого прославленного воина, происходившего из «черной кости». Яркий пример людей подобного типа – монгольский полководец Субедей-багатур. Среди башкир институт батыров (багатуров) известен как минимум с рубежа XV–XVI вв. В историческом сочинении «Таварих-и гузида-

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Указ. соч. С. 27.

² Татищев В. Н. Лексикон российский, исторический, географический, политический и гражданский. Ч. I. СПб.: Тип. Горного училища, 1793. С. 119.

³ Древнетюркский словарь / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Ленинград: Наука, 1969. С. 580–581.

⁴ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. С. 463.

йи нусрат-наме» среди сподвижников Мухаммеда Шейбани-хана упоминаются «из башкирдов Чингиз-бахадур и Чалбаш-бахадур»¹.

Кажется несомненным, что именно слава храброго воина и удалого поединщика стала причиной того, что башкиры присвоили тархану Алдару почетный титул батыра. Но не исключено, что высокая оценка его личности была связана не только и не столько с подвигами, совершенными во время Азовского похода, а с какими-то иными деяниями, значимыми не для государства, а для башкирского народа. Тарханы и вообще «государевы люди» в эгалитарном башкирском обществе не пользовались особым пиететом и преимуществом. Архивные документы свидетельствуют о том, что рядовые общинники часто не признавали за ними владельческих прав на часть волостной земли и «сгоняли в буйстве», так как для них приоритетом были интересы рода, а не отдельной личности, пусть даже утвержденной в тарханстве самим царем.

Звание тархана давалось государством. Поэтому оно могло наделять служилых башкир частновладельческими землями, отдельными от волостных вотчин. Как пишет Б. А. Азнабаев, «привилегированное положение тарханов основывалось на факте службы царю, поэтому они не зависели от общинного самоуправления»². Тарханы были единственной опорой власти в регионе – они должны были беспрекословно выполнять любые ее указания. В отличие от них, самоуправляющиеся башкирские кланы не были столь же лояльны, поскольку решения правительства рассматривали через призму собственных интересов. Бии, батыры и дуваны, в отличие от тарханов, были пережитками социального устройства средних веков, никак не связанными с современным государственным управлением. Тем не менее они как элементы внутренней организации башкир сохранялись почти в течение всего XVIII в. и исчезли почти одновременно с тарханами в связи с коренной перестройкой башкирского общества в период кантонного управления. Так или иначе, общественные интересы для большинства башкир всегда были выше государственных, поэтому положение тарханов в башкирском социуме было довольно неопределенным. Б. А. Азнабаев пишет: «...статус тархана сам по себе не гарантировал никаких преимуществ в башкирском обществе, если не был сопряжен с такими свойствами, как лидерские качества, богатство, щедрость и военная удача. В противном случае их привилегии оспаривались сородичами»³. Таким образом, почетное положение, которое занимал в башкирском обществе Алдар Исекеев, было скорее обусловлено его всеобщим признанием в качестве батыра за определенные заслуги перед народом, чем за «службы» царю в качестве «служилого

¹ *Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1969. С. 28.*

² Азнабаев Б. А. *Интеграция Башкирии в административную структуру... С. 189.*

³ Азнабаев Б. А. *Башкирское общество в XVII–первой трети XVIII вв. С. 325.*

башкирца». Возможно, он организовал успешный набег на кочевых соседей – калмыков, казахов или каракалпаков.

Батыр побеждает тархана

Сведения об Алдар-тархане в промежутке между окончанием Азовского похода 1696 г. и началом башкирского восстания 1704–1711 гг., получившего в народе название Алдаровщины, почти отсутствуют. С. У. Таймасов пишет: «Последующее десятилетие (т. е. 1696–1706 гг. – *авт.*), вероятно, было самым спокойным в бурной, мятежной жизни Алдара. Он был первым в своем народе, с ним считалась местная администрация, правительство выдавало ему крупное жалованье. Немногие люди, обласканные властью, могут пойти на разрыв с ней во имя интересов простых людей. Алдар встал на защиту своего народа и возглавил крупнейшее восстание»¹.

Петр I приступил к грандиозным реформам, которые вызвали череду восстаний на окраинах государства. Северная война 1700–1721 гг., начатая царем, тяжелым бременем легла на плечи податного населения. Неподатные категории подданных России, в первую очередь казаки и башкиры, также почувствовали тяжелую длань царя-реформатора. Число вооруженных воинов, которое они должны были отправить на театр военных действий в Прибалтику, достигло значительных цифр. Также возросло число податей и повинностей. В 1708 г. английский посол Витворт констатировал удвоение налогов². Русский историк С. М. Соловьев писал: «Тяжести, павшие на русских людей в описываемое время, должны были пасть и на инородцев; но эти тяжести, как во всех отдаленных областях государства, увеличивались чиновническими злоупотреблениями, и породили сильное неудовольствие, которым воспользовались люди, желавшие свергнуть русское иго под знаменем магометанства»³.

В 1704 г. в Башкирию приехали так называемые прибыльщики⁴ Ижорской (Семеновской, Ингерманландской) канцелярии А. Жихарев и М. Дохов. Данному ведомству, во главе которого стоял «светлейший князь» А. Д. Меншиков, были переданы различные статьи доходов – сборы с бань, мельниц, извозчиков, рыбных ловель и других статей. 5 октября 1704 г. названные прибыльщики за р. Белой «на песке»⁵ наложили на башкир

¹ Таймасов С. У. *Башкирско-казахские отношения в XVIII в.* С. 240.

² Лебедев В. И. *Башкирское восстание 1705–1711 гг. // Исторические записки. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 84.*

³ Соловьев С. М. *История России с древнейших времен. Кн. третья. Том XI–XV. 2-е изд. СПб., 1851–1879. Стлб. 1446.*

⁴ Прибыльщики – чиновники, занимавшиеся изобретением новых источников государственного дохода. Им вменялось «сидеть и чинить государю прибыль».

⁵ «На песке» нынешнего уфимского пляжа на правом берегу р. Белой (Агидель) возле южного выезда из Уфы традиционно зачитывались царские указы.

«тягостные новоприбыльные статьи, чего де на них никогда не накладывано, и по справке де с Уфимскою канцеляриею новоприбыльных их окладов нет и не бывало». Также башкиры обвиняли А. Жихарева и М. Дохова в том, что те «накладывали» на них «ругательственные дела», т. е. установления, оскорблявшие их веру. Например, при выдаче замуж своих дочерей башкиры должны были производить никах не только в присутствии муллы, но и попа, вероятно, с целью приобщения к христианству. Не менее абсурдным был так называемый «налог с глаз». Башкиры показывали «будто велено с них имать 3 глаз черных по 2 алтына, с серых по 8-ми», после чего они этих прибыльщиков, подьячих и толмачей «били и зашибли и наказ в воду уронили»¹. Все эти факты вскрылись в ходе разбирательств 1721–1722 гг. относительно причин башкирского восстания, инициированных самими башкирами. Хотя А. Жихарев, М. Дохов и другие чиновники Ижорской канцелярии отрицали выдвинутые против них обвинения, имеется больше оснований доверять не им, а истцам. По прошествии 18 лет башкиры в подтверждении своих слов требовали отыскать в архиве копию того злополучного наказа о 72 «новоприбыльных статьях», чтобы доказать свою правоту.

Фактически с этого инцидента началось восстание, которое на первых порах выражалось в том, что башкиры отказывались выплачивать какие-либо налоги. Для переговоров с ними в начале 1705 г. был отправлен князь И. Ураков с группой казанских дворян, которые, оценив ситуацию в крае, решили, что там зреет бунт. К границам Башкирии были немедленно стянуты войска: «А пришли в Заинск и в Мензелинск и в Шешминск и в село Каракулино многие полки солдат». Командир одного из них потребовал от башкир всех четырех дорог подтвердить свою покорность отдачей в Казань заложников (аманатов), однако те отказались. Тогда в феврале 1705 г. в Башкирию был отправлен комиссар Ижорской канцелярии А. Сергеев, которому были приданы шесть полков – четыре солдатских и два драгунских. По пути следования он приказывал сгонять на каждый ям окрестных башкир, грозил им суровыми карами и палил из пушек для запугивания населения. Желая умиловить А. Сергеева, жители ряда аулов подарили ему двух иноходцев, шесть аргамаков, 14 простых лошадей на сумму 409 рублей. Однако это только распалило «храбрость» сурового начальника.

Прибыв в Уфу, А. Сергеев не успокоился и через два дня совершил вылазку со всеми шестью полками на территорию Табынской волости до д. Сакаевой². Жители волости, «которые жили по Белой реке все Ногайские дороги народ бежали в Яицкие и Бельские вершины, и в том де побеге многие пожитки утратились и многие дети померли, иныя от

¹ МИБ. Ч. I. С. 108–111.

² Ныне с. Сакаево Кармаскалинского р-на РБ.

голоду и от стужи позябли...»¹. Далее комиссар собрал в Уфе представителей башкир всех четырех дорог и стал требовать от них 5 тыс. лошадей, а также 1 000 чел.

Пребывание в самом крайнем юго-восточном форпосте тогдашнего Московского царства, где, кроме его шесть полков, на тысячи верст не было иной соизмеримой вооруженной силы, вскружило голову начальнику ощущением абсолютного могущества, и он дал волю своим потаенным фантазиям. При въезде в Уфу, «пушек наставили, да с обеих сторон копы и сабли держали, и всех их будущих мирских людей промеж таких храбростей провели, чтоб в городе будуще башкирской народ страшились бы (т. е. чтоб запугать находящихся в городе башкир. – *авт.*)». Но этого А. Сергееву показалось мало и, чтобы окончательно поразить «инородцев» значимостью своей фигуры, он вдруг назвал себя царевичем, что, между прочим, было самозванством, считавшимся государственным преступлением. Недаром же он заявлял башкирам: «...покуда де он в Уфе, будет то и Москва»².

Когда выборные отказались ставить подписи и прикладывать тамги под требованиями А. Сергеева, говоря, что «де они без мирских людей давать не могут», «царевич» приказал подвергнуть их избиению, в результате чего три человека умерли. Этим сотрудник А. Д. Меншикова не ограничился, решив устроить для избитых башкир «угощение», которое больше походило на экзекуцию: «...вина и меду поставя и зелья положи, в неволю поил, кто и век свой меду и вина не пивали, азей (т. е. хаджи. – *авт.*) и муллов и ахунов их поил; а ежели кто не станет пить, тех бив палками и насильно поил, и напившись де лежали без памяти, и лежачих де людей порохом палил, солому огнем зажигал, на руки свечи прилеплял, другим в горсти пороху насыпав огнем палил, а збережась лежалых людей сызнава подняв по неволе поил, хотя поморить (...) всякому пьяному лежачим людям, держав против солнца зеркало свое, рожи и головы жег и, который тронется, еще поил, чтобы поморить...»³. От такого «угощение» умерло еще четыре человека. После произошедших событий башкиры навели справки и выяснили, что «которой назвался царевичем, и он де из Саранска кабашников сын Александр Савин (т. е. Александр Савич Сергеев. – *ред.*)...»⁴.

Среди избитых А. Сергеевым в Уфе людей был башкир Ногайской дороги Иман-батыр, который по возвращении домой немедленно взялся за оружие. О нем сообщалось следующее: «...ворует (...) батыр Иман с такими же воры человек с триста...»⁵. На Казанской дороге восстал «добрый человек», т. е. состоятельный вотчинник, башкир

¹ МИБ. Ч. I. С. 112–113.

² Там же. С. 113.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 260.

⁵ Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. Уфа: Китап, 1993. С. 130.

Байлярской волости Дюмей Ишкеев, который также был «выборным» и присутствовал на уфимском «угощении». Он поднял оружие, когда его деревню «розбил на реке Мензеле» все тот же А. Сергеев, отправивший туда отряд служилых людей из Заинска во главе с Григорием Пальчиковым и Иваном Буткеевым. Последний во время боя был ранен¹. Тем не менее они «многих людей побили и пожитки многие пограбили, и ево Дюмееву жену и дочь девку в Казань повезли»².

Вместе с началом брожения, охватившего Башкирию в конце 1704–начале 1705 гг., началось стрелецкое восстание в Астрахани. Петр I отрядил для подавления бунта и решения башкирского вопроса своего лучшего полководца фельдмаршала Б. П. Шереметева. 18 декабря 1705 г. он прибыл в Казань, откуда написал царю письмо: «А здешний народ пуще опасаются башкирцев, нежели Астрахани»³. В письме к канцлеру Ф. А. Головину он повторно выражал свои опасения: «...вторично подтверждая, доношу Вам, что больше надобет от башкирцев опасения иметь, нежели от астраханцев. Вам известно, сколько их много, и каракалпаки с ними, и до самой Сибири все орды. Унимать их будет с трудом. Не надобет их слишком зlobить, пóлно нам покуда шведов»⁴. Башкиры, узнавшие о прибытии славного полководца, решили отправить к нему делегацию с изложением фактов насилия со стороны прибыльщиков и казанского комиссара А. Сергеева. Примечательно, что в ее составе был Усей (Хусейн) Бигинеев, который служил под началом Б. П. Шереметева во время похода русской армии в Лифляндию, во время которого тысячный башкирский отряд сражался против шведов в 1701–1705 гг. Делегация ветеранов «Свеского» похода достигла своих целей – фельдмаршал освободил из тюрем башкир, арестованных А. Сергеевым, и отменил введенные прибыльщиками налоги.

Однако сразу же после отбытия Б. П. Шереметева во главе 3-тысячного отряда к станам восставшей Астрахани, казанский воевода Н. А. Кудрявцев, который пользовался покровительством А. Д. Меншикова и, что важнее, боярина Т. Н. Стрешнева, управлявшего в отсутствие Петра I всей внутренней политикой государства, отменил все его постановления. Благодаря своим связям Н. А. Кудрявцев получил неограниченные полномочия почти над всем Поволжьем, поэтому он не желал считаться с мнением полководца, не знающего, по его мнению, местной специфики и потворствующего башкирам. Казанский воевода пресекал любые попытки фельдмаршала урегулировать башкирский вопрос мирным путем: «А их башкирцов по указу царского величества велено ведать нам и от всяких их шатостей проводить в покорение и во всякое послушание, а кроме нас никому ни в чем ведать не

¹ МИБ. Ч. I. С. 114.

² МИБ. Ч. I. С. 260.

³ *Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 4. СПб.: Государственная типография, 1900. С. 524.*

⁴ *Переписка фельдмаршалов Ф. А. Головина и Б. П. Шереметева в 1705 и 1706 гг. М., 1851. С. 66.*

велено. А будет ваша милость изволить челобитье их (башкир. – *авт.*) примать и ослабу им чинить, то всеконечно добра никакого ждатель»¹.

По мнению Н. А. Кудрявцева, башкирам нельзя было «чинить ослабу», а следовало беспощадно карать и преследовать, даже не рассматривая их челобитных, особенно если среди челобитчиков был «ведомый вор и бунтовщик башкирец Демейко с товарищи, которой прошлого лета в Казанском уезде села и деревни разорял...». Правда, в своем письме Б. П. Шереметеву, написанном менторским тоном, заносчивый казанский воевода умалчивал, по какой причине этот самый «вор Демейко» стал бунтовать.

Тогда «выборные» башкиры отправились уже в Астрахань, где вновь встретились с фельдмаршалом 16 марта 1706 г. Видя, что казанские власти игнорируют его указания, он посоветовал башкирам ехать напрямую в Москву и вручить свою жалобу лично царю. Самоуправство Н. А. Кудрявцева и его ближайших сотрудников (А. С. Сергеева, С. Вараксина, братьев Аристовых) проистекало из уверенности, что центральная власть оправдает их действия во всяком случае и закроет глаза на любые, даже самые вопиющие, злоупотребления. Их далеко небескорыстное радение о наполнении казны, пусть самыми дикими способами, включая угнетение «инородцев» и «бусурманов», давало индульгенцию от любых преступлений. Поэтому они откровенно саботировали решения Б. П. Шереметева, пытавшегося уладить конфликт.

Биограф Б. П. Шереметева историк Заозерский пишет: «Однако действиями Шереметева оказались недовольны местные воеводы – Н. Кудрявцев, А. Сергеев и С. Вараксин. В письме к Шереметеву они возражали против его вмешательства (...). Они пошли дальше и в донесении А. Д. Меншикову представляли те опасности, которые повлечет за собой оказанная фельдмаршалом иноверцам “ослаба”; даже больше того: пробовали какими-то темными намеками вообще набросить тень на личность Бориса Петровича (...). Так кончилась начатая Шереметевым попытка мирного разрешения башкирского вопроса. Положение Шереметева становилось невыносимым. “Я в Казани живу, как в крымском полону... – писал он Головину, – ...ныне пожалуй, подай помощи, чтобы меня взять к Москве...”. С другой стороны, он решительно осуждал суровые приемы политики местной администрации по отношению к башкирам и считал ее нецелесообразной по настоящим обстоятельствам и гибельной по последствиям в будущем»².

Тем временем башкирские посланцы добрались до столицы, но встретиться лично с Петром I не смогли. Царь, рассмотрев дело башкирских послов, отписал канцлеру Ф. А.

¹ Корсаков Д. А. *Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань: Тип. Императорского университета, 1891. С. 15.*

² Заозерский А. И. *Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М.: Наука, 1989. С. 82–83.*

Головину: «Воров башкирцов, которых в Посольский приказ прислал с Низу¹ господин фельдмаршал Шереметев, Дюмейка Ишкеева с товарищи, для подлинного розыску отошли в Казань, к Никите Кудрявцеву»². Таким образом, Петр I передал жертв произвола чиновников в руки самих же палачей. После «подлинного розыску» лидер башкир Казанской дороги Дюмей Ишкеев был повешен по приказу казанского воеводы Н. А. Кудрявцева. Эта расправа окончательно убедила башкир в тщетности их апелляцией к верховной власти. Оставался один путь – поднять восстание или, как говорили незадолго до Пугачевщины яицкие казаки, «тряхнуть Москвой».

Следует отметить, что действиями властей были озлоблены не только башкиры, но и русское население Уфы. Дело в том, что в преддверии губернской реформы 1708 г., по проекту которой Уфимский уезд терял самостоятельность и входил в состав учреждаемой Казанской губернии, Уфу заполнили казанские чиновники и дворяне. Им были отданы самые доходные места, связанные с управлением, сбором башкирского ясака и оброка с крестьян, а также различными откупами и промыслами. Казанский воевода и будущий вице-губернатор Н. А. Кудрявцев вел себя в Башкирии как полновластный хозяин. В январе 1706 г. он снял с должности уфимского воеводы А. Аничкова, а вместо него назначил казанского дворянина Льва Аристов. Башкиры сначала предупредили Н. А. Кудрявцева: «...слышно де им, что идет на Уфу воевода Лев Аристов, и они де его, Льва, не пустят, у них де хорош воевода Александр Аничков»³. Впоследствии башкиры действительно остановили Л. Аристов в 200 верстах от Уфы, заявив: «...велел де у них быть воеводою Александрю Аничкову Борис Петрович [Шереметев] и нам де он люб». Тем не менее Л. Аристову удалось обосноваться в Уфе, так как его кандидатуру утвердил сам А. Д. Меншиков. Н. А. Кудрявцев убедил «светлейшего» отстранить А. Аничкова от воеводской должности, мотивируя это решение тем, что тот потворствует башкирам: «...А он, Александр, житель уфинской, и имели мы в том опасения, нет ли от него к ним (башкирам. – *авт.*) в упорстве какого ослабления»⁴. Назначение Л. Аристов на должность уфимского воеводы еще более обострило внутривластную ситуацию в Башкирии, где башкирское и русское население было крайне раздражено действиями казанцев.

Алдар Исекеев в этот период времени внешне не проявлял активности, казалось бы, безучастно взирая на разгоравшееся восстание. Власти, по всей видимости, не сомневались в верности Алдара, поскольку он был тарханом, да к тому же обласканным властью. В случае участия в мятеже его прежние заслуги перед престолом аннулировались. В нем довольно

¹ Т. е. из Нижнего Поволжья.

² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 4. СПб.: Государственная типография, 1900. С. 290.

³ Цит. по: Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. С. 138.

⁴ Цит. по: Азнабаев Б. А. Интеграция Башкирии в административную структуру... С. 164.

долго боролись тархан и батыр, но в итоге победил последний – настолько невыносимыми были злодеяния казанского комиссара А. Сергеева, терроризировавшего башкир, а также Н. А. Кудрявцева, вероломно повесившего Дюмея Ишкеева и его спутников.

Ханский пасьянс

Бездействие Алдара до 1707 г., когда он открыто восстал, было обманчивым. Умный и расчетливый – он, как сообщают источники, вел тайную дипломатию, чтобы заручиться поддержкой Османской империи и Крымского ханства в предстоящей борьбе за полную независимость Башкортостана. Кроме того, батыр активно подыскивал кандидата на роль башкирского хана среди многочисленных Чингизидов в ближних и дальних владениях, так как без провозглашения собственного монарха нельзя было оформить юридический акт отделения от Московского царства. В конце 1707–начале 1708 гг. пленный татарин Булак Акбулатов, отправленный башкирами к Шешминску «для присмотра», т. е. на разведку, на допросе в Казани показывал: «...башкирцы Уфимского уезду батыри Алдарко, Кусумко, Уразайко и всех дорог башкирцы, также мещеряки Иманко да Келманко Кулаевы с товарищи и черемиса Уфимского уезда начали мыслить к воровству тому четвертый год, чтоб им всем под рукою и под волею великого государя не быть. И для того посылали к салтану турецкому и к хану крымскому посланцев все башкирцы и мещеряки, чтобы им дал кому ими владеть. И те посыльщики привезли с Кубани Салтан-Хозю, что называтца ханом, и все ему куран целовали, чтоб им быть всем ему послушны»¹. По документам известно, что в Крыму и Стамбуле побывала группа башкир во главе с башкиром Юрматынской волости Сулейманом Уразаевым. Среди участников миссии был также юрматынец Кильмяк-абыз Нурушев, вождь следующего восстания 1735–1740 гг.² Таким образом, Алдар-батыр и его соратники «начали мыслить к воровству» в 1704–1705 гг.

Источники сообщают, что Алдар-батыр за время восстания «привел трех ханов»³. Однако, судя по количеству имен, встречающихся в документах, их было больше. К сожалению, разобраться в калейдоскопе фигур, возникавших на троне Башкирии, очень сложно. Не исключено, что под одним именем скрывались два хана или, наоборот, под несколькими именами подразумевался один человек. В 1740 г., находясь под следствием, старшина Бурзянской волости Сеит-бай Алкалин показывал: «...в прежней де бунт (т. е. во время восстания 1704–1711 гг. – *авт.*) з главным тогда воровом же и бунтовщиком Алдаром Исекеевым во общем согласии и бунте был, кой начался от того Алдара, ибо прежде того он

¹ МИБ. Ч. 1. С. 225.

² Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. / Автор-составитель Н. Ф. Демидова. Уфа: Китап, 2002. С. 369 (далее МИБ. Т. VI. – *авт.*).

³ Там же. С. 79.

Алдар посылал от себя башкирцев на Кубань для выбору кого к себе в ханы, и те привезли де к нему кубанца Батырь-хана, и от посланного на них войска тот выборный хан бежал в Киргис-Кайсацкую Орду, и после де того Алдар в том же году зимою начал бунтовать»¹.

В данном случае речь может идти о казахском Таваккул (Тауке)-хане (1680–1715), как предполагает С. У. Таймасов². Он происходил из династии Тука-Тимуридов³ и имел титул Бахадур-хан, а это напрямую соотносится с именем «Батырь-хан» русских источников. Так или иначе, некоего «кубанца Батырь-хана» башкиры провозгласили своим ханом. Однако тот «выборный хан бежал в Киргис-Кайсацкую Орду», когда против них были посланы царские войска. Упоминание о том, что он был привезен с Кубани, как будет показано далее, является абберрацией, возникшей по причине контаминации разноречивой информации. Однако бегство хана в «Киргис-Кайсацкую Орду» с большой долей вероятности указывает на место его происхождения. Как свидетельствуют источники, сразу же после возвращения хана в родные пенаты Алдар «начал бунтовать». Это показывает, что описываемые события имели место в 1707 г., когда Алдар-тархан вышел из тени и открыто выступил против правительства. Причиной тому, как писал В. И. Лебедев, было то, что «батырь Алдар был оскорблен уфимским воеводой Львом Аристовым»⁴.

Однако новый уфимский воевода Лев Аристов возложил всю вину за произошедший конфликт на князя И. Уракова, которого он послал в Бурзянскую волость для поимки хана: «...выслал князь Ивана Уракова с товарищи на Нагайскую дорогу, что де у Алдара с Кубани пришлые чюжие люди есть со многим войском; и он де, Алдар, сказал, что таких людей у него нет (так как упомянутый выше Батырь-хан к этому времени уже успел уйти в «Киргиз-Казачью Орду». – *ред.*), и для верности де брата своего большого Тарпана и Аллагула с товарищи 16 человек в аманаты дал; как де тех аманатчиков взяли, ево, Алдара, дом и жилища разграбя, дву человек убили, одного кипчацкого именем Каракучюка, другого тайманского (т. е. тамъянского. – *ред.*) именем Тевеня, ево Алдаровых многих лошадей отогнали»⁵.

Как свидетельствуют источники, кроме бежавшего «Батырь-хана» в вотчинах башкир находился еще один хан – некий «хан-кубанец». Жители Уфимского уезда в 1709 г.

¹ МИБ. Ч. I. С. 411.

² Таймасов С. У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. С. 242.

³ Тука-Тимур – тринадцатый сын Джучи-хана и внук Чингиз-хана. Тука-Тимуриды считались гораздо менее престижной династией, чем, например, Шибаниды – потомки Шибана, пятого сына Джучи-хана. Некоторые авторы полагают, что Тука-Тимуриды вообще не имели прав на ханский престол. Тем не менее в период поздней Золотой Орды многим из них удалось стать правителями уделов, а Токтамыш даже стал ханом всего Улуса Джучи. Тука-Тимуриды (Гирей, Торе, Аштарханиды) правили в Казанском, Крымском, Казахском и Бухарском ханствах.

⁴ Лебедев В. И. Башкирское восстание 1705–1711 гг. // Исторические записки. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 89.

⁵ МИБ. Ч. I. С. 120.

докладывали властям: «И будто приехал в Нагайскую дорогу из ыной человек и сказался, что зовут Ибраим хан, и услыша те речи Лев Аристов послал по всем дорогам с наказами посыльщиков, будто едет тот хан соединяясь с Алдаром с воровскими знаменами и хочет осадить Уфинской уезд»¹. Кроме того, сам уфимский воевода Лев Аристов писал: «А для сыску де и поимки вора самозванца Салтана-Обреима и возмутителей кубанцов, которые де были по призыву башкирскому в Уфинском уезде, и воров изменников башкирцов, которые ездили в Царьград, Юрматынские волости Сюлеймана Уразеева с товарищи, к вору Алдару посылал» войско². Наконец, еще один участник событий, комиссар А. Сергеев, свидетельствовал: «...в 707-и году в сентябре месяце ходили со стороны императорского величества с князь Иваном Ураковым к вору Ардару для поимки кубанцов и самозванца Салтана, которые приехали с ними башкирцы с Кубани в Уфинской уезд для возмутительства...»³

Как говорилось выше, Алдар-батыр отдал князю Уракову в заложники (аманаты) двух своих братьев и даже выдал ему башкира Сеиткула, у которого проживал Ибрагим-хан. Однако царскому командиру этого показалось мало. Его солдаты разграбили имение Алдара и убили двух его гостей – кыпчака Каракучука и тамьянца Тевеня. После этого батыр перешел к решительным действиям. По сообщению Льва Аристова, отряд Уракова был атакован башкирами: «...и после де отдачи тех аманатчиков на уфинского дворянина князь Ивана Уракова и на посланных с ним ратных людей наступали и боем били...»⁴. Но Уракову удалось вернуться в Уфу.

Однако вскоре после этого под Уфу неожиданно явился сам хан, которого безуспешно пытались схватить власти. Башкир Сызгинской волости Елпа⁵, живший близ оз. Тургояк в Зауралье, в октябре 1707 г. предупреждал русское население: «...сказывайте своим русским людям, чтобы русские люди жили с великим опасением и береглись воинских людей, у нас башкирцы думают думу недобрую (...). Стоит де наш царь Салтан под Уфинским городом на речке Чесноковке⁶ в 3 тысячах [человек] и с Ураковым у него Салтана был бой, и прислал де к ним в вотчины башкирские свое знамя и коня, и велит под знамя нам башкирцам всем збиратца, и притти к себе в войско под Уфинский город на Чесноковку речку: и хочет

¹ Там же. С. 262.

² Там же. С. 121.

³ Там же. С. 116.

⁴ Там же. С. 121.

⁵ В документах 1736 г. на р. Миасс фиксируются «Ялпаевские юрты», названные так, по всей видимости, по имени башкира Сызгинской волости Ялпай-батыра (МИБ. Т. VI. С. 199). Следовательно, Елпа и Ялпай-батыр – одно и то же лицо.

⁶ Возвышенность у речки Берсувань (Чесноковка) в 12 верстах от Уфы была местом традиционного съезда (йыйына) башкирских кланов, на котором решались вопросы общенационального уровня. Затем принятые решения в письменном виде представлялись на «песке» (левый берег р. Белой напротив современного монумента Дружбы) властям Уфимского уезда.

Уфинский город взять и уездные деревни вырубить, и хвалитца идти на сибирские слободы и деревни, и говорит де такие речи, я де ваш прямой царь и не берет де меня ни огонь, ни вода, и хочет в сибирских слободах и деревнях жить, хлеба и сена все вытравить. И с Ногайской де дороги башкирцы все ушли к нему Салтану в войско под Уфинский город...»¹

Слова о том, что «царь Салтан» хочет жить в Сибири, являются указанием на его происхождение. Это был царевич (султан)² из династии сибирских Шибанидов, т. е. Кучумович³, потомок сибирского хана Кучума, заявивший права на принадлежавшие его предкам вилайеты Тура и Башкурд⁴. С аналогичной программой выступал его родич Кучухан, признанный правителем Башкирии в ходе башкирского восстания 1662–1664 гг. Теперь некое лицо, фигурировавшее под именем «Салтан» или «Салтан-Обреим» (Ибрагим), также было провозглашено ханом, о чем говорит его заявление: «я де ваш прямой царь». «Прямыми царями» башкир считались именно Шибаниды-Кучумовичи. Однако в источниках, описывающих события 1705–1708 гг., упоминаются еще две фигуры в достоинстве султанов, которые также именовались ханами. Это некие «Салтан-Хозя» и «Салтан-Мурат» (вероятно, султан, т. е. «царевич», Мурат, а не личное имя Султан-Мурат).

Комиссар А. Сергеев сообщал, что Петр I приказал казанскому воеводе Н. А. Кудрявцеву расставить заставы для поимки «воров», но «башкирцы, которые были в Крыму и явились в Уфимском уезде, да с ними кубанцов 5 человек, в том числе один знатной из них Мурат Салтан, и башкирцы де Нагайской дороги Азал абыз с товарищи назвали того кубанца ханом и дальних волостей башкирцы у воровству их приняли многие и говорили те воры, что прислал к ним турецкой салтан хана з грамотою за золотою печатью, и на помочь де идут к ним кубанцов сорок тысяч, а иные де воинские люди будут плавным путем, и чтоб башкирцом перекочевать на нагорную сторону...»⁵. И, наконец, упомянутый выше пленный татарин Булак Акбулатов показывал: «И те их посыльщики привезли с Кубани Салтан-Хозя, что называется ханом, и все ему куран (Коран. – *авт.*) целовали⁶, чтоб им быть всем ему послушны»⁷. Как считает С. У. Таймасов, в имени «Салтан-Хози» нужно выделять два титула – султан и «хозя», т. е. ходжа, как в странах мусульманского востока (Средняя Азия,

¹ МИБ. Ч. I. С. 212.

² Султан (араб. 'власть', 'владычество', 'господство') – титул, который в странах мусульманского Востока мог носить любой суверенный правитель. Однако в традиции постордынских ханств султанами именовали ханских сыновей («царевичей») или просто принцев крови, из числа которых избирались ханы.

³ Кучумовичи – потомки сибирского хана Кучума. Родословная Кучума выглядит следующим образом: Кучум бин Муртаза бин Ибак (Ибрагим) бин Махмудек бин Хаджи-Мухаммед бин 'Али бин Бек-Кунды бин Минг-Тимур бин Бадакул бин Бахадур бин Шибан бин Джучи бин Чингиз-хан.

⁴ Западная Сибирь в сочинениях ряда восточных авторов именуется «вилайетом Тура», которая являлась ядром улуса Шибанидов. В XIII–XV вв. Башкирия признавала над собой сюзеренитет шибанидских ханов.

⁵ Цит.: по Таймасов С. У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. С. 242–243.

⁶ Целование Корана было традиционной формой присяги сюзерену.

⁷ МИБ. Ч. I. С. 225.

Иран, Турция) именовали суфийских шейхов¹. Таким образом, «Салтан-Хозя», т. е. «султан-ходжа» – это, скорее, прозвище, которое могло относиться к Ибрагим-хану или к султану Мураду.

Пожалуй, одной из самых загадочных и почти мистических фигур истории Башкортостана является Мурад-султан. Исследователи спорят не только относительно его происхождения, но даже относительно того, сколько человек скрывалось под этим именем – один, два или три. Дело в том, что человек с именем Мурад или Султан-Мурад в ходе 1707–1708 гг. одновременно упоминается сразу в нескольких местах – в Башкирии, Казанском уезде, Крымском ханстве и на Северном Кавказе, что невольно рождает в памяти мусульманские предания о святом Хызыре, который приходит на помощь путешественникам одновременно в различных частях мира или аналогичные рассказы о суфийских шейхах. Многие факты, приводимые в документах, не поддаются рациональному объяснению, если, конечно, они не являются продуктом аберрации сознания, возникшей у многочисленных свидетелей вследствие разноречивости источников информации.

Сражение под Юрактау

После неудачного рейда князя И. Уракова за головой Ибрагим-хана, закончившегося боем с башкирами и поспешным отступлением в Уфу, началась резкая эскалация конфликта. Понимая, что нападением на правительственный отряд Рубикон был окончательно перейден и что теперь неизбежно последует жестокая акция возмездия, Алдар-батыр приступил к срочному сбору имеющихся сил. Как писал В. И. Лебедев, «тархан Алдар владел 8 000 лучших лошадей и смог мобилизовать сразу много ратных людей»². Но, видимо, сил было недостаточно, поэтому «царь Салтан», т. е. Ибрагим-хан, на речке Берсувань (по-русски Чесноковка) под Уфой, в традиционном месте проведения всебашкирских съездов (йыйынов) обращается ко всем башкирам с призывом собираться под его знаменем: «...я де ваш прямой царь и не берет де меня ни огонь, ни вода...»³. И хотя башкир Сызгинской волости Ялпай-батыр сообщал, что «с Ногайской де дороги башкирцы все ушли к нему Салтану в войско под Уфинский город», далеко не все горели желанием поднять знамя Шибанидов. Источники сообщают, что Алдар-батыру удалось собрать лишь 3 тыс. воинов.

В эгалитарном башкирском обществе трудно было принудить свободных членов родового клана к совершению каких-либо действий помимо их воли. Этим объясняется то, что башкиры почти никогда не действовали большими массами воинов, как это делали

¹ Таймасов С. У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. С. 242.

² Лебедев В. И. Башкирское восстание 1705–1711 гг. // Исторические записки. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 83.

³ МИБ. Ч. I. С. 212.

калмыки и казахи. При отсутствии единоначалия невозможно было собрать войско в десятки тысяч конников. Поэтому каждый башкирский клан или группа кланов действовали на свой страх и риск, имея в своем распоряжении от нескольких сот до нескольких тысяч воинов. Это обстоятельство наложило отпечаток на характер ведения войны. Никогда не полагаясь на численное превосходство, башкиры должны были делать акцент на военных хитростях, использовании разведки, особенностей ландшафта и особенно на личных качествах бойцов. Поэтому они были мастерами малой или партизанской войны (герильи), при необходимости переходящей в довольно крупные сражения.

Сохранилось немало характеристик башкир, даваемых в сравнении с другими народностями, также имевшими собственные военные организации. Кунгурский бургомистр Юхнев, отправленный по заданию правительства в 1725–1726 гг. с разведывательной целью в Башкирию, чтобы выяснить примерную численность башкир и их вооружение, докладывал: «Оной народ военной, по их маниру почитай, в каждом дворе есть пансер, копье, лук и сабель, також де ружье, которое “турки” зовут (...). Войну имеют часто с казацкими (т. е. казахскими. – *авт.*) ордами, також де с каракалпаками и прежде сего против Аюки-хана...»¹ Немецкий этнограф и путешественник XVIII в. Иоганн Готлиб Георги «В описании всех в Российском государстве обитающих народов» писал о башкирах: «Собственное их оружие лук (ша) да стрелы (ок), также копье (сунгус), латы (савот) и головной щит; многие же ходят в походе вместо всего того только с саблями и ружьями или пистолетами, а у иных бывает и все вместе (...). Лошади под ними бывают добрыя; они ездят на них хорошо и смело и стреляют из луков исправно: по чему небольшое число башкирцов и одерживает всегда победу над гораздо большим количеством киргизцов (т.е. казахов – *авт.*); да при том часто башкирцы и одним полком странствуют долго, и не будучи поражаемы, в киргизских ордах...»²

Наибольшую опасность для башкир представляли калмыки, многотысячные войска которых в XVII–XVIII вв. неоднократно вторгались в Башкирию. Особенно памятным было нашествие тайшей Аюки и Замсы во время башкирского восстания 1681–1684 гг., когда вместе с ними, по сообщению русских источников, приходило «воинских людей калмыков и ногайцев и горских черкасов и едисанцев 40 тысяч»³. Разрозненные башкирские отряды, даже если бы они заранее знали о вторжении, не были в состоянии остановить такую массу конницы. Тем не менее набеги калмыков часто заканчивались для них поражениями. В 1644

¹ МИБ. Т. III. С. 486–487.

² Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Часть вторая о народах татарского племени. СПб.: Имп. Академия наук, 1799. С. 95.

³ Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографическою комиссиею. Т. 10. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1867. С. 69.

г. главный тайша Дайчин, дед Аюки, сокрушался: «...а коли мы на них башкирцев хаживали, и мы де с потеркою к себе прихаживали»¹. Например, в 1648 г. близ Соловарного городка (Табынска) башкирский тархан Тоимбет Яныбаев уничтожил отряд калмыцкого тайши Чакулы, хотя силы противников были равны – по 500 чел. с обеих сторон. В 1649 г. Дайчин жаловался русским послам: «...А опасен я только от одного Уфимского города от русских людей и от башкирцев, потому что чинят мне шкodu большую – на улусы приходят войною, людей побивают и в полон емлют (...). Злее всех башкирцы, всегда всякое зло калмыкам от башкирцев»². В 1654 г. русский посланник к волжским калмыкам Борисов сообщал в Москву: «Башкирские люди калмыцким людям и татарам (т. е. ногайцам. – *авт.*) добре страшны: калмыки с ними, башкирцами, мало бьются»³.

Непростыми были отношения башкир с различными категориями служилого населения, например с казаками, служилыми татарами и мишарями, которых правительство часто использовало во время военных кампаний против восставших башкир. Две последние группы служилых людей не представляли собой серьезную силу, но их использовали в качестве вспомогательных формирований в составе регулярных частей. Однако отряды яицких и донских казаков для башкир были серьезным противником. Главное преимущество казаков заключалось в смешанной тактике ведения боя, которая заключалась в умении вести бой верхом на коне и в пешем порядке. Спешенные казаки, окруженные обозом, получали возможность успешно отбивать натиск кавалерии огнестрельным оружием, которое в XV–XVIII вв. почти не использовалось в конном бою. Таким образом, они получали преимущество в огневой мощи за счет своих ружей и пушек. К тому же казаки вооружались огнестрельным и иным оружием, а также снабжались порохом за счет казны.

Что касается башкир, то они не могли иметь пехоту по принципиальным основаниям, так как в эгалитарных всаднических социумах нельзя было любого, даже самого бедного, члена клана заставить стать пехотинцем. Пешие отряды ружейных стрелков (мултук, туфак), существовавшие у казахов, были организованы благодаря наличию властной вертикали. Казахские ханы собственным решением могли определять в стрелки тех или иных лиц, те или иные группы населения. Например, у казахского султана Джангира был отряд из 300 стрелков⁴. В башкирском обществе подобное было невозможно, поскольку каждый считал себя *chevalier*. Оренбургский губернатор Д. В. Волков в 1763 г. писал в Сенат: «Все бывалые

¹ Цит. по: Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. № 24. 1947. М.: Изд-во АН СССР.

² Цит. по: Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. С. 53; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VI. Т. 12. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1961. С. 577.

³ Цит. по: Небольсин П. И. Очерки быта калмыков хошоутовского улуса. СПб., 1852. С. 6.

⁴ Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в конном строю в конце XV–XVI веках // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции 15–17 мая 2013 г. СПб., 2013. Ч. I. С. 231–258.

в здешних местах ведают, что каждой и самой подлой (т. е. низкого происхождения. – *авт.*) башкирец почитает себя за некоторого дворянина, подобно украинским казакам, каждый считает, что он собственную землю владеет...»¹

Оренбургский генерал-губернатор В. А. Перовский говорил о башкирах, что «относительно воинского духа они не уступают оренбургским казакам, а в иных отношениях даже превосходят прочие нерегулярные войска»². Относительно служилых мишарей уфимский наместник А. А. Пеутлинг в 1794 г. писал: «...опытом доказано, что мешчеряки на линейной службе одни не с таким успехом употребляемы быть могут, как обще с башкирцами (которые начальниче замечание однако от башкирцев скрывается, дабы оные не слишком вознеслись в своих о себе представлениях)»³.

Таким образом, указанные выше особенности башкирского общества, а именно отсутствие единого центра власти, не позволили Алдар-батыру в 1707 г. мобилизовать большое число воинов. В отличие от него в распоряжении Н. Кудрявцева и Л. Аристова было несколько полков, стоявших по Закамской линии. Кроме того, в Уфе ими был сформирован усиленный полк, состоявший из 1 300 чел. – солдат, дворян и прочих служилых людей. Этих сил Льву Аристову показалось мало. Поэтому из Казани в Уфу были посланы еще два полка под командованием Сидора Аристова и «немчина» Ивана Риддера. Кроме того, ими были привлечены дополнительные силы из числа башкир, несогласных с политической линией Алдар-батыра, направленной на реставрацию Шибанидов-Кучумовичей и, следовательно, на отказ от русского подданства. Комиссар А. Сергеев показывал: «...воевода Лев Аристов писал в Казань, что ближние, которые около Уфы, башкирцы хотели того салтана Мурата (читай: Ибрагим-хана, так как Мурат в это время находился на Кавказе. – *авт.*) и 3 другими присланными кубанцы отдать и на тех башкирцов, где был тот Мурат салтан, обещали идти для поимки с воинскими людьми его царского величества»⁴.

Во главе уфимского полка был поставлен «полководцем» казанский дворянин Петр Хохлов. В пяти верстах от Уфы к нему присоединился 5-тысячный башкирский отряд главы (аги) Тамъянской волости Казанской дороги Кучум-батыра Тулекеева, который вызвался помогать в поимке хана. Как показывали свидетели, «а сам де он Кусюм сказался, что де будто он идет рубить башкирцов, которые великому государю изменили по Ногайской

¹ *Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2: Экономические и социальные отношения в Башкирии. Управление Оренбургским краем / Сост. Н. Ф. Демидовой. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 457.*

² *Цит. по: Асфандияров А. З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа: Китап, 2005. С. 21.*

³ *Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V / Сост. Н. Ф. Демидовой. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 572.*

⁴ *Цит.: по Таймасов С. У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. С. 246.*

дороге»¹. Против такой большой группировки, насчитывавшей более 8 тыс. чел., у Алдар-батыра не было никаких шансов на успех.

Однако Л. Аристов совершил грубую тактическую ошибку. 16 ноября 1707 г., не дожидаясь прибытия подкреплений, он отправил уфимский полк Хохлова вперед в одиночку. Через три дня в Уфу подошли казанские полки С. Аристова и И. Риддера, которые сразу же выступили вслед за уфимцами. По пути следования все три полка должны были соединиться, но не успели. 4 декабря 1707 г. близ горы Куш-тау (северо-восточнее современного г. Стерлитамака) полк Хохлова встретился с 3-тысячным отрядом Алдар-батыра. К этому времени посланцы последнего уже успели переговорить с Кучум-батыром о том, чтобы он, если и не перешел на сторону повстанцев, то хотя бы выступил посредником в переговорах с Хохловым. Как рассказывал тюменский казак Петр Губарев, находившийся в это время в Уфе, «Кусюм батырь с войском пришед к ним в степи и говорил их полководцу Петру Иванову сыну Хохлову (...), что де воевать полно и с Айдаром де батырем помиритесь; и хотел де он Кусюм их уфинцов с ним Айдаром мирить». Затем обе стороны обменялись заложниками (аманатами): Хохлов дал Кучуму 50 уфимцев, а Кучум дал Хохлову 50 башкир. И эти «50 человек говорили полководцу их, что де прислал их к нему Кусюм для осторожности от Айдара батыря и чтоб полководец их с полком своим шел домой на Уфу, а они де ево с полком до Уфы проводят». После этих слов Хохлов, видя безвыходность ситуации, развернул свой полк и пошел на север в сторону Уфы. Однако пройти он успел лишь несколько верст до следующей горы Юрак-тау, где был атакован башкирами: «...и на дороге де Кусюм батырь да Айдар батырь с войском своим, Кусюм с пятью, Айдар с тремя тысячами, стали их Уфинской полк из ружья бить и учинили на дороге с ними бой; и на том де бою их уфинцов побили и снаряд 5 пушек и мелкое ружье, и всякие воинские припасы побрали до приходу к ним уфинцам с Уфы 2-х казанских полков...»²

К сожалению, нам неизвестны мотивы, заставившие Кучум-батыра, еще недавно горевшего желанием «рубить башкирцов, которые великому государю изменили», внезапно перейти на сторону «изменников» и вместе с ними атаковать правительственный отряд. Можно лишь предположить, что после личной встречи с Алдар-батыром и Ибрагим-ханом у горы Куш-тау, настроение властного, но импульсивного тамъянского батыра резко изменилось. Вероятно, ему были приведены убедительные доводы в пользу немедленного нападения на Уфимский полк, например, то, что прибытие двух казанских полков настолько

¹ МИБ. Ч. 1. С. 246. Численность отряда Кучум-батыра, известная нам из показаний тюменского казака П. Губарева, нам представляется несколько завышенной, так как в ходе дальнейших боевых действий в Казанском уезде под его началом было гораздо меньше воинов.

² МИБ. Ч. 1. С. 229.

усилит отряд П. Хохлова, что сделает почти невозможным его разгром. Тогда этому трехполковому соединению ничто не помешает разорить значительную часть Башкирии.

Именно поэтому Алдар-батыр принял решение об уничтожении противника по частям, не давая ему соединиться. Рассказ П. Губарева о разгроме Уфимского полка представляет собой лишь краткое изложение драматических событий декабря 1707 г., в котором опущены многие детали. Начнем с того, что Хохлов не был столь наивным, чтобы не ожидать нападения башкир. Поэтому его не застигли врасплох, в противном случае последствия могли бы быть еще более губительными. Увидев скачущих башкир, уфимцы по всем законам ратной науки построили вагенбург, т. е. огородились подводами и сели в осаду. Отстреливаясь из пушек и ружей, они несколько дней отбивали отчаянные атаки башкир. Положение осажденных еще более осложнилось, когда в лагерь к Алдар-батыру перебежала группа уфимских дворян, казаков, служилых новокрещен и иноземцев, не пожелавших сражаться на стороне «казанских». Повстанцы соорудили передвижные полевые укрепления, так называемые «гуляй-города». С их помощью они сумели вплотную подойти к вагенбургу и прорвали кольцо обороны. Как показало Сенатское расследование 1716 г. об обстоятельствах гибели Уфимского полка, башкиры «...приступили и били на них за щитов из луков и пицалей беспрестанно, а в управлении тех щитов были уфимские служилые люди Дмитрий Сюзьмин, Максим Аничков, Осип Лопатин, Василий Гладышев, сотник Петр Шапошников и иноземец Алексей Жуков»¹. Преодолев линию тележных заграждений, башкиры бросились убивать солдат. Источник сообщает: «Воры башкирцы (...) ево, Хохлова, с уфинскими ратными людьми на степи осадили и морили 10 дней и ночей, ни пить, ни есть, ни спать не давали, переменяючи приступали и как люди от голоду и от бессонницы обезумели и они, воры, обоз разорвали и побили и в полон взяли»².

От поголовного уничтожения Уфимский полк спасла вылазка отряда стрельцов Соловарного (Табынского) городка во главе с Я. Ушаковым. Выступив из своей крепости, располагавшейся в 30 верстах к северу от Юрак-тау, он внезапно напал на башкир с тыла и вывел из окружения 370 оставшихся в живых солдат вместе с раненым П. Хохловым в Соловарный городок, хотя по другим источникам от Уфимского полка осталось не более 100 чел.³ В это самое время к району боевых действий наконец-то подошли полки С. Аристова и И. Риддера. Близ д. Горной состоялось новое сражение между ними и войском Алдар-батыра, которое завершилось тем, что казанские полки под напором башкир также были вынуждены ретироваться под защиту стен Соловарного городка.

¹ Цит. по: Азнабаев Б. А. Башкирское общество в XVII–первой трети XVIII вв. С. 315.

² Цит. по: Там же. С. 149–150.

³ МИБ. Ч. 1. С. 215.

Таким образом, в сражении под Юрак-тау Алдар-батыр проявил себя как незаурядный полководец, который сумел тактически переиграть своего противника, не дав ему сконцентрировать наличные силы в единый кулак, а затем с помощью четко организованных приступов к вагенбургу нанести ему сокрушительный удар. В ходе многодневных боев правительственные войска потеряли убитыми на поле боя более 1 тыс. чел. Точное число потерь среди башкир неизвестно. Источники сообщают, что «было убито батырей 3 человека, в том числе Исманко (...), а Кусюмко де батырь ранен»¹. Пленный татарин Булак Акбулатов также показывал, что «на тех боях Иманко батырь и иные многие знатные башкирцы побиты, а Кусюмко батырь ранен, а редовых башкирцов побито много»². Гибелью Иман-батыра, предводителя башкир Ногайской дороги в 1705–1707 гг., закончился первый этап башкирского восстания 1704–1711 гг.

«Реконкиста» или Казанский поход

Весть о победе Алдар-батыра над тремя полками регулярной армии, один из которых были полностью уничтожен, разнеслась по всему Уралу, Поволжью и Западной Сибири. Башкирия восстала почти поголовно. Повсеместно начались нападения отдельных башкирских отрядов на правительственные войска, крепости и русские селения. Как сообщал упомянутый выше тюменский казак Петр Губарев, «около де Уфы и Кунгура, и Каракульни, и Сарапула, и Мензелинска в уездах русские деревни воровские воинские люди выжгли и многих русских людей побили»³. Тем не менее сама Уфа, несмотря на угрозу Ибрагим-хана «Уфинский город взять и уездные деревни вырубить», штурмам не подвергалась. Мало того, между Алдар-батыром и уфимцами на протяжении всей «Алдаровщины» сохранялся относительный нейтралитет, основанный на негласном противостоянии Казани. Именно совпадение интересов башкир и уфимцев привело последних в лагерь Алдар-батыра в битве при Юрак-тау. Власти понимали, что основной удар башкир будет направлен не на Уфу, а в сторону Казани.

Инициаторами движения на запад были лидеры башкир Казанской дороги, которые призвали своих собратьев Ногайской дороги к совместному походу в Казанский уезд. Пленный татарин Кутлу-Мамет Куксеев «с пытки» показал: «А начинатели де ныне к воровству и призывают с собою воровать абызы Ахметка⁴ да Тойка⁵, которые живут по

¹ Там же.

² Там же. С. 225.

³ Там же. С. 231.

⁴ Ахмет-абыз был башкиром Байларской волости Казанской дороги. Его имя ныне носит д. Старое Ахметово (в прошлом Ахмет-Абызово), расположенная на р. Мензеле в нынешнем Сармановском р-не РТ.

⁵ Тойка (Туйкэ)-абыз, как указывается в источнике, жил в долине р. Ик. Отсылка к Кучум-батыру может обозначать его принадлежность к башкирам Тамъянской волости Казанской дороги, также располагавшейся вдоль р. Ик. Согласно шежере известных башкирских просветителей и литераторов Фазыла

Мензеле и по Ику рекам, и чтоб в тех местах быть их воровскому караулу, чтоб новых прибыльщиков с войском не пропустить, для того что де их прибыльщиков не любит Кусюм батырь. И прислали де те абызы к ним палку с таврами¹ и письмо, чтобы они шли с ним воровать...»² Предводители Ногайской дороги, в первую очередь Алдар-батыр, откликнулись на призыв абызов, и вскоре отряды башкирских предводителей широким фронтом двинулись к границам Казанского уезда. Оставив позади Уфу, Бирский и Соловарный городки, они направили свои удары по крепостям Закамской засечной линии, куда заблаговременно были отправлены лазутчики из числа местного населения. Вышеупомянутый татарин Кутлу-Мамет Куксеев и еще «человек з 20» были отправлены в караул в д. Баграш близ крепости Заинск, «чтоб не пропустить в Мензелинск ратных людей»³.

Стратегический план Алдар-батыра заключался в том, чтобы «возмутить», т. е. взбунтовать, все мусульманское население Поволжья, захватить Казань и восстановить на территории Южного Урала, Среднего Поволжья и Западной Сибири чингизидское ханство во главе с представителем династии Шибанидов-Кучумовичей султаном Ибрагимом, который к тому времени уже был провозглашен ханом Башкирии. Захваченный в плен татарин Булак Акбулатов показывал: «...а откуда он Салтан и какой, того де он не ведает, только де батыри и все башкирцы за святого его почитают и воздают ему честь. Батыри и лутчие башкирцы целуют ево в полу, а иным целовать не дают. И положили с ним башкирцы совет, посылали в Казанской, в Синбирской, в Саранской, в Алаторский уезды Уфинского уезду Нагайской дороги деревни Каршибаш мещеряка Арасланку, чтоб тех уездов татара все были с ними в соединении, и тому вору Салтан-Хозе шертовали и были послушны. И Казанского уезду к их воровству татара дали слово и ныне к воровству с ними пристали, а Синбирского и Саранского и Алаторского уездов татара им в воровстве отказали. И положили Салтан-Хозя з башкирцы, чтоб им вора башкирцам и Казанского уезду татарам русских людей всех прирубить и всех уездов иноверцов возмутить и к воровству своему

и Кабира Туйкиных, их предком был некий Туйка. Отцом братьев был Абдулкарим Абдулатипов. Однако они взяли себе фамилию Туйкины, хотя должны были именоваться Абдулкаримовыми. Следовательно, у них сохранилась память о Туйке, как знаменитой личности, чье имя было решено сделать фамильным. Действительно, в семейных преданиях он фигурирует как участник одного из башкирских восстаний, который переселился в аул Зай-Каратай нынешнего Лениногорского р-на РТ с востока, т. е. с р. Ик на речку Зай-Каратай. Поскольку коренное население аула Зай-Каратай, где проживали Туйкины, состояло из башкир Юрмийской и Тамьянской волостей, уместо предположить, что Туйка-абыз был предком Туйкиных (см.: Асфандияров А. З. Аулы мензелинских башкир. Уфа: Китап, 2009. С. 577–578; История башкирских родов. Юрми. Том 21 / С. И. Хамидуллин, Б. А. Азнабаев, И. З. Султанмуратов, И. Р. Саитбатталов, Р. Р. Шайхеев, Р. Р. Асылгузин, А. М. Зайнуллин, В. Г. Волков, А. А. Каримов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН; Уфимский полиграф комбинат, 2016. С. 712–715).

¹ Бирки с вырезанными на них тамгами играли роль верительных грамот и, вероятно, были аналогами монгольских пайцз.

² МИБ. Ч. 1. С. 215.

³ МИБ. Ч. 1. С. 215.

соединить, и иттить под Казань всеми людьми. И взяв де Казань тому вору Салтан-Хозе быть в Казани, а как де возьмут Казань всеми их воровскими людьми иттить под Москву и везде русских людей рубить, чтоб нигде христиан не было, а были б все бусурманы, и чтоб завладеть всем»¹.

С самого начала расчет на всеобщее мусульманское восстание оказался неверным. Мещеряк Арслан, отправленный к своим соплеменникам служилым мишарям Симбирского, Саранского и Алаторского уездов, не смог убедить их взяться за оружие во имя восстановления чингизидского ханства. Что касается присоединившихся к движению татар (чувашей) Казанского уезда², то в военном отношении они не представляли собой серьезной силы. В конечном итоге башкирам пришлось рассчитывать в основном на собственные клановые ополчения, которых было недостаточно, чтобы осуществить грандиозный план по освобождению Урало-Поволжья от власти Московского царства и реставрации Чингизидов. Захваченные под Каракулино «языки говорили, что де в собрании их воровских воинских людей под Казань пошли 30 000»³. На самом деле, численность башкирских отрядов значительно меньше. Нерусское население Казанского уезда встречало башкир восторженно. Казанский воевода Н. А. Кудрявцев пенял им: «Воры-башкирцы великому государю изменили, а к тем ворах пристали такая ж воры единомышленники татара ваши (...), а в которые ваши деревни придут те воры, не противитесь и ставите про них меды и пива варите...»⁴

Тем временем казанский комендант Н. А. Кудрявцев 26 декабря 1707 г. приехал в Москву и уже на следующий день был на аудиенции у Петра I, во время которой доложил о ситуации в крае: «...уфимские воры башкирцы, приняв себе вора кубанца и назвали ханом, весьма ныне воруют, разоряют Казанский уезд, которые смежны с ними, русские села и деревни жгут и людей побивают; а на Уфе, как состоитца, ни же ведаем, понеже везде дороги и пути от Казани заняты». После доклада он попросил царя прислать к имеющимся в Казани 6 тыс. солдат еще несколько полков. Царь собрал экстренное заседание «Конзилии

¹ Там же. С. 225.

² Вопрос о самоназвании автохтонного оседлого населения Казанского ханства, а затем Казанского уезда, исповедовавшего ислам, долгое время был дискуссионным. Как показали исследования последнего времени, в русских официальных документах XVI–XVII вв. оно именовалось чувашами. В синхронных тюркоязычных документах эта этническая группа обозначается аналогично, что ставит точку в вопросе об их самоназвании. Не случайно русский историк В. Н. Татищев писал: «Вниз по реке Волге чувашии, древние болгары, наполняли весь уезд Казанский и Синбирский». Эпиграфика булгарского и даже казанского периодов красноречиво говорит в пользу того, что мусульманское население Среднего Поволжья разговаривало на языке близком, если не идентичном, чувашскому. В русских документах XVIII в. для обозначения чувашей-мусульман начинает применяться аллоэтноним «татарин» и социальный термин «ясачный татарин», дабы отличать эту группу податного населения Казанского края от языческих чувашей. Тем не менее во внутреннем употреблении, а также со стороны окружающих народов они по-прежнему назывались чувашами. Башкиры еще в XVIII и даже XIX вв. так именовали татар Казанской губернии.

³ МИБ. Ч. 1. С. 230.

⁴ Цит. по: Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. С. 160.

министров» с участием Т. Н. Стрешнева, Ф. М. Апраксина, И. А. Мусина-Пушкина, на котором было позволено присутствовать и Н. А. Кудрявцеву. В течение двух дней – 30 и 31 декабря 1707 г. – в с. Преображенском разрабатывался план мероприятий по борьбе с башкирским восстанием.

Петр I не разрешил снимать со шведского фронта боевые части, но повелел прислать два полка рекрутов, а также арзамасских, пензенских, алаторских и саранских дворян, «которые по наряду служат из Розряду»¹. Кроме того, было решено направить пять резервных полков из Москвы и Ломова². Еще ранее в Казань был прислан полк «черкасов», т. е. запорожских казаков. Однако большая его часть «разбежалась», видимо, не желая сражаться против башкир³. Также было собрано более тысячи татарских мурз. Стольник И. Бахметев был отправлен к Аюке-хану с грамотой о мобилизации 20-тысячной калмыцкой конницы. Аналогичное повеление получили Яицкое казачье войско. Однако казаки не торопились исполнять приказ правительства. Пленный татарин Кутлу-Мамет Куксеев показывал: «...башкирцу Уразманку, которой ездил на Яик для торгового промыслу говорили яицкие казаки, чтоб русских людей, которые будут на башкирцов наступать – рубить»⁴. Кроме того, башкирские предводители установили контакты с восставшими донскими казаками, во главе которых стоял атаман Кондратий Булавин.

Командующим правительственными войсками, направленными против башкир, был назначен боярин П. И. Хованский, которому было приказано «итить ис Казани с ратными людьми для укрощения на воров...»⁵. Его помощниками были назначены генерал-майор А. Гулиц, бригадир А. Дмитрий-Мамонов, полковник В. П. Шереметев, а также стольник и симбирский воевода Ф. Есипов. До подхода основных сил казанским властям приходилось довольствоваться имеющимися в Казани войсками, которых было явно недостаточно для сдерживания башкирского нашествия. Воевода Н. А. Кудрявцев, два года назад укорявший фельдмаршала Б. П. Шереметева за его мирные методы в решении башкирского вопроса, теперь с ужасом взирал на то, как одна за другой захватываются крепости и горят села, а огненный смерч «Алдаровщины» несет претендента на ханский трон к столице бывшего Казанского ханства.

Башкиры как обычно двигались отдельными отрядами, во главе которых стояли главы кланов и батыры. Между ними осуществлялось взаимодействие согласно заранее принятому плану. Наступая разными дорогами, они должны были собраться у стен Казани. Общее командование осуществлял Алдар-батыр, который, в отличие от батыров Кучума, Куразмана,

¹ МИБ. Ч. 1. С. 212–213.

² Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. С. 157.

³ МИБ. Ч. 1. С. 214.

⁴ Там же. С. 215.

⁵ Цит. по: Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. С. 157.

Хусейна, Исмаил-муллы и других, личного участия в боях не принимал. Он все время сопровождал Ибрагим-хана, играя при нем роль карачи-бека или визиря. Широкая известность Алдар-батыра, его слава героя Азовского похода и великого воина, одержавшего победу под Юрак-тау, были важны для легитимации претендента на трон во время его публичных выходов в народ. Одним словом, Алдар-батыр был гарантом того, что Ибрагим-хан был Чингизидом, а не самозванцем, как его рекомендовали официальные власти. В свою очередь, Ибрагим-хан своим присутствием в качестве сакральной фигуры потомка Чингиз-хана придавал «Алдаровщине» форму политического движения за отделение от Московского царства.

Наличие хана декларировало, что это уже не социальный протест против чиновного произвола и фискального гнета, как это было в 1704–1707 гг., и тем более не банальный грабительский набег. Как показывал пленный татарин д. Зюри Зюрейской дороги Казанского уезда Урмет Бимяков, «пришел к ним хан кубанец Салтан-Мурат, чтобы де ему хану государевою землею завладеть»¹. То есть Ибрагим-хан, которого в некоторых источниках ошибочно именовали «Салтан-Муратом» (чему в соответствующем месте будет приведено объяснение), прямо заявлял башкирам и татарам Казанского уезда, что он явился как представитель свергнутой, но законной династии, поэтому население уезда было обязано признать его своим государем.

Именно поэтому в официальной переписке властей Ибрагим и другие ханы Башкирии именовались «самозванцами», что выглядело довольно странно, как будто бы речь шла о Лжедмитрии или Пугачеве, претендовавших на родство с правящей русской династией. Напротив, ханы громогласно заявляли, что являются Чингизидами, т. е. династической альтернативой Романовым, что пришли сюда для изгнания русских и возвращения своих коронных владений. Видимо, в политическом лексиконе властей не нашлось более адекватных и, самое главное, безопасных определений для возникшей государственно-правовой коллизии. Признав этих ханов Чингизидами, т. е. прежними вотчичами, правительство признало бы «Алдаровщину» не только движением за реставрацию старой династии, но и мусульманской «реконкистой», каковой она, по сути дела, и являлась.

Русский историк Д. А. Корсаков, пожалуй, единственный из дореволюционных авторов, при довольно поверхностном знакомстве с архивными документами, касающимися башкирского восстания 1704–1711 гг., дал ему правильную оценку: «К половине 1706 г. Шереметеву удалось прекратить возмущение в Астрахани (...); но не так скоро прекращено было волнение среди башкир. В течение 1706 и 1707 гг. оно разгоралось все сильнее и

¹ МИБ. Ч. 1. С. 223.

сильнее, выразившись в попытке основать независимое башкирское ханство»¹. В советской историографии схожую мысль высказал А. Чулошников, писавший, что лозунг башкирского восстания сводился «к образованию на территории Башкирии особого мусульманского ханства в вассальной зависимости от Крыма или Турции»².

Уже в 20-х числах декабря 1707 г., как сообщал сарапульский воевода П. Лосев, «пришли из-за Камы воры башкирцы и черемисы под село Сарапул (...) и в Сарапульского присуду село Березовку и деревни Буи, Тарасову, Ташкинову, Касеву, Китаеву, Глухову, Шадрину, Отросову, Мостовую и ясашные многие деревни выжгли и многих крестьян порубили и полонили (...), и ныне же он в селе Сарапуле со крестьяны от них башкирцев и черемисы и от татар сидит в осаде...» Восставшие «уезд беспрестанно разоряют и жгут и по Казанской дороге, а в Казань и з Казани не пропускают и в полон берут»³. Одним из предводителей, действовавших под Сарапулом, был «башкирец Уфимского уезду, Казанские дороги, деревни Зилан⁴, Москов Уразаев»⁵.

Упомянутый выше пленный татарин Урмет Бимяков показывал, что самым первым вторгся в Казанский уезд Кучум-батыр: «А наперед де пошел войною на государевы города под Казань Кусюм батырь, а с ним башкирцов 2 000 человек; а после де ево Кусюма пошел под Казань же Смаил молла⁶, а с ним башкирцов пол-3 000 человек...» Исмаил-мулла разорил с. Чистое Поле⁷, «да деревню Соколовку и иные многие деревни», а башкир деревни Тураево Байларской волости Якуп Кулметев – села Елань и Черемышево⁸.

Другое направление удара башкирских отрядов ожидаемо было направлено на пригороды⁹ Закамской засечной линии. В этом районе находился усиленный пехотный полк стольника А. Дмитриева-Мамонова и драгунский полк полковника В. Шереметева, которые оказались бессильными перед противником. 1 января 1708 г. в Казань пришло известие:

¹ Корсаков Д. А. Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань: Тип. Императорского университета, 1891. С. 19.

² Чулошников А. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // МИБ. Ч. I. С. 43.

³ Цит. по: Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. С. 153.

⁴ Выражение «башкирец деревни Зилан» означает «башкир Еланской волости», так как русские толмачи часто переводили башкирское слово илэу ('волость', 'клан', 'род') как «деревня» (аул). В данном документе упоминается глава (ага) Еланской волости (илэу) Москов Уразаев, имя которого, возможно, носит д. Москово нынешнего Дюртюлинского р-на РБ.

⁵ МИБ. Ч. I. С. 224.

⁶ По мнению А. З. Асфандиярова, Исмаил-мулла был башкиром Еланской волости, а его имя носит с. Исмаилово нынешнего Дюртюлинского р-на РБ (см.: Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. С. 408).

⁷ Ныне город Чистополь Республики Татарстан.

⁸ МИБ. Ч. I. С. 224.

⁹ Пригородами или городками назывались все укрепленные населенные пункты, подчиненные уездному центру, который именовался городом. Для Уфы пригородами были Бирск и Соловарный городок. Казанскими пригородами считались крепости Закамской линии, Елабуга, Арск и др.

«...воры башкирцы пригород Заинск¹ выжгли и людей порубили и идут большим собранием и под Новошешминск²»³. Ожесточенные сражения разгорелись под стенами других пригородов Закамской засечной линии – Билярска, Сергиевска, Мензелинска. Было сожжено с. Шуран и осаждена Рыбная Слобода. 7 января Н. А. Кудрявцев доносил Петру I: «...башкирское воровство умножается и татары Казанского уезда многие пристали и многие пригородки закамские, также и на Казанской стороне Камы реки дворцовое село Елабугу осадили...»⁴

Кроме того, повстанцы стали перебираться на правую сторону Волги. 19 февраля Н. А. Кудрявцев вновь писал царю: «...воры башкирцы и татары казанские от воровства своего не престают, но больше разоряют (...). Уже от Казани в тридцати верстах и правятся перебраться за реку Волгу на нагорную сторону в Свяжский и Синбирский в и в иные узды и от тех уездов в самых близких местах разоряют. Есть ли, государь, перейдут, сохрани боже от пуцаго зла...»⁵ Если казанские татары в общей массе поддержали башкир, то «черемиса казанские еще от воров крепятца засеками»⁶, т. е. оказывают им активное сопротивление, делая засеки. Н. А. Кудрявцев писал: «Вотяки и черемиса к ворах не пристають, разве которые в них воры малые те пристали, и которые не пристали, тех потому ж рубят и в полон берут»⁷.

Москов Уразаев, двигаясь со своим 2-тысячным отрядом от Сарапула на восток, разорил с. Вятские Поляны⁸. Башкирские отряды, вторгшиеся на территорию Вятского уезда, уезда, сожгли Спасско-Чепочкин монастырь и окрестные села, осадили город Уржум. Здесь к ним присоединились удмурты и марийцы. Окрестное русское население в панике бежало вглубь уезда к городу Хлынову (ныне г. Киров). Вслед за ними бежал и отряд солдат во главе с подьячим. К концу февраля 1708 г. повстанцы дошли до верхнего течения р. Кильмез, захватив дд. Селты, Пудга, Узга и др.⁹ Затем Москов Уразаев повернул обратно и «пошел в Уфинской уезд, потому что де животов набрался», т. е. был отягощен захваченной добычей¹⁰. Тем временем Кучум-батыр разорил Илбахтин монастырь¹¹, сс. Омары¹² и

¹ *Ныне город и административный центр Заинского р-на РТ.*

² *Ныне село и административный центр Новошешминского р-на РТ.*

³ *МИБ. Ч. 1. С. 216.*

⁴ *Цит. по: Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. С. 153.*

⁵ *Цит. по: Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. С. 166–167.*

⁶ *Булавиновское восстание (1707–1708 гг.) // Труды историко-археологического института АН СССР. Т. XII. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. С. 408.*

⁷ *Там же. С. 406.*

⁸ *Вятские Поляны – город в нынешней Кировской области.*

⁹ *Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. С. 168. Уржум – город и административный центр Уржумского р-на Кировской области. Селты – районный центр Селтинского р-на Удмуртии. Пудга – с. Большая Пудга Можгинского р-на Удмуртии.*

¹⁰ *МИБ. Ч. 1. С. 224.*

¹¹ *Илбахтин монастырь находился недалеко от с. Челны (ныне г. Набережные Челны).*

¹² *Ныне село в Мамадышском р-не Республики Татарстан.*

Мамадыш¹, а затем поехал вдоль р. Сунь «для возмущения татар, чтоб с ними итить войною на государевых людей»².

Казанский комендант Н. А. Кудрявцев лихорадочно готовился к нападению башкир. 20 января 1708 г. он жаловался князю Меншикову, что московские полки еще не прибыли, поэтому он просил «светлейшего», чтобы «москвичь велели из городов высылать з жестоким страхом». Обещанная калмыцкая конница также пока не появилась. Поэтому он спешно укреплял Казань – «около города и посадов больварки и другие крепости учинили». Далее он писал о предпринятых мерах по противодействию мятежу: «Доносим твоей светлости. Посланы на Елабугу и к Закамским местам, где воровство башкирское, для охранения тамошних пригородов (...), от нас определенные конницею и пехотою ратные люди с начальствующими афицерами»³.

Отправленный для деблокирования осажденной Елабуги драгунский полк В. Шереметева возле с. Мамадыш столкнулся с башкирами и после произошедшего сражения был вынужден отступить. Как показывал пленный татарин Урмет Бимяков, «с Володимером де Петровичем [Шереметевым] в селе Мамадышах был бой у Кусюмовых людей у Куразмана Уразова⁴, а с ним де было башкирцов 1700 человек»⁵. Кучум-батыр в этот момент отсутствовал, так как ездил на р. Сунь «для возмущения татар», поэтому бой с полковником Шереметевым принял его соратник Куразман-батыр и выиграл сражение. 5 февраля 1708 г. Н. А. Кудрявцев писал царю: «У господина полковника Шереметева от Казани, как он шол к Елабуге, был бой, и драгуны ево, пишет, не устояли, потерял 53 человека»⁶. Башкиры потеряли убитыми 95 чел.⁷

Тем временем Исмаил-мулла после разорения Чистополя двинулся к месту сбора, назначенному в д. Савруши⁸: «...да он же де Смаил молла прибрал ис татар Казанского уезду уезду в деревне Саврушах 500 человек». Туда же прибыли Кучум-батыр, Куразман-батыр, Хусейн и другие предводители. И только после этого, как показывал Урмет Бимяков, «пришел к ним же Кусюму и Смаилу в деревню Савруши Алдар батыр, а с ним Алдаром пришло только 9 человек»⁹. Это были хан и его свита. Башкирские предводители хотели всеми силами идти на штурм Казани, до которой оставалось чуть более 70 верст, хотя

¹ Ныне г. Мамадыш и административный центр Мамадышского р-на РТ.

² МИБ. Ч. 1. С. 224.

³ Булавинское восстание. С. 404.

⁴ Куразман-батыр Уразов – башкир Байларской волости, один из предводителей башкирского восстания 1704–1711 гг., участник башкирского восстания 1735–1740 гг.

⁵ МИБ. Ч. 1. С. 224.

⁶ Булавинское восстание. С. 406.

⁷ МИБ. Ч. 1. С. 224.

⁸ Ныне с. Большие Савруши Тюлячинского р-на РТ.

⁹ МИБ. Ч. 1. С. 224.

отдельные отряды башкир разъезжали уже в 30 верстах от города. Например, ими было захвачено с. Чепчуги близ Казани.

5 февраля 1708 г. Н. А. Кудрявцев написал письмо Петру I, в котором сетовал на почти полное отсутствие кавалерии, не считая потерпевшего поражение драгунского полка В. Шереметева, и «со слезами» просил прислать еще три конных полка. Имевшиеся в его распоряжении 4 тыс. солдат под командованием бригадира А. Дмитриева-Мамонова и стольника Ф. Есипова он считал неэффективными в борьбе с башкирской конницей: «Делать с ними нечего». Ради справедливости следует сказать, что конница также была не в состоянии разбивать пехотные соединения, выстроившиеся в каре. Поэтому башкиры делали ставку на опустошение территории противника, внезапность нападений, маневренность и военные хитрости (засады, притворное отступление), одним словом, вели войну по правилам ордынской тактики. Однако русская армия вела войну уже по-европейски, а потому была обречена на победу.

Описывая ситуацию в крае, Н. А. Кудрявцев рисовал почти апокалипсическую картину гибели населения и взывал о помощи: «Всемиловейший государь! Доношу твоему царскому величеству. Воров башкирцов в Казанском уезде умножилось и татар мало не все пристали. Русские села и деревни и святые церкви пожгли многие, и людей мужеска полу и женска и малых младенцов побили множество. И проливают христианскую кровь яко воду, сущим окрест нас, а иных женска полу берут в полон. И от Казани уже в дальних верстах во 60-т и в 40-ке и в 30-ти то чинят. А на отпор государь выслать неково, конницы есть небольшое, худа выслать, лишь потерять (...). Помилуй государь не предаждь таким ворам злоязычникам до конца нас погубить»¹.

В начале февраля 1708 г. к осажденной Елабуге был отправлен последний резерв – 4 полка пехоты под командованием бригадира А. Дмитриева-Мамонова и стольника Ф. Есипова. Когда они дошли до «села Ачей»², «их де усмотрели татары деревни Сеитовых Сабов»³ и иных окольных деревень и чинили тревогу, чтобы де обозу учинить остановку». На следующий день на них напали татары д. Зюрей⁴ и «иных окольных деревень», однако «как был бой, их башкирцов в то время не было», поэтому нападение без особого труда было отбито. Выступив из Зюрей, бригадир А. Дмитриев-Мамонов дошел до с. Баландыш, между которым и д. Савруши, где находился Алдар-батыр с ханом, было всего три версты. На следующий день «под тое деревнею пришло их башкирцов из деревни Савруш 4 000 человек, а начальные де люди у них были Смаил молла да Уразмин (т. е. Куразман-батыр. – *авт.*)».

¹ Булавинское восстание. С. 406.

² Ныне д. Ачи нынешнего Тюлячинского р-на РТ.

³ Ныне поселок городского типа Богатые Сабы Сабинского р-на РТ.

⁴ Ныне д. Старые Зюри Тюлячинского р-на РТ.

Между башкирской конницей и царской пехотой произошла серия столкновений. И. Г. Акманов пишет: «В результате сражения царские полки потерпели поражение и отступили в Баландыш, где и были окружены восставшими»¹. К сожалению, отрывочность сведений не позволяет определенно говорить об исходе боя. Так или иначе, пехотные полки понесли потери и были остановлены. В 1709 г. губернатор новообразованной Казанской губернии П. М. Апраксин, подводя итоги башкирского похода под Казань, писал Петру I о 172 убитых солдатах². Поскольку сражение под Баландышами было единственное крупное столкновение между башкирами и царской пехотой, большую часть этих потерь следует отнести именно к этому событию. Захваченные под Каракулино «языки сказали, что де ис Казани высланы 4 полка и те де 4 полка воровские воинские люди под городом Арским осадили»³. Речь шла об описываемых событиях.

Так и не сумев прорваться к Елабуге, пехотные полки были блокированы в Баландышах, где «укрепясь городьбою и болварками, пяди вон не выходили». Они простояли «в осаде» с 19 по 29 февраля⁴. Причем связь с этими полками была потеряна еще в начале февраля. Приехавший в Казань боярин П. И. Хованский сразу же вступил с башкирами в переговоры, отправив к ним «толмача да с ним выборных татар розных 4-х дорог»⁵. Вскоре он испытал то, что два года назад пережил фельдмаршал Б. П. Шереметев – порицание и обструкцию своих действий со стороны все тех же Н. А. Кудрявцева и его ближнего круга. В своих рапортах они с некоторой иронией комментируют действия подчиненных П. И. Хованского – А. И. Дмитриева-Мамонова и Ф. М. Есипова, намекая на их пассивность: «...стали в татарской деревне Буландышах. И ныне стоят. А для чего, не ведаем (...). И также слышно, что еще никакова бою с ними не бывало. Не мало под сумнением и дивимся, что без дела стоят...»⁶

Целью П. И. Хованского было оттянуть время до подхода основных сил из Москвы и других городов центральной России. Переговоры между ним и башкирами шли почти месяц, а его посланцы сами приезжали в Савруши для выслушивания требований восставших. Причем башкиры ближних к Казани Байларской и Булярской волостей после заключения перемирия успели разъехаться по своим аулам. Однако перемирие, по словам башкир, было нарушено со стороны правительственных войск. 25 февраля 1708 г., они писали: «От меня Усейна да от Куразмана батыря князь Петру Ивановичю Хованскому челобитье, после челобитья слово то. Приехали было, как мы в Саврушах стояли, посланники: те посланники

¹ Акманов И. Г. *Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв.* С. 164.

² МИБ. Ч. 1. С. 251.

³ Там же. С. 230.

⁴ Булавинское восстание. С. 413.

⁵ МИБ. Ч. 1. С. 218.

⁶ Булавинское восстание. С. 409.

приехавши говорили нам великого государя указ, вы, дескать, с своими людьми русские деревни не рубите, также и церкви не жгите, к вам великого государя милость обо всяких обидах будет, сказали. И мы по тем словам воротились и в том слове стали, и церкви не жгли, также и деревни не рубили, и людей своих остановили и по тому слову мы воротились из тех Савруш. И мы по тому слову стояли было, и вышла из Сарапула сила, порубили многие деревни, также и выжгли, по Ише (т. е. Ижу. – *авт.*) реке, да Сидор Аристов порубили меж Каракулина и Мензелинска 5 деревень после того слова. И вы буде в том слове стоите, из мелких пригородков выехали тех воров остановите...»¹

Дело в том, что конный полк Сидора Аристова, выступивший из Уфы, прошел по глубоким тылам повстанцев через Бирск и Каракулино в Мензелинск и в нарушение приказа командующего сжег несколько башкирских аулов и при этом приказывал: «...башкирцов от 10 лет и выше рубить головы, а ниже 10 лет брюха пороть»². За это П. И. Хованский «хотел ево ругать за то, что он их воров рубил и разорял»³.

Исход переговоров неясен, но в конечном итоге блокированные в Баландышах полки были выпущены из кольца окружения, и «с того стану пошли обозом в Казань», а башкиры «их провожали довольно»⁴. При этом Алдар-батыр запретил вступать в новые сражения с бригадой А. Дмитриева-Мамонова. Пленный татарин Урмет Бимяков показывал: «А как де под тое деревню Баландыш были бои, и как ис тое деревни ныне полки пошли к Казани и дорогою был бой, и на тех де боях их башкирцов и татар побито 114 человек: а замку на бою были Кусюм и Смаил молла и Ураз-бай, которой убит, а с ними де было башкирцов и татар 4500 человек (...). А Алдар де с ханом в то число были в Саврушах, и на другой де день боем итить не велел Алдар для того, чтоб де помиритца и чтоб напрасно людей не потерять»⁵. В конце февраля 1708 г. пехотная бригада А. Дмитриева-Мамонова соединилась в д. Чепчуги под Казанью с основными силами боярина П. И. Хованского и генерал-майора А. Гулица.

Башкирское наступление на Казань захлебнулось. Последние сражения с бригадой А. Дмитриева-Мамонова показали, что сил для дальнейшего продвижения нет. От многотысячной армии, вторгшейся в пределы Казанского, Уржумского, Симбирского, Свияжского, Вятского уездов, осталось лишь около 4 тыс. башкир, так как основная масса воинов, утолив жажду мести, вернулась домой. Повстанцы уже были не прочь отказаться от своего хана и идеи независимости, присягнув царю при условии снятия с них новых налогов, установленных прибыльщиками. Толмач Иван Овсянников, ездивший на Арскую дорогу Казанского уезда для переговоров с повстанцами, спрашивал в «ясачной деревне Болтач» у

¹ МИБ. Ч. 1. С. 222.

² Цит. по: Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. С. 167.

³ Булавинское восстание. С. 417.

⁴ Там же. С. 415.

⁵ МИБ. Ч. 1. С. 224.

стоявших там башкир и татар о причинах мятежа, и «они де башкирцы и татара сказали им: села и деревни и церкви божи выжигают и людей рубят и колют они для того, чтоб великому государю учинилось доподлинно известно, потому что наперед де сего к нему великому государю к Москве на прибыльщиков о всяких своих нуждах посылали они свою братью ясачных людей челобитчиков, и те де их челобитчики были переиманы и биты кнутъем, а иные перевешаны, а отповеди им никакие в том не учинено. И чтоб де великий государь пожаловал их, велел с них башкирцов, и татар, и с вотяков и с черемисы для их скудости новонакладную на них прибыль снять, и они де башкирцы и татара отступят и пойдут в дома свои...»¹

Лишь небольшая часть повстанцев во главе с Алдар-батыром выступала за продолжение войны и реставрацию Шибанидов-Кучумовичей. Однако сложившиеся обстоятельства вынудили их принять решение об отступлении. В конце февраля 1708 г. войско П. И. Хованского, состоявшее из солдатских и драгунских полков и насчитывавшее уже свыше 10 тыс. чел., не считая отрядов служилых татарских мурз и «вольницы»², двинулось из Казани к границам Башкирии. Как сообщал все тот же Урмет Бимяков, «ныне де он Алдар, и Кусюм, и Смаил молла идут в Уфинский уезд и с собою всех татар Казанского уезду, Арской, и Зюрейской, и Нагайской, и Алацкой дорог, которые с ними воровали, везут всех з женами и з детьми в Уфинской уезд...»³. Было еще одно обстоятельство, заставлявшее башкир возвращаться на родину, – ожидалось обещанное властями нападение калмыков Аюки-хана. Так или иначе, не вступая в арьергардные бои с полками П. И. Хованского, башкирское войско, насчитывавшее около 4 тыс. чел., в конце февраля 1708 г. отступило на территорию Башкирии. 1 марта, абызы и толмач, посланные командующим в Савруши, никого там уже не застали.

Примечательно, что заслугу вытеснения башкир из Казанского уезда каждая сторона приписывала себе. 7 марта 1708 г. П. И. Хованский докладывал царю: «...башкирцов в Казанском уезде и Саврушах (...) не застали, а съехали де их в Уфинском уезде, в деревне Варзе⁴, потому что де оные воры башкирцы, послыша поход мой, холопа твоего, ис Казани с ратными людьми, ис Казанского уезду все побежали в Уфинский уезд в улусы свои»⁵. Сам П. И. Хованский дойдя до границы Уфимского уезда, которая проходила восточнее Елабуги, там и остановился, не решаясь преследовать башкир.

Н. А. Кудрявцев рисовал перед князем А. Д. Меншиковым совсем иную картину. 1 марта 1708 г. он рапортовал, что им были сформированы два отряда по 300 чел. из числа

¹ МИБ. Ч. 1. С. 216–217.

² Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. С. 174.

³ МИБ. Ч. 1. С. 224.

⁴ Деревня Варзи-Омга в Агрызском р-не Республики Татарстан.

⁵ МИБ. Ч. 1. С. 228.

гарнизонных солдат во главе с казанскими дворянами О. Бартеневым и Р. Немковым, которых он отправил на Арскую и Ногайскую дороги соответственно. И эти два отряда «их воров побили и в полон побрали и прогнали ис тех мест, где им был збор (...), и убрався они с того стану из Савруши все пошли на побег за Каму реку в Уфинский уезд...»¹. Одним словом, он откровенно лгал, представляя дело так, что его 600 чел. смогли прогнать 4-тысячное войско башкир за Каму, чего не смог сделать П. И. Хованский со своим 8-тысячным регулярным корпусом².

Делая обзор прошедшим событиям, казанский воевода Н. А. Кудрявцев также сообщал князю А. Д. Меншикову: «И как воров башкирцы, лучшие батыри Алдар и Кусюм Банта (батыр? – *авт.*), собрався многолюдством, приступали х к казанскому пригороду Билярску день да ночь, и ис того пригорода мужественно против их оборонялись». Осаждавших, если верить Н. А. Кудрявцеву, было 700 башкир и 2 000 татар. Не сумев взять крепость, они расположились в «татарской деревне в Армясове». Ночью на их лагерь внезапно напал станичный атаман пригорода Сергиевска Д. Невежин, у которого было всего лишь 300 чел. (200 русских и 100 чувашей), «побил их множество, и ис той деревни вон выбил»³.

Как говорилось выше, Алдар-батыр в течение всего Казанского похода лично не участвовал в боевых операциях, постоянно находясь при хане и исполняя обязанности карачи-бека. Тем не менее пассаж о «лучших батырах», разбитых атаманом Невежиным, затем неоднократно повторялся в исторической литературе, как один из самых ярких эпизодов обороны Казанского уезда от башкир, преломляясь в различных интерпретациях⁴. Впрочем, и сам первоисточник, т. е. письмо Н. А. Кудрявцева, был всего лишь ретроспективным описанием прошедших событий, в котором опущены подробности и, главное, даты. Донесение было написано 1 марта 1708 г., следовательно, оно не является синхронным событию документом и действительным ситуации тех дней. Оно написано тогда, когда угроза башкирского нашествия уже миновала. Власти Казани, ничем героическим себя не проявившие в ходе его отражения, искали случай реабилитироваться в глазах московского начальства, преувеличивая заслуги гарнизонных отрядов О. Бартенева, Р. Немкова и Д. Невежина, и преуменьшая роль боярина П. И. Хованского.

Тенденциозная картина, нарисованная Н. А. Кудрявцевым, без какой-либо критики затем была воспроизведена в работе историка Д. А. Корсакова, положительно оценивавшего

¹ Булавинское восстание. С. 412.

² Там же. С. 417.

³ Там же. С. 412, 415.

⁴ Русский историк С. М. Соловьев писал: «...лучшие башкирские батыри не могли взять Билярска и были поражены наголову Невежиным, у которого было 200 русских да сотня чуваш» (см. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. третья. Т. XI–XV. 2-е изд. СПб., 1851–1879. Стлб. 1448).

деятельность казанского воеводы и поддерживавшего его позицию по отношению к восставшим башкирам: «Присланный Петром Великим с войском боярин, князь П. И. Хованский, вступил в переговоры с бунтовщиками и этим, конечно, только усилил их самомнение». При этом историк ни словом не упоминает, по какой причине началось башкирское восстание. Ничего он не говорит и том, что боярин вступил в переговоры с башкирами не из потворства башкирам, а потому что хотел разобраться в причинах восстания. П. И. Хованский был осведомлен о том, что именно Н. А. Кудрявцев, А. С. Сергеев, братья Аристовы и другие «казанцы» своими репрессиями и грабежом спровоцировали башкирский мятеж, а потому подобно Б. П. Шереметеву хотел исправить ошибки казанских властей и тем самым умиротворить Башкирию. Однако разбирательство в башкирском вопросе не входило в планы казанских деятелей, поэтому они делали все, чтобы дискредитировать сначала Б. П. Шереметева, а теперь П. И. Хованского, и еще больше разжечь пламя восстания, которое сотрет все следы их преступлений.

На фоне вышесказанного оценка деятельности Н. А. Кудрявцева, данная Д. А. Корсаковым, выглядит совершенно неубедительной: «...только благодаря энергическим распоряжениям Никиты Алферовича [Кудрявцева], Казань была спасена. Отряд под начальством Осипа Бартенева, высланный Кудрявцевым против мятежников, отбросил их от Казани и, вместе с другим отрядом казака Невежина, разбившего бунтовщиков под Билярском, привел к покорности всю восточную часть теперешней Казанской губернии»¹. Как мы видели, все было ровно наоборот. В критический для Казани момент Н. А. Кудрявцев и его сотрудники оказались способными лишь на «слёзные» письма царю и абсолютно бессильными перед лицом башкирских набегов.

В 1709 г., подводя итоги вторжения башкир, первый казанский губернатор П. М. Апраксин сообщал, что за два месяца (конец декабря 1707–конец февраля 1708 г.) на территории Казанского уезда в боях было убито 10 дворян, 55 драгун (сражение под Мамадышем с драгунским полком В. Шереметева), 172 солдата (сражение под Баландышами с пехотной бригадой А. Дмитриева-Мамонова). Было сожжено 228 русских сел и деревень, а в них убито 2 551 чел. (включая отряды «вольницы», воевавшие против башкир) и «от духоты померло 3 605»². Также было сожжено «новокрещенных и иноверческих, кроме татар, 59 деревень», жители которых оказывали повстанцам сопротивление. В них было убито 1 101 чел. В плен было взято 5 дворян, «салдат и иных чинов русских 1.114, новокрещенов 1 516 человек». «И полон русской, которой брали, слышно, государь, многой

¹ Корсаков Д. А. Указ. соч. С. 20.

² Вероятно, имеются в виду погибшие от огня и удушья во время пожарищ.

продали сибирским каракалпакам да в Хиву», – писал Н. А. Кудрявцев царю¹. «Всего в Казанском уезде побито и в полону 10 004 человека», – подводил черту П. М. Апраксин². Русский историк С. М. Соловьев писал: «Апраксин прислал при этом ведомость, чего восточной Украине стоил Башкирский бунт: всего в Казанском и Уфимском уездах пожжено и разорено было сел и деревень 303; людей погибло и в плен отведено 12 705 человек»³.

Казанское направление не было единственным, куда был направлен удар восставших башкир. Драматические события в это самое время разыгрывались в Пермском крае, власти которого в конце 1707 г. получили следующие известия: «...Осинской дороги башкирцы, мешеряки и черемиса и вотяки тысяча с три хотели притти в Кунгурский уезд разорять и под Кунгур. Они с башкирцы Сибирской дороги заодно (...). Башкирцы и мешеряки, черемиса и вотяки Сибирской и Осинской дороги будут воевать с двух сторон разными полками, а к бунту де тех башкирцев возмутитель Сибирской дороги башкирец Менлигуза»⁴. В январе 1708 г. башкиры вторглись в Кунгурский уезд и заняли села Златоуст, Преображенское, Введенское, Никольское, Медянское, Покровское и др., а затем осадили Кунгур. Очевидцы рисуют картину панического бегства русского населения из уезда: «...они, жен и детей своих оставя в Кунгуре, от башкирских татар бегут в Кайгородский уезд к свойственникам, и кругом де Кунгура многие села и церкви и деревни вызжены и люди порублены, да и в тех же местах на Сибирской дороге в Уфимском уезде стоят тех башкирских татар с 8 000 и больше и в панцырях и в кольчугах и в уезде же человек по 100 и по 200 и чинят разорение ж»⁵.

Судя по документам, главным предводителем повстанцев в этом районе был глава (ага) Айлинской волости Менлигуза (Менгли-Ходжа), вместе с которым в Кунгурском уезде действовали главы (агалар) Сызгинской волости Илькей Бикбаев, Кушчинской волости Жиянбет, Мурзаларской волости Аслай, Дуванской волости Таир-хафиз, Катайской волости Арыккай, Салжиутской волости Мамбет, Кудейской волости Суярымбет, Сартской волости Байкучук, Упейской волости Умуркай, Тубалясской волости Кильдик, Балыкчинской волости Байегет, Каратавлинской волости Кучук-хафиз, Куваканской волости Байкиши, а также сарт Акимбет Уразов. После ряда сражений они пришли в урочище Красный Яр (будущий Красноуфимск) для переговоров с кунгурским воеводой, которому башкиры заявили: «Мы стоим здесь [числом] семь тысяч сто человек. Сзади нас стоят еще семь тысяч

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 2. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 888.

² МИБ. Ч. 1. С. 251.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. третья. Т. XI–XV. Стлб. 1449.

⁴ Цит. по: Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. С. 153.

⁵ Цит. по: Там же. С. 162.

сто человек. Договаривайся с нами! Если не договоришься, мы могли бы спалить Кунгур»¹. Все перечисленные предводители Сибирской дороги, воевавшие в Пермском крае, подчинялись Алдар-батыру. Число жертв башкирского похода в Кунгурский уезд неизвестна. Таким образом, «Алдаровщина», ставшая ответом башкир на неслыханные злодеяния представителей государственной власти, в первую очередь казанского чиновничества, стоила населению Казанского и других уездов неисчислимым жертв и полного разорения хозяйства.

«Святой султан»

В событиях 1707–1708 гг., а именно в сражении под Юрак-тау и во время похода башкир к Казани, принимала участие особа ханской крови, которая, по нашему мнению, соответствовала Ибрагим-хану. Последний, как свидетельствуют очевидцы, находился в вотчинах Алдар-батыра в сентябре 1707 г., когда туда явился отряд князя И. Уракова с целью его поимки. Однако в некоторых документах в ходе этих событий вместо него упоминается некий «Салтан-Мурат» или «Мурат Салтан». Приведем примеры. Комиссар А. Сергеев писал, что «башкирцы, которые были в Крыму и явились в Уфимском уезде, да с ними кубанцов 5 человек, в том числе один знатной из них Мурат Салтан, и башкирцы де Нагайской дороги Азал абыз с товарищи назвали того кубанца ханом», а далее он утверждал, что Мурат-султан участвовал в разгроме полка Хохлова². Вторым примером являются слова упоминавшегося выше татарина Зюрейской дороги Казанского уезда Урмета Бимякова о том, что «пришел к ним хан кубанец Салтан-Мурат, чтобы де ему хану государевою землею завладеть»³. Как разобраться в возникшем противоречии?

К счастью, в распоряжении исследователей имеется допрос самого султана Мурада, который дает возможность разобраться в этом запутанном вопросе. 26 февраля 1708 г. во время боя у Терской крепости, что находилась в низовьях р. Терек, был взят в плен «самозванный башкирской салтан». Он был доставлен в Астрахань и 20 апреля допрошен. Уже один этот факт отмечает всякую вероятность нахождения «Салтан-Мурата» среди башкир во время сражения под Юрак-тау и в Казанском походе, если, конечно, он мог мгновенно перемещаться в пространстве.

Во время допроса выяснилось, что его зовут Мурадом, Кучуковым сыном, а «отец де ево Кучук был каракалпацких и киркиских народов хан...». Это был тот самый Кучумович Кучук, который был провозглашен ханом Башкирии во время восстания 1662–1664 гг., так

¹ Мустакимов И. А. Два тюркоязычных документа о башкирских выступлениях первой четверти XVIII века // Проблемы востоковедения. 2011. № 3 (53). С. 85–89.

² Цит.: по Таймасов С. У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. С. 242–243.

³ МИБ. Ч. 1. С. 223.

называемой «Дайчиновщины». В 1669 г. он ушел к каракалпакам, которые, узнав о его шибанидском происхождении, провозгласили его своим ханом, чем вызывали беспокойство у узбекского хана 'Абдул-'Азиза¹, вероятно, решившего, что Кучук решил восстановить свергнутую в Бухаре династию Шибанидов. Об этом рассказали русские послы Б. А. и С. И. Пазухины: «А ныне Абда-Азиз царь идет, по вестям, в украинные свои города, что пришел, без ево ведома и безвестно, Кучюк хан Башкирской, и ныне в Караколпаках, в бухарских же улусех»².

Как показывал Мурад, его отец Кучук-хан был «убит на войне у Гречанех от Аюки хана, тому назад лет с 30, и после смерти отца ево был ханом брат ево двоюродный Ишим³; а он же Мурат спустя после смерти отца своего лет с 20 пошел из Каракалпацкой земли по призыву племянника своего Ибрагима салтана, которой жил у калмыцкого владельца Чагана-Раптана, и жил у него годы с 3 для совету ево, что он у того калмыцкого владельца взят был в полон»⁴. Таким образом, выясняется, что Кучук-хан погиб на войне с калмыцким Аюкой-тайшей⁵ в 70-х гг. XVII в., а в конце 90-х гг. Мурад ушел от каракалпаков и по призыву своего племянника Ибрагим-султана, будущего башкирского хана, прибыл ко двору джунгарского⁶ правителя Чаган-Раптану (Цэван-Рабдану), где тот находился в почетном плену. Джунгарский улус в это время охватывал не только Западную Монголию и Восточный Туркестан, но также Семиречье (нынешний Восточный Казахстан) и Алтай. Поэтому султаны Мурад и Ибрагим могли обитать, как в Восточном Туркестане (Кашгарии или Синьцзяне), так и в Семиречье.

Далее Мурад рассказывал: «И в то де время к тому калмыцкому владельцу приехали из Сибири башкирцы в ево в Чагана-Раптана владенье для торговых промыслов, и из тех башкирцов владенья отца ево Бечим Кайбулин и другие башкирцы, человек с 3, по имяном сказать не упомнит, которые почали жить от войны из владенья отца ево близь Уфы города под державою великого государя, и говорили ему, что де им уфинцом чинятся великие налоги от прибыльщиков, которые сидя в Казани из боярских людей и другие худые люди, и

¹ 'Абдул-'Азиз-хан (годы правления: 1645-1681 гг.) был чингизидом по линии Тукай-Тимура, тринадцатого сына Джучи-хана. Эта узбекская династия носит название Аштарханидов, поскольку в XV-XVI вв. правила в Астраханском ханстве. Аштарханиды пришли к власти в Бухарском ханстве в 1601 году, свергнув Шибанидов.

² Наказ Борису Андреевичу и Семену Ивановичу Пазухиным, данный из Приказа Казанского Дворца в 22-й день июня 1669 г., на посольство в Бухару, Балх и Юргенч, для выкупа пленных русских людей, также о собрании сведений о путях в Индию и о мощах священномученика Симеона, и о привлечении бухарцев к торговле шелком с Астраханью и Москвою // Русская историческая библиотека. Т. 15. Ч. VI. СПб., 1894. С. 66–67.

³ Имеется в виду каракалпакский хан Иш-Мухаммед или Ишим.

⁴ МИБ. Ч. 1. С. 239.

⁵ Ханом Аюка-тайша стал лишь в 1690 г. во время поездки в Тибет, где далай-лама произвел его в ханы. Это было прямым нарушением традиций чингизизма, поскольку не-Чингизид не мог быть ханом.

⁶ Джунгары – западные монголы-ойраты, родственные калмыкам, почему тюркские народы волжских калмыков и джунгаров именовали одинаково экзоэтнонимом «калмак».

в казанских пригородах, и на Уфе, и от тех налог быть им тут под державою великого государя не мочно (...), а ему бы Мурату над ними башкирцами быть салтаном, для того, что них башкирцов особаго владельца не выбрано». Как следует из слов Мурада, башкирские купцы, прибывшие в Джунгарию, предложили ему стать правителем Башкирии. Будучи бывшими подданными Кучук-хана, они признали его законным наследником отцовского титула. Так, султаны Мурад и Ибрагим оказались в Башкирии. Они жили в вершинах Яика у башкир, «которые напередь всего были под владением отца ево, месяца с 3...»

Ханом был провозглашен его племянник Ибрагим, а Мураду, который был признан лишь султаном, была уготована иная роль: «И они башкирцы, приняв ево Мурата себе в салтаны, советовали, чтоб им с ними пройти в Крым под владенье крымского хана, а другие де большая половина башкирцов с ним салтаном в Крым итти не хотели, чтоб с домами и с юртами не разорится». Как видим, изначально речь шла о переселении большой группы башкир в Крым, но постепенно акценты сместились. Было решено, «чтоб ему Мурату всяв лутчих людей человек с 50 ехать в Крым, чтоб крымской хан за вышеписанные обиды и разоренье от русских прибыльщиков принял их к себе под владенье»¹. Скорее всего, речь шла о том, чтобы крымский хан принял башкир под свое подданство и оказал военную помощь во время готовившегося восстания.

Когда Мурад и его спутники добрались до Волги и стали переправляться через нее выше Саратова, на них напали калмыки. От погони удалось уйти лишь султану и 8 башкирам. Доехав до Кубани, Мурад явился к начальникам едисанских ногайцев – некоему Убе-аге и Аллагу-Бату-мурзе, которые «приняли ево с честью», узнав, что «он ханов сын, и от них выбран он от башкирцов в салтаны, и едет к крымскому хану». Мало того, ага и мурза сказали, что «будет де хан в том откажет, и они с ним на выручку к башкирцам пойдут». Причиной столь неожиданно быстро возникшей привязанности к Мураду и готовности следовать за ним даже в Башкирию был ореол святости, окружавший султана. С. У. Таймасов предположил, что он был суфийским шейхом². Оказав на них, на едисанов, неизгладимое впечатление, он приобрел в их лице первых приверженцев среди народностей Кавказа.

Дав Мураду рекомендательное письмо и двух провожатых, «кубанцы», т. е. кубанские ногайцы, отправили их дальше в Крым. По прочтении письма крымский хан Гази-Гирей III (1704–1707) сказал, что «о приеме ево и башкирцов указу учинить не смеет, для того что живет под властию салтана турецкого, потому что у салтана турецкого и у него хана с царским величеством учинен мир». Поэтому дав Мураду «к салтану турецкому лист и то

¹ МИБ. Ч. 1. С. 239.

² Таймасов С. У. Роль суфизма в башкирско-казахских отношениях конца XVII–первой половины XVIII века // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 3. С. 922.

башкирское письмо» с просьбой о принятии в крымско-турецкое подданство, крымский хан отправил башкирских послов в Стамбул. «И приехал он Мурат в Царьград, и посыльщик ханов в Царьграде объявил о нем визирю Махмету». Через неделю визирь принял Мурада, но высказался в том же духе, что и крымский хан, что «принять и на выручку войска послать для приему башкирцов невозможно, для того что у салтана турецкого и у крымского хана с царем московским учинен мир». Поэтому визирь предложил Мураду и башкирам самим переселиться в Крым, и тогда «салтан де хану крымскому принять их велит и место даст». Выдав Мураду жалование 320 левков, визирь приказал посадить послов «за крепкий караул»¹.

Дальнейшие события походили на приключенческий роман: «И он де Амурат из-за караула написал своею рукою к самому салтану турецкому челобитную, зачем он прислан и что ево визирь отправил не объявля ему, и с тою челобитною послал из-за караулу башкирца своего, велел купя платье турецкое тое челобитную подать самому салтану; и тот де башкирец ту его челобитную самому салтану на пути подал». То есть переодетый башкир сумел вручить челобитную султану во время его выхода в город. Лишь после этого послы Урала сумели пробиться на аудиенцию к султану. Ахмед III (1703–1730), выслушав их, принял очень противоречивое решение: он велел крымскому хану принять башкир в свое подданство и дать им войско, но при условии, что они не будут чинить «разорения каково и людем обид не будет, потому что де турецкий салтан с царем русским учинил крепкий мир». После этого он дал Мураду халат, 2000 левков и отправил обратно в Крым².

Интересно, что русский посол в Османской империи П. А. Толстой сразу же заметил появление башкирских представителей. Рассказывая о событиях 1706 г., историк С. М. Соловьев писал: «Толстой дал знать, что приехал от Крымского хана мурза Алей («посыльщик ханов». – *авт.*); с ним хан писал к Порте, что татары (читай: башкиры. – *авт.*), живущие в русских областях, прислали к хану одного султанского сына и трех черных татар, и писал, что хотят из царского подданства выйти все и переселиться в Крым, потому что в России обижают их в вере, берут с них много денег, и свадеб своих не могут они отправлять без русских попов; чтоб крымский хан прислал к ним на помощь войско, и они, с женами и детьми, выйти из Российского государства в Крым могут. Хан просил у Порты позволения дать требуемую помощь; визирь созвал совет, на котором муфти говорил, что по их закону надобно принять татар»³.

Абсурдность решения султана Ахмеда III была очевидной. Как можно было послать крымское войско в Башкирию, не нарушив при этом мира с русским царем? Поэтому

¹ МИБ. Ч. 1. С. 240.

² Там же.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. третья. Т. XI–XV. Стлб. 1438.

крымский хан, продержав Мурада и его спутников около 2 месяцев, дал им подводы и отправил на Кубань. Туда они прибыли зимой 1706 г. и находились там еще 3 месяца. На Кубани к Мураду присоединились уже знакомые ему ногайские мурзы, чтобы «им идти к башкирцам войною, буде они с русскими людьми войну всчали». Мурад-султан с 8 башкирами и 96 ногайцами добрались до Волги и хотели уже переправляться на левый берег между Царицыным и селом Черный Яр¹, как вдруг они узнали, что поблизости вверх по Волге идет «со многим войском» фельдмаршал Б. П. Шереметев, который после подавления Астраханского восстания направлялся в действующую армию на Украину. Это происходило в июне 1706 г.² Отталкиваясь от этой точно установленной даты, можно сделать вывод о том, что Мурад-султан отправился в свой заграничный вояж в 1705 г. Как показывал Мурад, «убоясь того войска», т. е. отряда Б. П. Шереметева, они «побежали назад на Кубань», после чего те ногайские мурзы разошлись по домам. Калга-султан³, обитавший на Кубани, пригласил его к себе, однако башкирский султан не принял приглашения, вероятно, опасаясь ареста, и ушел в Кабарду. Однако туда вскоре нагрянул все тот же калга-султан с войском для очередного набега на кабардинцев. Тогда Мураду ничего не оставалось, как уйти в Чечню, где его радушно принял чеченский бей Амирамза, узнавший, что перед ним «ханов сын».

Мурад-султан жил в Чечне всю зиму 1706–1707 гг. За это время слава о «святом султани» разошлась по всему Восточному Кавказу, многие народности которого признали его своим духовным владыкой. Поскольку до Башкирии было слишком далеко, было решено совершать газават где-нибудь поблизости. Собрав 700 чеченцев и 800 ногайцев, султан, мурзы и чеченский бей решили напасть на Аюку-хана и Чемет-тайшу, которые, по известиям, кочевали близ Терской крепости. Однако, придя на место, калмыков они не обнаружили. Тогда было принято решение напасть на саму Терскую крепость. Мурад показывал на допросе: «И с тех слов они, бей и мурзы, и он Мурат со всеми чеченцы, мичкисы⁴, аксайцы, тавлинцы⁵, и Андреевской деревни кумыки, и Ештерековыми кочевными ногайцы и с мурзою заречным Салта-Муратом и другими мурзами, всего было по смете с 1600 человек, пошли на Терк...»

Астраханский воевода П. М. Апраксин через некоторое время после этих событий докладывал Петру I: «В прошлом 1707 г. уфинской башкирец, которой назвал себя салтаном, быв в Цареграде и в Крыме о башкирской измене и прибежал с Кубани, явился в горских

¹ Ныне с. Черный Яр на севере Астраханской области.

² Заозерский А. И. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М.: Наука, 1989. С. 85.

³ Калга или калга-султан – второе по значимости лицо в Крымском ханстве, которое назначалось из числа близких родственников хана – братьев, сыновей или племянников.

⁴ Мичкисы – один из экзоэтнонимов чеченцев.

⁵ Тавлинцы – собирательное наименование населения Северного Дагестана.

народах, которые близ Терка, называютца чеченцы, мичкисы, аксайцы; и те народы прельстя, называя себя прямым башкирским салтаном и проклятова их закона босурманского святым, учинился над ними владельцем. К нему ж пришли и кумыки, и воры прежние аграханские остальные и с Кубани казаки расколыщики»¹.

«Вожами», т. е. проводниками, у них были жители Терской крепости Лузан, беглый уздень князя Алди-Гирея Черкасского, и двое «окочан»², которые ночью 12 февраля 1708 г. «тайным обычаем» ввели газиев³ в крепость через пролом в стене, «и вошед закричали бусурманским языком и в том городе стали людей бить и в полон брать, и город и дворы зажгли, и на том приступе взяли они 10 пушек, в том числе 7 медных, 3 чугунных, и того бою было до четвертаго часу дня». Город оказался в руках Мурада и его сторонников. Остатки гарнизона во главе с воеводой И. Вельяминовым укрылись в цитадели-кремле. К «святому султану» явился черкесский князь Дивей-мурза со своими узденями и, «поклонясь, целовал ево в полу, стал ему говорить, что де ему от ево воинских людей от мичкисов и черкасов чинится великое разорение и грабеж». Мурад отдал приказ не разорять «их бусурманские слободы» и, «призвав к себе чеченского бея, приказал ему, чтоб поставить у них на дворах караул, чтоб они никуды не ушли». На четвертый день осады терского кремля к нему явились «Андреевской деревни»⁴ владелец Чапан Шавкал» и аксайский⁵ владелец Салтамакут-бей, которые привели 400 конников и пехоту. Среди приверженцев Мурад-султана также был брагунский⁶ бей Султан-бек.

На следующий день, 16 февраля 1708 г., был предпринят штурм кремля: 600 кумыков, чеченцев, ногойцев, башкир и других бросились в атаку, но «городовые де сидельцы по них из пушек и из мелкого ружья стреляли и побили многих, и больше де того приступов к городу не было». После этого газии стали копать шанцы и «из тех шанцов на город стреляли дней с 10». Тем временем мобилизованные астраханским воеводой П. М. Апраксиным (будущим казанским губернатором) силы в количестве 1 200 солдат, 3 000 калмыков и 650 астраханских юртовских татар подошли к Терской крепости. 26 февраля 1708 г. подоспевшая подмога и осажденные одновременно ударили с двух сторон: первые ударили газиям в тыл, а терский гарнизон совершил вылазку, во время которой был убит брагунский бей, а Мурад-

¹ МИБ. Ч. 1. С. 232.

² Окочаны, ококи или окоцкие люди – вайнахский род, который некоторые исследователи отождествляют с предками чеченцев-аккинцев. Некоторые окочаны несли военную службу в Терском городке и имели рядом с ними Окоцкую слободу.

³ Гази (араб. 'воитель') – борец за веру, который осуществляет газават, т. е. джихад меча.

⁴ Андреевская деревня или Андрей-аул – старинное кумыкское селение Эндирей и центр одноименного княжества. Ныне это крупное село в Хасавюртовском р-не Дагестана.

⁵ Аксай – исчезнувшее старинное кумыкское село и центр одноименного княжества, являвшегося владением аксайского улубия. Территория, на котором располагалось село, ныне входит в зону застройки с. Тухчар Новолакского р-а Дагестана.

⁶ Брагуны – кумыкское селение и центр одноименного княжества. Ныне это село на территории Гудермесского р-на Чеченской Республики.

султан был ранен и взят в плен. Из Терской крепости его переправили в Астрахань, а затем в Казань, где он после жестоких пыток подвергся мучительной казни – был повешен за ребро.

Движение башкирского султана Мурада, возможно, было самым ранним эпизодом так называемого мюридизма, вылившегося в форму газавата или военного джихада. Оно было репетицией более мощных освободительных движений конца XVIII–XIX вв. под предводительством шейха Мансура, имамов Гази-Магомеда, Гамзат-бека и Шамиля. Движение «святого султана» была кратковременным, однако правительство было напугано призраком общемусульманского восстания народностей Кубани, Кавказа и Урала, которые объединились не для обычного военного похода или баранты¹, а для целей религиозно-политического порядка. Источники ясно говорят, что горцы почитали султана Мурада не только как потомка Чингиз-хана, но и как «святого», т. е. суфийского шейха. Признав его духовный суверенитет, они беспрекословно ему подчинялись: султан отдает приказы чеченскому бею Амирамзе, черкесский князь Дивей-мурза целует полу его халата, а кумыкские владельцы – шамхал и улубий – по его повелению посылают на приступ терского кремля своих лучших бойцов.

Движение Мурада настолько выбивалось из правил тогдашнего обыкновения, что астраханский воевода П. М. Апраксин объяснял произошедшее дьявольским искушением. Свой рапорт Петру I от 20 марта 1708 г. он завершил пассажем, требующим разъяснения: «И сей злодей здешним народам чрез диавола страшен явился, и башкирцы по ево пересылке изменили. И при нем под Терком ныне башкирцы были, и с теми всеми намерен был тот злодей идти к нам и в Башкирцы, да бог допустить милосердием своим не восхотел»². Русский историк С. М. Соловьев, основываясь на этом и других документах, сделал заключение: «Но этим дело не кончилось: поднимая горские народы для общего магометанского дела, он (Мурад-султан. – *авт.*) успел переслаться с своими башкирцами, – и вся Башкирия взволновалась. Волнение было тем опаснее, что у восставших явился глава, назвавшийся ханом»³.

П. М. Апраксин, конечно же, ошибался, говоря, что «башкирцы по ево пересылке изменили». Как известно, восстание башкир началось уже в 1704 г., а в 1705–1706 гг. приняло форму вооруженных выступлений без какого-либо участия Мурада. Однако «святой султан», находясь в Крыму и на Кавказе, какое-то влияние на Башкирию все же оказывал, коль скоро астраханский воевода упоминал о его «пересылке» с восставшими башкирами. Вероятно, за несколько месяцев пребывания на Кубани и в Чечне он сумел наладить канал

¹ Баранта (барымта) – набег с целью грабежа или вид имущественной мести, который, в отличие от кровной мести (карымта), не должен был сопровождаться человеческими жертвами.

² МИБ. Ч. 1. С. 233.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. третья. Т. XI–XV. Стлб. 1447.

связи с лидерами восстания и своим племянником Ибрагим-ханом, находившимися в Башкирии. В ходе Сенатского расследования 1722 г. бывший уфимский воевода Лев Аристов показывал, что в сентябре 1707 г. он посылал отряд князя И. Уракова «к вору Алдару» для «поимки вора самозванца Салтан-Обреима и возмутителей кубанцов, которые де были по призыву башкирскому в Уфинскому уезде, и воров изменников башкирцов, которые ездили в Царьград, Юрматынские волости Сюлеймана Уразеева с товарищи...»¹.

Как видим, Л. Аристов вовсе не утверждал, что «вор и самозванец» Ибрагим был привезен с Кубани. Зато становится ясным, что оттуда прибыла группа «кубанцев», т. е. ногайцев, а вместе с ними башкир-юрматынец Сулейман Уразеев, отправленный с Кубани в Башкирию султаном Мурадом. Эти «пересылки», на наш взгляд, и породили слухи о загадочном «хане-кубанце», которого никто в глаза не видел, но зато почти все слышали о «святом султানে», который вот-вот вернется с Кубани в Башкирию. Однако, как свидетельствуют источники, он так и не вернулся – был взят в плен при осаде Терской крепости и казнен в Казани. Власти, черпавшие свою информацию со слов «языков», т. е. не очень осведомленных рядовых участников движения, были введены в заблуждение их разноречивыми показаниями.

Остается объяснить смысл показаний старшины Бурзянской волости Сеит-бая Алкалина, который, находясь под следствием, в 1740 г. говорил, что во время башкирского восстания 1704–1711 гг. «Алдар посылал от себя башкирцев на Кубань для выбору кого к себе в ханы, и те привезли де к нему кубанца Батырь-хана, и от посланного на них войска тот выборный хан бежал в Киргис-Кайсацкую Орду, и после де того Алдар в том же году зимою начал бунтовать»². В данном случае Сеит-бай логически соединил друг с другом два факта: отправку Алдар-батыром на Кубань делегации башкир во главе с султаном Мурадом и появление в Башкирии некоего «Батырь-хана». Последний предположительно мог соответствовать казахскому хану Тауке или другому принцу крови, который, когда возникла опасность военного столкновения с отрядом князя И. Уракова в сентябре 1707 г., «бежал в Киргис-Кайсацкую Орду» – туда, откуда, скорее всего, он и был приглашен в Башкирию. Поэтому нет никаких оснований видеть в нем пресловутого «кубанца». После этого ханом был провозглашен султан Ибрагим, который в октябре того же года стоял лагерем на р. Берсувань (Чесноковка) близ Уфы и называл себя «прямым царем» башкирского народа.

Алдар-батыр, раскладывая свой ханский пасьянс, исходил из логики целесообразности того или иного претендента для его политического проекта. Призывая в Башкирию «Батырь-хана», он, щцщочевидно, надеялся на военную помощь казахских ханов.

¹ МИБ. Ч. I. С. 120–121.

² МИБ. Ч. I. С. 411.

А когда эти надежды вскоре рассеялись, им была поддержана идея использовать в качестве знамени борьбы традиционных сюзеренов башкир в лице Шибанидов-Кучумовичей. Появление башкирских купцов Б. Хайбуллина с товарищами в Джунгарии, где они отыскивали сына и внука своего последнего хана Кучука, вряд ли было случайностью. Приглашение их на трон Башкирии говорит о том, что лидеры движения решили опереться на собственные силы, сделав ставку на консолидацию башкирского общества вокруг популярной династии.

Ибрагим-хан остался в Башкирии, а султан Мурад, считавшийся «святым» (аулия), был послан в Крым и Стамбул, чтобы добиться от крымского хана и османского султана военной помощи. План изначально был несбыточным. В 1569 г. турецкая армия не смогла добраться даже до Астрахани, поэтому об успешном походе турецких и крымских войск в Башкирию не могло быть и речи. Во время вторичного пребывания на Кубани по пути из Стамбула и Крыма Мурад-султан отправил на родину несколько башкир во главе с Сулейманом Уразаевым (с ним также был Кильмяк-абыз Нурушев) и кубанских ногайцев, передав им султанский фирман «з грамотою за золотою печатью» с известием, что «на помочь де идут к ним кубанцов сорок тысяч, а иные де воинские люди будут плавным путем, и чтоб башкирцом перекочевать на нагорную сторону [Волги]...»¹. Одним словом, поручение султана Мурада заключалось в том, чтобы доставить в Башкирию фирман османского султана Ахмеда III. На словах Сулейман Уразаев должен был рассказать Алдарбатыру и другим лидерам движения, что обещанного в «грамоте за золотою печатью» 40-тысячного кубанского войска не будет. А перекочевывать в Крым башкиры ни за что не согласились бы. Понимая, что его миссия в Крым и Стамбул по большому счету закончилась ничем, «святой султан» решил поднять на борьбу горцев Кавказа.

Перемирие и раскол движения

Отступая перед численно превосходившими войсками боярина П. И. Хованского, часть башкирских отрядов переправилась на левый берег Камы в Уфимский уезд, а другая часть отошла к р. Иж и остановилась в д. Варзи². С ними ушли тысячи казанских татар, которых на родине ожидали расправа и рабство, причем со стороны своей же «братьи». Тысячи служилых татар под руководством мурз И. Яушева, Б. Ишеева, муллы Ишбулата и др. шли позади регулярных частей и вместе с отрядами русской «вольницы» расправлялись с жителями селений, которые оказывали поддержку башкирам. Спустя более 10 лет татары, бежавшие в Уфимский уезд, жаловались: «...казанские же мурзы и татары слободские и уездные во время той башкирской войны многих их братью ясашого чину татар побили, а

¹ Цит. по: Таймасов С. У. *Башкирско-казахские отношения в XVIII в.* С. 242–243.

² Деревня Варзи или Варзи-Омга входила в Салаушевскую туюбу башкир Байларской волости.

иных в полон забрали к себе в неволю мужеска, женска полу и меж себя друг другу невольных продают, а иных держат у себя неволю и по се время, а слава лежит на одних башкирцов, будто они Казанский уезд разоряли. А которые их братью татар ясашого чину башкирцы полонили и после Хованского уговору, и те полонные живут в Уфимском уезде и донныне на воле»¹. Решение башкир дать убежище татарам Казанского уезда имело далеко идущие последствия, которые оказали влияние на политическую ситуацию внутри башкирского общества и изменили этнический состав населения Башкирии.

17 марта 1708 г. П. И. Хованский дошел до Елабуги и разбил там лагерь, демонстративно показав, что на территорию Башкирии вступать не собирается, чем вызвал критику со стороны воинственной «казанской партии», которая еще два месяца назад «слезно» умоляла царя о помощи. Казанский воевода Н. А. Кудрявцев писал своему товарищу А. Сергееву, находившемуся в это время в Москве: «Зело опасаемся, что он (т. е. П. Хованский. – *авт.*) не слепил какова нелепова с ними (башкирами. – *авт.*) договору»². Примерно через месяц, 14 апреля, он уже жаловался князю А. Д. Меншикову, обвиняя боярина в том, что он вступил в переговоры с башкирами: «А как господин Хованский был в Казани, и ис Казани выступя, с теми ворами чинил пересылки на письмах, а иные к нему и приезжали, а о чем и какие с ними чинил договоры, того мы не ведаем. И во се число над ними никакого промыслу не имел и за Каму реку в Уфинской уезд не пошел и никого не послал, стоит со всеми в одном месте у реки Камы в селе Елабуге, а при нем ратных людей конницы и пехоты 8 000 с лишком»³.

Переговоры затягивались, а их результаты были пока незначительными. К концу апреля на верность царю присягнули лишь башкиры крайних западных волостей, находившихся в непосредственной близости от ставки П. И. Хованского – Енейской и Булярской. Тем не менее он настойчиво продолжал налаживать контакты с повстанцами, чем вызывал огонь критики в свой адрес со стороны Н. А. Кудрявцева. В упомянутом письме от 14 апреля он продолжал жаловаться князю А. Д. Меншикову на П. И. Хованского: «...а как выступил ис Казани, то ниже хочет наших слов слышать. А слышим государь, что он господин с Елабухи посылал к ним ворах хлебы и мед, а для чего не знаем».

Разногласия между командирами, руководившими защитой Казанского края от башкир не укрылись от английской дипломатии. 5 мая 1708 г. посол Чарльз Витворт (Withworth) сообщал статс-секретарю Гарлею (Harley): «Я уже сообщал вам о мятеже башкирских татар, который собственно находится в прежнем положении: немногие мятежники, правда, изъявляют покорность, дают присягу в верности Царю, и

¹ МИБ. Ч. I. С. 286–287.

² Булавинское восстание. С. 415.

³ Там же. С. 417.

главнокомандующий местных войск (Хованский. – *авт.*) доверяет искренности такой присяги. Но ... губернатор¹ видит в ней только уловку для выигрыша времени...»²

В конце марта 1708 г. установилось временное затишье, которое уже в начале мая сменилось новым всплеском боевой активности. В центре Башкирии повстанцы атаковали и взяли штурмом Соловарный городок: «...воры к Соловарному городку приступали и, наложив на телеги сухового леса, зажегли, подвезли под городовую стену, и тот город и церковь Божию выжгли и людей побили, а оставшиеся отошли и сели в осаде в острожке, и они к тому острожку приступают»³. Под Кунгуром также вспыхнули боевые действия. В мае 1708 г. башкиры, кунгурские татары (кунгуры) и марийцы осадили Ильинский острожек. На помощь осажденным прибыл военный отряд во главе с кунгурским воеводой Трусковым. В бою, состоявшемся 28 мая, отряд был разгромлен, а воевода был смертельно ранен⁴. Основная часть башкир, разорявших Кунгурский уезд, приходила с Сибирской дороги Башкирии. В рапорте приказчика Уктусских заводов С. Павлуцкого тюменскому воеводе в конце марта 1708 г. приводятся показания пленного мещеряка Юлдаша Утемышева, служившего в башкирском войске кашеваром: «А башкирская сила стоит в Сысках⁵ 6 000, у всех огненное ружье, пищали и турки есть; а панцырников де человек с 300, а начальный де у них башкиретин с Аю реки Аммает (...). А товарищи де ево с теми башкирцами воевать на Кунгур ездили, и воевали и полон русских людей привозили, и в Казачью Орду отвозили и продавали...»⁶ На восточной границе Башкирии атакам повстанцев подверглись Чумляцкая, Чусовская, Уткинская слободы Тобольского уезда. На крайнем западном направлении отряды башкир продолжали нападать на Закамскую засечную линию в районе Сергиевска и Билярска. В мае 1708 г. они разорили 15 русских и чувашских сел, а в начале июня под Самарой «русское село Касимовского царевича⁷ воры башкирцы вырубали и в полон побрали...»⁸.

Тем не менее П. И. Хованский продолжал свою мирную инициативу, и она стала приносить существенные плоды. 26 мая он со своим войском выступил из Елабуги и переправился на левый берег Камы у с. Челны, чтобы приводить к присяге башкир. Из Ижорской канцелярии в Разряд сообщалось: «И мая 31-го числа, послыша поход их, башкирцы приехав, лутчие люди и ото всех Уфимского уезда 4-х дорог всем войском, в

¹ По всей видимости, имеется в виду казанский воевода Н. А. Кудрявцев.

² *Дипломатическая переписка английских послов и посланников при Русском дворе // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 50. СПб., 1886. С. 4–16.*

³ МИБ. Ч. I. С. 248.

⁴ Акманов И. Г. *Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. С. 179.*

⁵ Вероятно, имеется в виду Сызгинская волость в Зауралье.

⁶ МИБ. Ч. I. С. 234.

⁷ Село Царевщина, ныне поселок городского типа Волжский близ города Самары.

⁸ *Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 1. Петроград: Первая гос. тип., 1918. С. 619–626.*

винах своих великому государю доби́ли челом, и прише́д к ним боярину и воеводе в полк по своей вере куран целовали, а другие наибольшие и мирские люди х куранному целованию преведены на той стороне Камы реки (...). И у того куранного шертования били челом великому государю они башкирцы, чтоб с них новоокладные ясаки снять, и чтоб Льву Аристову за многие обиды и налоги на Уфе не быть». Князь Хованский пошел навстречу башкирам – отменил «новоприбыльные» налоги, снял с должности уфимского воеводу Л. Аристова, назначив вместо него своего подчиненного стольника и бывшего симбирского воеводу Ф. Есипова. Однако башкиры просили прислать им московского жителя. Тогда новым уфимским воеводой был утвержден Григорий Титов. Далее Хованский отозвал из Уфы пехотный полк Ивана Риддера, которой был «в асадном случае на Уфе», а вместо него отправил туда полк Семена Норова. Перемирие, заключенное с башкирами, позволило последнему без всяких затруднений пройти по территории, охваченной восстанием. Новому воеводе было приказано «з башкирцев ясак збирать по старому окладу на нынешний 708 год вновь...»¹.

Восстание подходило к своему логическому завершению: жажда мести башкир была утолена, а правительство пошло им навстречу, удовлетворив их требования. Однако процесс примирения вновь был внезапно прерван действиями казанского воеводы Н. А. Кудрявцева. Всю зиму 1707–1708 гг. он переписывался с Аюкой-ханом, призывая его прислать против башкир большое войско. Калмыцкий владелец обещал дать 20-тысячную конницу. Однако в марте 1708 г. на его ставку внезапно напали донские казаки во главе с атаманом Игнатом Некрасовым. 14 апреля Н. А. Кудрявцев с сожалением сообщал князю А. Д. Меншикову: «А от Юки (т. е. Аюки. – *авт.*) пишут к нам, что хочет иттить на воров башкирцев многими людьми, только мешают ему донские казаки, многие юрты разорили, и людей побили, и в полон поимали, и ныне тщатся, где б улусы разорить»².

Между башкирами и взбунтовавшимся донским атаманом Кондратием Булавиным существовали договоренности о совместных действиях против царских войск. Как сообщали источники, «на Яик (т. е. к яицким казакам. – *авт.*) приехали три башкирца и говорили, что их, башкирцев, в собрании много, имеют согласие с каракалпаками, киргизами (казахами. – *авт.*), донскими казаками и кубанцами: положено у них всех друг друга не выдавать»³. 2 июня 1708 г. английский посол в России сэръ Чарльз Витворт докладывал статс-секретарю

¹ Булави́нское восста́ние. С. 429–430.

² Там же. С. 418.

³ Соловьёв С. М. *История России с древнейших времен. Кн. третья. Т. XI–XV. Стлб. 1449.*

Гарлею в Лондон: «...с Булавиным 36 000 человек и он, божьей милостью, состоит в союзе с башкирами, которые снова взяли за оружие»¹.

Действия булавицев отвлекли силы калмыков от башкир, поэтому Аюке пришлось разделить свое 20-тысячное войско на две части: 10 тыс. двинулось под Саратов, осажденный Игнатом Некрасовым, а 10 тыс. были отправлены в Башкирию. Первый калмыцкий отряд вынудил казаков отступить к Царицыну. Второй отряд калмыков под командованием бригадира Бахметева неожиданно для башкир обрушился на волости Казанской дороги по р. Ик. Историк С. М. Соловьев писал: «...Бахметев поспешно пошел вперед, чтобы не допустить башкирцев до воровского соединения; перешел р. Ик, вступил в жилища самих воровских заводчиков, – крепкие и лесистые места, побил их на многих боях и загонах, жилища выжег, много побрал полону, лошадей, скота, захвачен был сын главного заводчика – муллы Измаила»².

Повстанцы, вступившие в переговоры с П. И. Хованским, полагали, что его приказы о прекращении боевых действий распространяются на все правительственные силы. Поэтому удар, нанесенный калмыками, был для них полной неожиданностью, так как они успели убрать свои дозоры. В 1709 г. они писали казанскому губернатору П. М. Апраксину: «А как они в прошлом году при господине Хованском куран целовали и он их обрадовал, что в винах прощены и в том дал письмо, и они де после того опасатца ничего не стали и со всех сторон караулы свои свели. И после того приехал на них Чап-Держат³ с 7 000 калмыки да Иван Бахметев с 500 русскими людьми и многие деревни разорили, и многих ясырей в полон и лошадей побрали, и на том де бою многих калмык они побили»⁴.

Как пишет И. Г. Акманов, произошло несколько кровопролитных боев, не давших перевеса ни одной из сторон⁵. Наконец, в дело вмешался П. И. Хованский, и вскоре калмыки и башкиры, отдав друг другу захваченных в плен людей, прекратили сражения. 8 июля боярин докладывал в Разряд: «Июня 30-го дня (...) Уфимского де уезду ото всех 4-х дорог начальнейший Кучук батырь (т. е. Кучум-батыр. – *авт.*) и другие набольшие башкирцы с товарищи, пришед к нему в полк в винах своих великому государю да били челом и в верной своей службе куран целовали...»⁶

Правительство решило, что башкирское восстание закончилось, поэтому отправило боярина П. И. Хованского в помощь князю В. В. Долгорукому, подавлявшему Булавино

¹ *Дипломатическая переписка английских послов и посланников при Русском дворе // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 50. СПб., 1886. С. 4, 9, 12, 16.*

² *Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 15. Стлб. 1449.*

³ *Чакдорчжаб – старший сын Аюки-хана, полководец и правитель Калмыцкого ханства в 1714–1722 гг.*

⁴ *МИБ. Ч. 1. С. 266.*

⁵ *Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. С. 185.*

⁶ *Булавиноское восстание. С. 433.*

восстание. Перед отъездом он произнес пророческие слова: «И того де он опасен, чтоб (...) ими ворами Львом и Сидором Аристовыми пушева возмущения не учинили»¹. Таким образом, в официальной переписке Разряда, государственного органа военного управления, братья Аристовы открыто были названы «ворами». Но, разумеется, никаких последствий слова Хованского не возымели. Все казанские деятели остались на своих постах, и никто из них не ответил за свои злодеяния. В связи с губернской реформой во главе вновь учрежденной в мае 1708 г. Казанской губернии, к великому разочарованию всей «казанской партии», был поставлен бывший астраханский воевода П. М. Апраксин, но Н. А. Кудрявцев также не остался без должности. Он был назначен комендантом Казани и полностью сохранил свое влияние в губернии. Комиссары А. Сергеев и С. Вараксин также сохранили свои посты. Братья Аристовы были вызваны в Москву для разбирательства по указу Ближней канцелярии, органа административно-финансового контроля. Но Н. А. Кудрявцев обратился к князю А. Д. Меншикову, к главному казнокраду России, и тот сумел прекратить расследование.

Таким образом, благодаря усилиям князя П. И. Хованского удалось не только вытеснить башкир из Казанского и других поволжских уездов, но и в значительной степени погасить пламя восстания. Самое главное, ему удалось внести раскол в среду башкирских предводителей. Батыры Кучум и Куразман, Исмаил-мулла, Аббас-мулла² и другие вожди предпочли сложить оружие, когда власти удовлетворили их требования, – отменили «новоприбыльные» налоги и сместили с должности уфимского воеводы ненавистного Льва Аристова. Идея независимого башкирского ханства для них была абстракцией, которая потеряла в их глазах всякую значимость, как только правительство пошло на уступки. Однако Алдар-батыр и его сторонники желали продолжать борьбу.

Продолжение «реконкисты» в Зауралье и Сибири

Летом 1708 г. на всей территории Уфимского уезда вновь установилось затишье. Большая часть глав волостей всех четырех дорог – Казанской, Осинской, Ногайской и Сибирской – присягнула на верность царю. Однако, несмотря на коллективное «шертование», в Башкирии не наблюдалось полного «послушания». Н. А. Кудрявцев

¹ Там же. С. 434.

² Аббас-мулла Тутиев – знатный башкир Енейской волости Казанской дороги. В 1731 г. он был принужден башкиром Булярской волости Азыбесом Доскаевым и основал нынешнее село Апачево Актанышского р-на РТ. До этого он проживал в ауле Чанай (Еней), которую можно соотносить с деревней Еней-Иткино, располагавшейся недалеко от деревни Саузбаш нынешнего Краснокамского р-на РБ и ушедшего под воду из-за строительства Нижнекамского водохранилища в 1978-1979 гг. Деревня Еней упоминается под 1682 г. в отписке казанского воеводы Петра Шереметева царям Ивану и Петру: «...сказывал деревни Яней башкирец Исупко Иткенеев, что за Камою рекою объявились калмыцкие многие люди...» (Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографическою комиссиею. Т.10. Спб.: Тип. Эдуарда Праца, 1867. С.69).

жаловался царю, что башкиры отказываются предоставлять подводы для казенных нужд, а на требование отправить 1 000 человек на службу в Санкт-Петербург «только воровством своим ругают и сказали: как-де на реках лед будет, в то де время пойдем на службу»¹. Казанский комендант несколько сгущал краски, поскольку в следующем 1709 г. тысячный отряд башкирских тарханов все же участвовал в «Рижском походе»², во время которого осаждал шведский гарнизон Риги³. Большая часть башкир, хотя и отказывалась платить какие-либо подати в казну, в то же время не вела враждебных действий против правительства, не нападала на русские войска, селения и крепости. В Башкирии установилась редкая ситуация, которую можно назвать «ни миром, ни войной». Население пользовалось внезапно свалившейся на них свободой, игнорируя призывы губернатора привозить ясак, а власти были вынуждены мириться с полной утратой контроля над краем.

Однако в некоторых уголках Башкирии по-прежнему сохранялись локальные очаги вооруженного сопротивления. На Сибирской дороге таковыми были Айлинская и Кара-Табынская волости, где Уракай «с товарищи (...) в тамошних местах чинят воровство»⁴. На Ногайской дороге центром притяжения антиправительственных сил была Бурзянская волость – вотчина Алдар-батыра. Казанский губернатор П. М. Апраксин, прекрасно понимая, что только личная присяга последнего на верность царю может привести к окончательному умиротворению Башкирии, призвал знаменитого батыра лично приехать к нему в Казань. Однако Алдар-батыр, зная сколь могущественна и коварна «казанская партия», отверг приглашение, сказав, что «ныне ему Алдару в Казань приехать невозможно от злых воров от Микиты, от Сидора, ото Льва»⁵. Далее Алдар припомнил, что он по соглашению с Хованским отдал последнему русских пленников, а боярин «в тех словах не устоял, их полоняников не отдал», в том числе брата Алдара, который был взят в аманаты. Мало того, «господин Хованский прислал Ивана Бахметева для разорения». Таким образом, он ставил в вину П. И. Хованскому вероломный набег отряда И. Бахметева и калмыков Чакдорчжаба летом 1708 г., а к П. М. Апраксину отказывался ехать потому, что в Казани находятся «злые вору» Н. А. Кудрявцев и братья Аристовы. Алдар завершал свое письмо словами, что пока последние не понесут наказания, «и он государю не слуга»⁶.

Начался период вынужденного бездействия Алдара по причине резкого сужения социальной базы восстания. Башкирские общинники, как и большинство обычных

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 2. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 889.

² В документах, касающихся башкирских тарханов, затем отмечалось, что они были «в Свеском походе».

³ Рахимов Р. Н. Указ. соч. С. 130.

⁴ МИБ. Ч. 1. С. 249.

⁵ Имеются в виду Никита Кудрявцев, Сидор и Лев Аристовы.

⁶ МИБ. Ч. 1. С. 264–265.

обывателей, привыкло руководствоваться ближними целями. Результаты их борьбы в течение 1704–1708 гг. были налицо, поэтому, устав от войны, они предпочли пользоваться плодами своих побед и более не ввязываться в авантюрные предприятия Алдар-батыра. Некоторые из башкир даже были не прочь откликнуться на призыв властей схватить мятежного батыра и говорили П. М. Апраксину, что «на вора Алдарка собрався ехать готовы»¹. Было ясно, что в Приуралье восстание поднять не удастся. Совсем иная ситуация сложилась в Зауралье, где градус недовольства башкир поддерживался негативными для них последствиями русской колонизации, усилившейся в конце XVII–начале XVIII в.

Земельный конфликт в Зауралье имел давние корни. Как утверждали русские старожилы, «после царя Кучюма и взятия Сибири, исстари теми землями владели тобольские и тюменские служилые и ясачные татара для промыслов; а башкирцы жили изстари за горами в Уфинском уезде...»². И лишь во время башкирского восстания 1662–1664 гг., когда «оне башкирцы великим государем изменили, не хотя ясаку платить на Уфе», они якобы «от того воровства бежали с уфинской стороны Каменю на сибирскую сторону (...), и, живучи на тех землях их башкирцов умножилось»³. Однако рассказанная история была далека от истины. Дело в том, что во время завоевания Сибири башкиры кланов Табын, Сырян, Бикатин (Мекетин), частично Айле были в числе наиболее преданных приверженцев сибирского хана Кучума, сына Муртазы. Башкирские кланы Катай, Салъют (Салжиут), Терсяк, Шуран и другие, напротив, были противниками «царя Кучюма». Однако ни первые, ни вторые в силу административно-политической неразберихи, царившей в Зауралье в первой половине XVII в., не получили грамот, подтверждающих их вотчинные права на земли. Ситуация осложнялась также тем, что в 1635 г. по указу царя Михаила Федоровича башкиры Бала-Катайской, Салжиутской, Кара-Табынской, Кушчинской и Айлинской волостей ввиду нашествия калмыков (ойратов) были временно переселены «по сю сторону Урала»⁴. Значительная часть членов этих кланов затем вернулась обратно в Зауралье, поэтому у русских старожилов, обосновавшихся в Сибири не ранее начала XVII в., возникло ошибочное мнение относительно времени поселения там башкир.

Претензии башкир Зауралья затем были признаны законными, и в течение XVIII в. их вотчинные права были подтверждены правительством. Однако за прошедшие десятилетия тяжб и споров в Сибири и Зауралье на якобы «порозжей земле» были построены десятки острогов, крепостей, сел, слобод и заводов – Долматов монастырь (1644 г.)⁵, Катайский (1659

¹ Там же. С. 266.

² Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 1. 1700–1713. Петербург: Тип. министерства внутренних дел, 1882. С. 80.

³ МИБ. Ч. 1. С. 88.

⁴ Новиков В. А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1879. С. 214.

⁵ Ныне г. Долматово Курганской области.

(1659 г.) и Колчеданский (1673 г.) остроги¹, Арамильская (1675 г.)², Окуневская (1676 г.)³, Белоярская (1682 г.)⁴, Верхняя Миасская (1685 г.), Багарякская (1688 г.)⁵, Пещанская (1688 г.), Уктусский завод (1702 г.)⁶ и множество других населенных пунктов.

Башкиры зауральских волостей Сибирской дороги неоднократно обращались к верховной власти. Однако она, официально запрещая захватывать башкирские вотчины, в реальности ничего не могла поделать со стихийным процессом колонизации Восточной Башкирии. Русский историк А. Дмитриев писал: «...русские люди силою сгоняли башкир с их старинных вотчин, чем, конечно, сильно восстанавливали их против русской власти. Отсюда происходили нескончаемые поземельные споры, доходившие до поголовных бунтов башкир против русских людей. В действительности башкиры были стародавними насельниками Исетского края и прилегающего к нему с юго-запада озерного бассейна в южной части нынешнего Екатеринбургского уезда»⁷.

Со времени башкирского восстания 1662–1664 гг. прошло сорок лет, в течение которых башкиры Зауралья один на один пытались остановить русскую колонизацию своих земель. Огромная протяженность Башкирии с запада на восток, а также обычное доминирование частной выгоды над общими интересами затрудняли объединение усилий всего народа для защиты отдельной взятой волости или нескольких волостей. Поэтому башкиры Зауралья прибегали к иным способам борьбы. В 1695–1696 гг. у них случился локальный бунт: около 500 башкир собралось у оз. Иртяш и приехавшим из Тобольска служилым людям сказали, «чтоб земель и угодий и башкирских их жилищ досматривать и мерять впредь не ездили». Зачинщиком мятежа был башкир Бикатинской волости Юмагужа Ишкарин, который заявил: «А у них же с Казачьей Ордой и с Каракалпаками мирно и у всех у них башкирцов с ними одна дума: побив де всех русских людей, пойдут они башкирцы в Казачью Орду и в Каракалпаки, и собрався с ними, придут на слободы войною и все де слободы разорят без остатку...»⁸

Слова Юмагужи Ишкарина не были пустыми угрозами. На протяжении нескольких последних лет Тобольский уезд подвергался опустошительным набегам «воинских людей Казачьей Орды» и каракалпаков, о чем подробно сообщается в Сибирском летописном своде. В 198-м (1690) г. они напали на Тарханский острог, захватили в плен более 30 чел., «да

¹ Ныне г. Катайск и с. Колчедан Свердловской области.

² Ныне г. Арамиль Свердловской области.

³ Ныне с. Окуневское Курганской области.

⁴ Ныне поселок городского типа Белоярский в 45 км от Екатеринбурга.

⁵ Ныне с. Багаряк Челябинской области.

⁶ Ныне г. Екатеринбург.

⁷ Дмитриев А. А. Пермская старина. Вып. VIII. К истории зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации. Пермь, 1900. С. 38.

⁸ Памятники сибирской истории XVIII в. С. 82.

тарханских татар побили человек з дватцать». Из Тюмени и Тобольска за ними выступили более 700 казаков и татар, но настичь «воровских людей» не смогли. В 199-м (1691) г. «пришед безвестно, воинские люди Казачьей орды, бесермены, Тобольского розряду развоевали вверх Тобола реки две слободы, Утятцкую да Камышевскую (...), многих беломестных казаков и крестьян» убили и около 200 чел. взяли в полон. В 7200 (1692) г. «пришед безвестно воинские люди Казачьей орды, татара (т. е. башкиры. – *авт.*) и каракалпаки, вверх Тобола реки на деревни, слободы Царева городища и развоевали Утятцкую слободу...». Захватив ясырь, они отошли в степь. Посланная за ними сотня беломестных казаков была разбита – погиб сотник и 45 чел. Наконец, самый большой урон тобольцам был нанесен в 7201 (1693) г., когда «воровские Казачьи орды и каракалпаки, татара (т. е. башкиры. – *авт.*) напали на Ялуторовскую слободу», убили «на лугах» 42 беломестных казаков и крестьян, взяли в плен 69 чел. обоего пола. За ними в погоню пошел дворянин Василий Шульгин с отрядом тобольских детей боярских, казаками, служилыми татарами и крестьянской «вольницей», всего – несколько сот человек. Однако отряд Шульгина был разгромлен у оз. Семискуль, причем в бою погибло 357 чел. На следующий 202-й (1694) г. «воинские иноземцы Казачьи орды и с каракалпаки» разорили Чумляцкую слободу, «крестьян и беломестных казаков, и их жен, и детей, и братьей побили», захватили в плен 33 чел.¹

Взятый в плен в бою у оз. Семискуль крестьянин Ялуторовской слободы Лёвка Ушаков после своего возвращения рассказал, кто стоял за этой серией нападений на остроги и слободы Тобольского уезда: «...в 201-м году взяли ево Левку Казачьи Орды воинские люди в полон з бою, в то время как побили в Тобольском уезде у Семискуля озера тобольского дворянина Василья Шульгина с ратными людьми, и везли ево Левку и многих русских людей до каракалпаков связанных 36 дни, а было де Казачьи Орды и каракалпаков 1 300 чел.; и как их взяли, и он де Левка видел русского человека яицкого казака да 6 человек башкирцов, а те де башкирцы были с ними на бою; да в Каракалпаках же живут башкирцы во многих юртах з женами и з детьми заодно и на войну ходят вместе и вожем на слободы бывают оне ж башкирцы...»² Башкиры были не только «вожами», т. е. проводниками, но и вдохновителями и инициаторами нападений: «...и знатно по тому их наущению та орда под слободы подбегают и разоряют по вся годы, чего преж сего не бывало»³. Начальник главного правления казанских и сибирских казенных заводов В. Н. Татищев прямо указывал,

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. С. 284–288.

² МИБ. Ч. 1. С. 94.

³ Памятники сибирской истории XVIII в. С. 84.

что башкиры свои нападения на русские селения «чинят под именем каракалпаков, Казачьей Орды и других своих соседей»¹.

В 1694 г. батыр Айлинской волости Уракай Юлдашбаев и его люди были «в Казачьей Орде и с Тевкихановыми² людьми шертовали и договорились, чтоб им весной, соединяясь всем вопче Казачьи Орды с людьми, притти на слободы войною»³. Набеги на сибирские слободы происходили и в последующие годы. Весной 1708 г. пленный мещеряк Юлдаш Утемышев показывал, что, когда он был у «башкиретина у вотченика у Карабаша⁴, и он де Карабаш говорил ему Елдашу, буде башкирцы воровские люди поедут по сибирскую сторону Уралу Камени, их башкирцов станут неволить и подзывать идти воевать сибирские слободы русских людей, и они де воевать с ними пойдут...»⁵. Показательны слова Карабаш-батыра о том, что в набеги он ходит по принуждению. Следовательно, далеко не все башкиры Зауралья были сторонниками войны. А «неволил» его, по всей видимости, тот же Уракай. За обещанием набега последовали действия. В конце мая 1708 г. тобольский воевода писал в Верхотурье: «А воровские воинские люди башкирцы около тобольских слобод облегли с войною и во многих местах воруют, деревни жгут, людей бьют»⁶.

Однако до массовых нападений на сибирские слободы и серьезных столкновений с правительственными войсками пока дело не доходило, так как собственных сил у зауральских башкир для этого было недостаточно. Тогда Уракай-батыр, воспользовавшись затишьем на Ногайской дороге, обратился к Алдару с призывом начать войну на Сибирской дороге и в Сибири. Пленный башкир Айлинской волости Урусакай Туровтев показывал: «А подзывал де их с собою воровать вор Уракай Янташев (правильно: Юлдашбаев. – *ред.*); а к нему Уракаю пришли башкирцы ж с Нагайские дороги тысячи с четыре, а которых волостей не знает, с начальными людьми Айдаром Баем, да Абыли Аджи, Емалдай Бай, всего тысячи с четыре. Да Сибирских же дорог к ним же собрались башкирцов с тысячу человек; а начальныя де люди у них Абадак Курткачиков да вышеписанной вор Уракай с Табинскою волостью, да с двумя Алинскими волостями, да Кувакской⁷, да с Возенискою волостей, да Каракачкин с Кочюргацкими⁸ волостями, да Карангул Кабалин с Каратабинскою волостью; и

¹ МИБ. Т. III. С. 481.

² Тевки-хан – Тауке (Таваккул)-хан (1680–1715), правитель Казахского ханства и каракалпаков.

³ МИБ. Ч. I. С. 94.

⁴ В документах упоминается «Карабаш батур», живший по р. Миасс с 60 дворами в ауле Карабаш. Ныне данное селение сызгинских башкир стало г. Карабаш Челябинской области.

⁵ МИБ. Ч. I. С. 234.

⁶ Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. I. 1700–1713. Петербург: Тип. министерства внутренних дел, 1882. С. 320.

⁷ Имеется в виду Куваканская волость Сибирской дороги.

⁸ Кок-Ергацкая (Кокеранская, Кук-Ерган-Табынская, Кок-Джюргекская) волость, входившая в Табынское объединение.

и всего де было в собрании тысяч с пять»¹. Таким образом, повстанцы сумели собрать 5-тысячное войско.

Еще до начала массовых передвижений повстанцев с Ногайской дороги на Сибирскую башкирскими предводителями было принято решение избрать нового хана. Дело в том, что после окончания «Казанского похода» Ибрагим-хан, некогда столь почитаемая фигура, в документах более не упоминается. Его исчезновение совпало с мучительной казнью в Казани его дяди, «святого султана» Мурада, словно это был один и тот же человек. Поскольку мистика не является предметом истории, внезапное исчезновение Ибрагим-хана приходится списывать либо на его смерть, либо на очередную династическую рокировку Алдар-батыра. Последнее, как нам кажется, ближе к истине. По всей вероятности, лидер движения за чингизидскую реставрацию и исламскую «реконкисту» решил сделать ставку на другого представителя династии Шибанидов-Кучумовичей. Ибрагим-хан был знаменем неудавшегося завоевания Казани, да к тому же он не имел даже небольшого числа воинов. Вероятно, поэтому Алдар-батыр решил призвать другого претендента на трон «вилайетов Тура и Башкурд», способного поддержать новый виток борьбы не только в качестве ее знамени, но и реальной вооруженной силы.

В сентябре 1708 г. уфимский воевода сообщал, что «от каракалпацкого хана Тевки² к ворам башкирцом, вначале к вору Алдару, пришли посланцы проведывать, что у башкирцов учинилось с русскими...». Служилые люди, которые еще продолжали разъезжать по башкирским волостям, приводя населения к присяге, сообщали, что башкиры «не токмо [не] шертовали, но и сами насилу уехали, а сказали что де им недосуг ныне шертовать, для того что де идут к ним каракалпаков 20 000...»³. Забегая вперед, скажем, что расчет на Тауке-хана, как и вообще на казахских Тука-Тимуридов, не оправдал себя. Принятие башкир в свое подданство грозило им серьезным осложнением отношений с могущественным Московским царством и не приносило почти никакой материальной выгоды, сравнимой, например, с данью, получаемой от населения присырдарьинских городов. Мало того, строптивые и непокорные башкиры подчинялись бы казахским ханам лишь номинально, сохраняя за собой полную свободу действий – даже на совершение набегов в казахские улусы. Поэтому Тауке-хан лишь «проведывал, что у башкирцов учинилось с русскими», не испытывая ни малейшего желания брать башкир под свою опеку.

Вести о том, что в Башкирию идут 20 или даже 40 тыс. каракалпаков, как покажут дальнейшие события, были не более чем слухами, распускавшимися повстанцами для устрашения властей и колеблющихся соплеменников. Поэтому самым важным в

¹ Памятники сибирской истории XVIII в. С. 372–373.

² Видимо, казахский хан Тауке был в то время одновременно и ханом каракалпаков.

³ МИБ. Ч. 1. С. 250.

сентябрьском сообщении уфимского воеводы было следующее: «И к Алдару почали башкирцы съезжатца, а ясаку платить старого и в мысли их нет»¹. Поскольку надежды на помощь казахов оказались тщетными, Алдар-батыр решил призвать султана из числа традиционных башкирских сюзеренов Шибанидов-Кучумовичей, живших среди каракалпаков. 3 ноября уфимский воевода докладывал: «...по подговору вышеписанного атамана башкирца Алдара идет каракалпацкая многая сила в Уфинский уезд, и тот Алдар поехал встречать»².

В начале 1709 г. стали приходиться разноречивые известия. Так, кунгурский подьячий Василий Окоемов сообщал: «...башкирцы де Айдар посылал в Каракалпаки сына своего и привели каракалпацкой силы в Башкиры на Нагайскую дорогу 40 000». А пришедший в Белоярскую Теченскую слободу башкир Катайской волости Атаяк Назаргулов «сказывал»: «...из Каракалпак на Ногайскую дорогу пришел посол Тобурчуков сын Каип салтан, 25 лет, а с ним 56 чел. каракалпаков; а пришли де они под подзывке той Ногайской дороги башкирца Айдар Бая и Кучюка батыря с товарищи; и Айдар де Бай и Кучюк Батыр (т. е. Кучум-батыр. – *авт.*) и все башкирцы Ногайские и Казанские и Сибирские дорог, которые воровали и воевали русские слободы в прошлом 1708 г., у посла Каип салтана многие куран целовали на том, что вместе в Сибири слободы и деревни воевать»³. Упомянутый в документе Каип-султан Тобурчаков был Шибанидом-Кучумовичем, которого казахский Тауке-хан поставил во главе каракалпаков.

Однако дальнейшие события были сродни появлению тени отца Гамлета. Майор Дмитрий Угрюмов, сидевший в Катайском остроге, и приказчик Белоярской слободы Григорий Шарыгин сообщали в Тобольск, что «пришел на Нагайскую дорогу по подзывке башкирцов же Айдара с товарищи ис Каракалпаков Кучюк хан во многой силе воевать Сибирь; и которые де башкирцы в прошлом 708 г. подходили под сибирские слободы, те все уехали на Нагайскую дорогу»⁴. Данное известие содержит в себе два важных момента. Во-первых, если верить словам русских чиновников, в Башкирию прибыл «ис Каракалпаков» провозглашенный еще в 1662 г. ханом Башкирии «царевич» Кучук, отец «святого султана» Мурада, хотя по показаниям последнего его отец давно погиб на войне «от Аюки-хана». Во-вторых, башкиры Сибирской дороги, которые в 1708 г. «подходили под сибирские слободы», зачем-то все уехали на Ногайскую дорогу.

Объяснение происходившим событиям можно найти в «отписке» казанского губернатора П. М. Апраксина в Разряд: «...уфинские де башкирцы все были в прежней

¹ МИБ. Ч. 1. С. 250.

² Цит. по: Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. С. 195.

³ Памятники сибирской истории XVIII в. С. 375–376.

⁴ МИБ. Ч. 1. С. 251.

измене и упорстве и даней с себя никаких не давали (...). И из них де пушие изменники Алдарка с товарищи призвали к себе ис Каракалпак воровского хана Хазея, и тот де хан в феврале месяцев нынешнего 709-го г. с теми воровскими башкирцы в тех башкирских юртах, от Уфы ездою в 5-ти днях, в урочищах в Юрматинскую волость и многие де башкирцы по прелести тому хану с тем Алдарком шертовали...»¹ Словом, башкиры Сибирской дороги приехали к башкирам Ногайской дороги для церемонии провозглашения очередного хана Башкирии и для присяги ему. «Поднятие хана» происходило в Юрматынской волости, вероятно, у священной горы Тора-тау. Нового хана звали Хазей, т. е. Хаджи, и он приходился покойному Кучук-хану либо сыном, либо братом. П. М. Апраксин писал Петру I: «А которые есть пушие в ымене стоят и привезли ис Каракалпак некакова воровского салтана, тому который у нас в Казани за ребро повешен, называют братом...»² То есть, по утверждению П. М. Апраксина, Хаджи-хан приходился Мураду Кучукову братом.

Власти были встревожены этими известиями и рассылали по сибирским гарнизонам острогов и слобод «прочётные памяти», чтобы держать «ружье во всякой готовности, безоплошно». Однако опасения властей о приходе большого войска со стороны оказались напрасными. 22 февраля 1709 г. казанский губернатор П. М. Апраксин писал Петру I: «Премилостивейший государь! О башкирцах собственно вашему величеству доношу. Уже три годы до меня и ныне стоят в злодейственном упорстве и воровстве, и ныне по призыву от них знатного вора (т. е. Алдар-батыра. – *авт.*) приехал к ним ис Каракалпак некакой вор, бутто ханов сын, тому де, что у нас кажнен (т. е. казнен. – *авт.*), дядя или брат; и преж де до меня у них ввали, бутто он пришел в 20 000, а ныне я подлинно проведал, что с ним меньше 100 чел.»³.

Как видим, надежды Алдар-батыра на военную помощь каракалпаков также не оправдались. Если в прежние годы по призыву башкир Сибирской дороги отдельные отряды казахов и каракалпаков ходили в грабительские набеги под сибирские слободы, то когда речь зашла о реставрации «Кучумова царства», никто из них не захотел участвовать в этом деле. По всей видимости, казахская знать просто не желала вмешиваться в политические проекты Алдар-батыра, таившие потенциальную опасность союза России и Джунгарии против Казахского ханства. Поэтому Тауке-хан, фактически, правивший в это время обоими народами, мог запретить всем каракалпакским султанам, биям и батырам вмешиваться в башкирское восстание. Лишь родственники казненного в Казани «святого султана» Мурада, вероятно, находившиеся не у дел и казаковавшие в степи, откликнулись на призыв Алдар-батыра. Однако с собой они смогли привести не более 100 чел.

¹ МИБ. Ч. 1. С. 258.

² Там же. С. 256.

³ Там же. С. 253.

Провозгласив хана, башкиры Ногайской и Сибирской дорог пошли «во многих силе воевать Сибирь». Как говорилось выше, их было около 5 тыс. бойцов. Этих сил было явно недостаточно для реставрации в Сибири династии Шибанидов-Кучумовичей и, тем более, исламской «реконкисты». В зауральских слободах был расквартирован драгунский полк, а вскоре прибыл еще один конный полк из Тобольска. В десятках острогов, слобод и деревень проживало несколько тысяч казаков и крестьян, из которых были сформированы многочисленные отряды «вольницы». Таким образом, общее количество правительственных сил было сравнимо с численностью повстанческого войска, однако в распоряжении первых были многочисленные укрепления с артиллерией в них. Все это давало властям несомненное преимущество.

Тем не менее Хаджи-хан, прибывший в Сибирь, стал вести себя не только как представитель законной династии, но и как *гази*, т. е. борец за веру. Он издал фирман, подкрепленный печатью Каип-Мухаммед-Бахадур-хана¹: «...молюся ему единому богу, сотворившаго всего света небо и землю, и всем пророкам и угодникам ево от отлученного ево лукавого врага, зла и молю бога за них, которые веруют единому богу и пророкам и угодникам ево, после того было б им ведомо. Которой к вам приехал хан Хозей и князя по совету 7-ми юртов согласясь с совету послан ис 700 000 людей, покамест мы приедем верных и неверных разберите, а верные особо живите, а будет вам так не жить, сами себе на свой грех пеняйте. И после того ведомо б было: Казань был Шигалея хана² юрт, а Уфа была Гаряя хана³ юрт, оба мусюльманские юрты были, и вы иноверцы из мусюльманского юрта подите вон и вы мусюльманскую веру веруйте, а буде в мусюльманскую веру не пойдете, давайте нам дани. А будет чего на себя не примете, дайте поля и скажите место и силы соберите, мы в то место будем готовы, и не мстите⁴ что того не быть; имянно которые мусюльманья к иноверцам пристанут и вспоможения учинят, и их имена написав пришлите к нам, буде бог велит сами приедем и в грехах их не простим, прежнюю вашу вину простили, а ныне прощать не будем. Сей, которой к вам приехал, сын мой, и что слов и старших, которые с ним приехали, буде ослушны учинитесь, отнюдь прощения не будет. А буде кто единому богу верует и пророкам ево и мусюльманскому царю не покоритца, и те мусюльманья будут какие же иноверцы и на втором пришествии в вечной муке»⁵.

¹ МИБ. Ч. 1. С. 265.

² Имеется в виду предпоследний казанский Шах-‘Али, трижды побывавший на троне в 1519–1521, 1546, 1551–1552 гг.

³ По всей видимости, имеется в виду Шибанид Ахмед-Гирей, правивший в Башкирии в 1546–1558 гг. в качестве наместника Ногайской Орды.

⁴ Так в тексте. Возможно: «...и не мните, что того не быть».

⁵ МИБ. Ч. 1. С. 265.

Данное письмо доставил в Казань татарский мурза Кулбарыс Бигинин, а ему передал его Кучум-батыр. Отсюда становится ясным, кому адресовалось столь красноречивое и грозное послание. Каракалпакский Каип-султан Тобурчаков, объявивший себя Каип-Мухаммед-Бахадур-ханом, с подачи Алдар-батыра и других лидеров повстанцев угрожал Кучум-батыру и его сторонникам, примирившимся с правительством, посмертными муками за сотрудничество с «неверными» (кафирами) и призывал их немедленно покориться «мусюльманскому царю» Хаджи-хану. Далее звучал уже призыв к «неверным», т. е. к русскому населению: им предлагалось принимать ислам, а в случае отказа они должны были либо покинуть «мусюльманские юрты» Уфу и Казань, либо платить джизью¹. При неприятии и этих условий им предлагалось избрать место для битвы и сразиться, вручив себя судьбе. Таким образом, в манифесте излагалась программа восстановления мусульманского ханства в Урало-Поволжье, включавшая в себя нормы шариатского права – вооруженный джихад против «кафиров» и «мунафиков», а также джизью, взимающуюся с покорившегося исламскому правлению иноверного населения.

Власти отнеслись к этому документу со всей серьезностью, понимая опасность, заложенных в нем идей. Ультимативность заявления, апеллировавшего к религиозным чувствам, ставила башкир перед трудным выбором – признать власть «мусюльманского царя» или оставаться во власти «неверных». Ответным ходом властей в развернувшейся информационной войне стало письмо, написанное Кучум-батыром от имени населения всех четырех дорог Башкирии, с целью обличения Алдара: «По Ику реке от Кусюма батыря, Казанской дороги от Уразая, Осинской дороги от Кармана² да от Имая, Сибирской дороги от Земметя³ и от всех башкирцов, и от мещеряков, и от чюваш⁴, и от вотяков, и от черемисы, и от новокрещенов и от всех волостей – ты, Алдар, всеми ордами мутишь и худова своего дела не откидываешь и делаешь худо, а нас здесь в огонь зжешь и хочешь ненадобными словами и делами весь мир разорить; а нам слышно, что будто ты из чюжей орды привез хана и на нас не пеняйте, прежд де сего такие же разорители пропали, и ты также пропадешь вовсе (...). Дай боже нашему великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю и сыну ево благородному царевичю Алексею Петровичю на многие лета здравствовать...» Далее Кучум-батыр и его сторонники обращались к самим ханам: «Те ханы и салтаны в своих землях живите, а нам их не надобно, а мы им салтаном и ханом без боев противных живы никогда

¹ Джизья – подушная подать с иноверцев, взимаемая как выкуп за сохранение жизни.

² Карман (Кахарман) – знатный башкир и глава Уранской волости Осинской дороги, чье имя носит с. Карманово нынешнего Янаульского р-на Республики Башкортостан и Кармановская ГРЭС.

³ Вероятно, глава Телевской волости Еммет (Джембет) Бейкеев.

⁴ Т. е. казанских татар.

не поддадимся: а когда нас изрубят безостаточно, а у наших великого государя силы много безсметно и вам вора́м нас и земли своей никогда не отдаст...»¹

Однако верность престолу даже у Кучум-батыра и его партии не была безоговорочной и безусловной. В своем письме казанскому губернатору П. М. Апраксину они напоминали ему: «Да изволишь ты, Петр Матвеевич, к нам писать, что деды и отцы наши великим государям служили верно, и мы служили великому государю лутче дедов и отцов своих, и были под Азовом и в немецких землях, о том и вам известно; и те наши службы потеряли воры Микита Кудрявцев да Александр Сергеев, да Сидор да Лев Аристовы с товарищи с ложными извещениями великому государю...» А далее он упрекал самого П. М. Апраксина за то, что он оставил названных лиц на их должностях, и при этом добавил: «...а нам слышно, что ты с ними Микитою, и с Олександром, и с Сидором пьешь и ешь с одного блюда и советуешь вместе, а нам приказываешь быть безопасно, и мы о том опасаемся»².

Тем не менее Кучум-батыр и его партия, собрав выборных от всех четырех дорог, «учинили шерть» на верность царю, и «того воровскова хана внутрь жилищ своих не пустили, остановили боем в крайних своих улусах»³. Из данного сообщения следует, что большая часть Казанской, Ногайской и Осинской дорог остались под контролем политических противников Алдар-батыра, а под контролем последнего оставалась только Сибирская дорога, да и то далеко не все ее волости. С другой стороны, попытки Кучум-батыра и его сторонников мобилизовать отряды башкир для вооруженной борьбы против Алдара и тем самым превратить антиправительственное движение во внутренний башкирский конфликт также не увенчались успехом. 4 июня 1709 г. Кучум-батыр сетовал, что с ним согласились идти только 157 чел., поэтому он прекратил поход и остановился в 30 верстах от Уфы. Аналогичной неудачей закончился поход зауральских Карабаш-батыра и Джембета (Земмета), которые сумели собрать лишь 150 воинов⁴.

Одним словом, особенности устройства башкирского общества (акефальная структура, эгалитарность, демократизм) не позволяли даже самым могущественным и состоятельным представителям элиты осуществлять решения, идущие вразрез с настроениями большинства. Правительство находилось в безвыходной ситуации: упорство башкир, не желавших платить ясак, было оскорбительно для его самолюбия, но любые насильственные действия, направленные на обуздание башкир, немедленно приводили к их консолидации и ответным вооруженным действиям. Поэтому властям ничего не оставалось, как пустить ситуацию на самотек и ожидать того момента, когда внутри башкирского

¹ МИБ. Ч. 1. С. 253; Лебедев В. И. Башкирское восстание 1705–1711 гг. // Исторические записки. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 99.

² МИБ. Ч. 1. С. 255–256.

³ Там же. С. 257.

⁴ Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. С. 206.

общества созреет консенсус относительно примирения с Москвой и принесения присяги царю. 10 марта 1709 г. казанский губернатор П. М. Апраксин обреченно писал Петру I: «О тех башкирцах доношу тебе, государю: народ их проклятой, многочисленной и военной, да безглавной, никаких над собою начал, хотя б так как на Дону подобно атаманы, и таких не имеют, принята не за ково и чтоб особно послать не х кому...»¹

В мае 1709 г. в Башкирии появился еще один Кучумович: «Каракалпацкой де волости² ханов сын Рыс-Маханбет с товарищи 400 чел. пришли к Белоярской Теченской слободе в близости на Калмыцкой брод, и на том де броду збирают к себе в помощь башкирцов. А у него де ханова сына своих людей окроме башкирцов токмо 40 чел., а нам де он ханов сын еще к 400-м в прибавку наберет башкирцов, и Белоярскую де слободу на Тече развоюет»³. Сохранилось описание Рыс-Мухаммед-султана, оставленное башкиром Айлинской волости Урускаем Туровтевым: «...а ростом де он невелик, лицом калмыковат (...); а подлинно ль де он каракалпацкой ханов сын, или нет, про то он подлинно не знает, только де слышал от башкирцов с Ногайской дороги, что называют его ханским сыном»⁴.

Упомянувшийся выше башкир Катайской волости Атаяк Назаргулов, собрав 150 чел., пошел к названному Рыс-Мухаммеду, сыну Бушай-султана, и сказал ему, «чтоб он пошел в свою землицу», т. е. попытался выпроводить его на родину. Но Рыс-Мухаммед резко возразил ему, сказав следующее: «...прислал де ево к ним башкирцам ис Каракалпаков дед ево Кучюк хан по подзывке Нагайской дороги Алдар-бая да Уракая Батыря с товарищи, и те де башкирцы преклонились к нему большая половина, а вы малые люди спорите. И от них де башкирцов никуда не идет и наживает к себе в помощь вышеявленного дядю (деда. – *авт.*) своего Кучюка хана в 10 000 чел., и ныне де он ханов сын пришел к Уракаю на Мияс реку, и копят с Уракаем силу и стоят от Белоярской слободы в дву днях...»⁵

В лагерь Рыс-Мухаммеда и Алдар-батыра также приехал знаменитый башкирский предводитель из Айлинской волости Менлигуза (Менгли-Ходжа), прославившийся тем, что в 1707–1708 гг. разорил весь Кунгурский уезд. Отбывая в свою волость, он взял «от ханова сына знамя большею красное четверугольное, а в середине круг белый». Он и его сподвижники «здумали, чтоб идти на Кунгур войною и разорить»⁶. Описанное в документе знамя, по всей видимости, было личным штандартом Кучумовичей.

Весной 1709 г. в Зауралье начались военные действия. Разбившись на мелкие партии по 50–100 чел., башкиры совершили серию нападений на сибирские остроги, слободы, села и

¹ МИБ. Ч. 1. С. 257.

² Неадекватный перевод с языка тюрки названия «Каракалпакский иль» (*Каракалпак илэуе*).

³ МИБ. Ч. 1. С. 268.

⁴ Памятники сибирской истории XVIII в. С. 373–374.

⁵ МИБ. Ч. 1. С. 269; Памятники сибирской истории XVIII в. С. 380.

⁶ Цит. по: Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. С. 197–198.

деревни, разбросанные по огромной территории от Уральского хребта до Тюмени. Подобная тактика заставила власти распылять и без того немногочисленные военные силы. Так, полковник Л. Парфентьев, который во главе драгунского полка находился в Исетском остроге, получил приказ разослать по одной роте в «крайние степные слободы, в Белоярскую в Течинскую, в Чюмляцкую, в Пещанскую и на Уткинские железные заводы, и в Воскресенской митрополей городок и в иные крайние слободы, где пристойно, от башкирцов»¹.

Особенно кровопролитные бои происходили под стенами Арамильской слободы и соседнего Уктусского завода, в котором стояла сотня тюменских казаков², не считая крестьянского ополчения. Там имелось 15 пушек и 100 бочек пороха, о чем сообщил им под угрозой смерти схваченный башкирами крещеный мещеряк Иван, работавший на заводе. Узнав об этом, они задумали взорвать пороховой склад: «И они де башкирцы уговоря и уверяя его накрепко, и отпустили жива и заказали с подтверждением, и велели на Уктуских заводах острог зажечь (...). И он де мещеряк им башкирцам такое слово дал и город зажечь хотел, и для того де он на Уктусские заводы пришел. А за ним де мещеряком они башкирцы войною под те заводы хотели итить вскоре». Однако устроить поджег мещеряку Ивану не удалось. Тогда «июня в 7 день явились они воровские башкирцы на Уктусских заводах и прикололи у рогаток³ крестьян 19 чел. ...»⁴

27 июня 1709 г. приказчик Уктусских заводов Е. Завьялов писал: «...воровские воинские люди башкирцы под Уктуские и под Арамильскую слободы подъезжают и с Уктусских заводов и из Арамильской слободы скот весь без остатку отогнали, коней и коров, а крестьян прибили и прикололи у рогаток под городами и на полях, и иных в полон взяли 126 чел.»⁵. На следующий день за ними в погоню отправился сержант С. Травин, у которого было 150 драгун и крестьян, и «их башкирцов нагнали и бились, и на том бою побили воинские люди драгун и крестьян 18 чел., 20 чел. ранили, 20 чел. в полон взяли, да подстрелили у пушек одного драгуна да двух человек пушкарей»⁶.

С каждым днем силы осажденных в Уктусском заводе таяли. К августу от сотни казаков осталась лишь половина, а большая часть крестьян была убита, взята в плен или просто бежала. 7 августа тот же Е. Завьялов сообщал: «...на Уктусских заводах ныне сидим в осаде от воровских людей башкирцов с тюменскими пешими казаки, в 50 человеках, да с

¹ Памятники сибирской истории XVIII в. С. 370.

² МИБ. Ч. 1. С. 274.

³ Рогатки внешне напоминали противотанковые «ежи» и устанавливались для защиты от вражеской конницы и пехоты. Иногда они в виде заостренных колов вкапывались в насыпной вал крепости.

⁴ Памятники сибирской истории XVIII в. С. 371.

⁵ МИБ. Ч. 1. С. 270.

⁶ Памятники сибирской истории XVIII в. С. 383.

мастеровыми людьми и арамильские крестьяны, всего 111 чел.»¹. Интересно, что когда обыватели Крутихинской слободы² спрашивали башкир, зачем они «русских людей бьют», те отвечали: «...то де вся наша земля башкирская»³.

В других местах положение было не менее тяжелым. 19 мая «подходили воровские воинские люди башкирцы с каракалпацким ханским сыном под Белоярскую Течинскую слободу тысячи с полторы, и к той слободе подступали дважды, и побили до смерти крестьян 22 чел. ...»⁴. В деревнях у Каменского завода⁵ башкиры «побили и в полон взяли 177 чел.»⁶. 21 мая при нападении на Пещанскую слободу было убито 35 крестьян⁷. В начале августа 1709 г. сообщалось: «А русские люди и черемиса живут в Чюсовской слободе⁸ в осаде, помирают голодною смертию, по запас в Сибирь выехать не на чем, и надобе б, ради подъезду в Чюсовскую слободу, из иных слобод беломестных казаков и всяких чинов конницы 200 чел.»⁹. Приказчики жаловались, что на заводах полностью остановилось производство: «...и от заводской работы крестьяне и давно отказались, для башкирской войны»¹⁰.

Повстанцы пускались на различные хитрости для захвата заводов и слобод. Так, используя башкира Шигая с товарищами, которые жили близ Багарянской и Каменной слобод «на оброках денежных» и считались «мирными», повстанцы едва не овладели названными населенными пунктами. «Оброчники» попросились внутрь заводских стен, якобы, спасаясь от мятежников, однако «в кошах их воров объявились (...) многие люди бойцов со оружием, и учили битца и стрелять». Произошел бой, однако, Шигай и его люди были убиты, «по счету де их будет больше трех сот»¹¹. В самой Багарянской слободе в ходе башкирских нападений было убито 59 чел., в Китайском остроге – 14 чел., в Колчеданском остроге – 15 чел., в Камышевской слободе – 71 чел.¹²

Население острогов и слобод тоже не бездействовало. Крестьяне и мастеровые формировали отряды «вольницы» и совершали вылазки против повстанцев, правда, не всегда удачно. Так, майор Д. Угрюмов из Китайского острога писал: «...1709 г. июля в ... день (...) ходили де из Багаряцкой слободы охочие люди на воровских башкирцов: и съехались с ними

¹ Там же. С. 345.

² Ныне с. Крутиха Курганской области.

³ Памятники сибирской истории XVIII в. С. 327.

⁴ Там же. С. 382.

⁵ Ныне г. Каменск-Уральский Свердловской области.

⁶ Памятники сибирской истории XVIII в. С. 396.

⁷ Там же. С. 383.

⁸ Ныне с. Слобода Свердловской области.

⁹ Памятники сибирской истории XVIII в. С. 342.

¹⁰ Там же. С. 351.

¹¹ Там же. С. 339–340.

¹² Там же. С. 402.

ворами на степи, билися, и русских людей пало многое ж число»¹. Несли потери и регулярные части. В начале августа пришло известие: «...полковник Федор Толбузин ходил с полком с служилыми людьми и с охотники в степь за башкирцы, и из степи отходным боем дни с три шел, и многих ранили, иных убили до смерти служилых людей»². Одним словом, полк Толбузина был атакован и вынужден три дня отступать, неся потери в живой силе.

К осени в лагере повстанцев возникли разногласия. Все, что возможно было сделать при их силах для разорения сибирских слобод и острогов, было сделано. Обещанная «хановым сыном» Рыс-Мухаммедом многотысячная каракалпакская конница во главе с мифическим Кучук-ханом так и не прибывала. Показания «языков» о том, что «из Казачьей Орды ушли в Башкирцы вместе воевать 3 000 чел.», по всей видимости, также не имели под собой почвы³. По крайней мере, в известных нам документах казахские отряды не упоминаются ни при одном значительном нападении на остроги или слободы и тем более при сражении с царскими войсками. Правда, имеется сообщение о 2-тысячном отряде каракалпаков. К малолетнему Рыс-Мухаммеду был приставлен аталык, по-русски «дядька», башкир Сартской волости Кулманкул (Калмаккул), который через 20 лет, в 1739 г., показывал: «В Алдаровский бунт он ханским отцом назывался, и по призыву башкирца Алдара тот хан был ис Каракалпацкой орды возрастом 10-ти, а как зовут не знает. И при нем каракалпаков з 2000, которые в Башкирии на Сибирской дороге были с полгода и обще 3 башкирцами разоряли русские и иноверческие деревни, а потому уехали паки в Каракалпацкую орду...»⁴

О дальнейших действиях повстанцев сообщал башкир Айлинской волости Урускай Туровтев: «...Да с вышеписанными Ногайской дороги башкирцами приходил к ним на Сибирскую дорогу каракалпацкий ханской сын Размаханбет Бошай салтанов сын, а с ним каракалпаков только 50 чел. А пуцей де из них ногайских башкирцов заводчик в том воровском воинском деле вышеписанной Айдар Бай; а из здешних башкирцов пуцей заводчик Урукай. И ныне де воинские люди Ногайские и Сибирских дорог все и с отгонным скотом и с русским полоном отошли к Камени (т. е. к Уральским горам. – *авт.*), и стоят в урочищах на озере Суваркуле⁵ и меж собою споровают». Спор между повстанцами шел относительно дальнейших действий с учетом отсутствия подкреплений, тогда как правительственные силы в регионе постепенно наращивались.

¹ Памятники сибирской истории XVIII в. С. 338.

² Памятники сибирской истории XVIII в. С. 347.

³ Там же. С. 393.

⁴ МИБ. Т. VI. С. 651.

⁵ Имеется в виду оз. Чебаркуль (башк. Сыбаркул). Однако в Зауралье два озера с таким названием – Чебаркуль на территории нынешней Челябинской области и Чебаркуль на территории Абзелюловского р-на РБ.

Башкиры Сибирской дороги склонялись к прекращению борьбы, а ногайские башкиры хотели ее продолжения: «И ныне де думают Сибирских дорог башкирцы, хотят в винах своих бить челом великому государю, и от того де ханского сына отходя по прежнему в жилища свои, и того де ханского сына не почитают ни во что, и говорили, что де его ни с какое дело не стало. А ногайские де башкирцы Айдар Бай с товарищи хотели его взять к себе на Ногайскую дорогу по прежнему, и ныне де чають, что и отвезли. А сам де он ханской сын сибирским башкирцам грозил и подтверждал к воинскому делу много, и говорил: когда де меня здесь нет, и у меня есть дядя в Каракалпацкой земле, и будет де к ним в башкирцы со многою силою вскоре и учнут воевать сибирские слободы за одним нынешним месяцем. И ныне де башкирцы Сибирские дороги Абадак с товарищи в том ему не верят и тех слов в дело ему не ставят, и всеконечно де думают, что в винах своих великому государю добивать челом, что вышеписанной Кучюк хан из Каракалпаков с силою не бывал»¹.

Одним словом, слухи, распускавшиеся повстанцами о скором прибытии Кучук-хана с огромным войском, так и остались слухами. Никто его лично не видел. В отличие от него в Башкирии действительно появлялись султаны Мурад бин Кучук, Ибрагим бин Ишим, Хаджи бин Каип, Каип бин Тобурчак и Рыс-Мухаммед бин Бушай. Мало того, султаны Ибрагим и Хаджи (Хазей) были объявлены башкирскими ханами. Следовательно, тень давно погибшего башкирского хана Кучука, сына Аблай-Гирея, была извлечена из небытия с целью поднятия духа повстанцев. До определенного момента имя популярного среди башкир Кучумовича действительно способствовало консолидации сил. Однако через несколько месяцев борьбы данный пропагандистский прием исчерпал себя. Таким образом, из-за разногласий среди повстанцев к концу 1709 г. активные боевые действия в Зауралье прекратились, и Алдар-батыр с «хановым сыном» Рыс-Мухаммедом перебрался на Ногайскую дорогу Башкирии.

В 1710 г. наблюдались лишь спорадические набеги башкир в различных районах Приуралья и Зауралья. Тем не менее правительству приходилось держать на границах Башкирии значительные вооруженные силы. 4 января 1711 г. английский посол Ч. Витворт сообщал: «К Украине направляются все большия силы и нескольким офицерам, прибывшим было сюда из Казани, приказано возвратиться к своим полкам для наблюдения за башкирами, которые почти все лето [1710 г.] не клали оружие и [власти] держали на стороже семитысячный корпус регулярной армии»².

В 1711 г. П. М. Апраксин доносил: «Башкирцы по-прежнему изменили и пришли под Уфу с каракалпаки во многих тысячах, о сем и Аюка хан ко мне нарочно в Царицин

¹ Памятники сибирской истории XVIII в. С. 373–374.

² Дипломатическая переписка английских послов и посланников при Русском дворе // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 50. СПб., 1886. С. 397.

присылал и во иных воинских трудностях, откуда мне требовал помощи...»¹ Ясно, что привести каракалпаков под Уфу мог только Алдар-батыр. При этом об осаде Уфы ничего не говорится, следовательно его появление близ города было связано с башкирскими съездами (йыйын), традиционно проводившимися на речке Берсувань. Вероятно, на йыйынах обсуждался вопрос будущего Башкирии. Дело в том, что в 1710 г. отношения между Московским царством и Османской империей стали резко ухудшаться из-за интриг разбитого под Полтавой шведского короля Карла XII, который стал склонять турецкого султана Ахмеда III к войне со своим непримиримым противником Петром I. Уговоры «Железной головы» (тур. Demirbaş), как именовали Карла турки, подействовали, и в воздухе запахло грозой, которую сразу же ощутили в Башкирии.

Еще раньше, в 1709 г., Аюка-хан, стесненный совместными действиями башкир, казахов, каракалпаков, кубанских «татар» (ногайцев) и донских казаков, которые, по словам калмыка Загалдая, «действуют заодно», заключил со всеми ними мир, отправил своего посла ногайца Мухаммед-Салих-бека к турецкому султану и обязался «быть другом другу и недругом недругу Высокого государства²...»³. После этого в ставку Аюки-хана для заключения мира приехал казахский Каип-Мухаммед-Бахадур-хан вместе с послами башкир и каракалпаков, о чем в послании султану сообщал его посланец Сейид Мухаммад-Кул: «В то время казахский хан Гаиб Мухаммад-хан, послы иштеков⁴ и каракалпаков были рядом с Аюке»⁵.

Заклучив союз с башкирами, каракалпаками и казахами, Аюка-хан отправил своего посла Пехлеван Кулибая в Стамбул. Последний в 1710 г. явился к визирю османского султана и сказал следующее: «Аюка-хан направил меня сюда, когда у него находились послы трех племен, – эштеков, каракалпаков и киргизов. Мы, четыре племени, договорились совместно исполнить для Высокого государства любую службу, что бы оно нам ни поручило. Устно они передали: “Мы ожидаем приказов Высокого государства, являемся друзьями его друга и недругами его недруга”. Ты же устно сообщи [об этом], и если Высокое государство пожелает удостовериться в этом нашем согласии и [заключенном] договоре и соглашении, при твоём возвращении пусть пришлет вместе с тобой надежного человека, дабы по прибытии [сюда] он убедился в нашем согласии, и это стало так же очевидным для

¹ Цит. по: Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. С. 218.

² «Высокое государство» (Девлет-и 'Алиййа) – официальное название Османской империи.

³ Lemercier-Quelquejey Chantal. *Les Kalmuks de la Volga entre l'Empire russe et l'Empire ottoman sous le règne de Pierre le Grand (d'après les documents des Archives Ottomanes)* // *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. 7. № 1. 1966. P. 75–76; Мустакимов И. Новые документы по истории Волго-Уральского региона начала XVIII в. // «Гасырлар авазы» («Эхо веков»). № 2. 2006 [Электронный ресурс]. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2006_2/02/02_3/.

⁴ Иштек (истек) – экзоэтноним башкир, употреблявшийся по отношению к ним казахами, каракалпаками, калмыками и др.

⁵ Материалы по истории Казахстана и Центральной Азии. С. 47.

Высокого государства»¹. Как видим, Алдар-батыр и его сторонники вновь вернулись к идее о турецком протекторате, которая не была принята тем же султаном Ахмедом III в 1705 г. Мало того, все «четыре племени» – башкиры (эштеки), каракалпаки, казахи и калмыки – обязались «исполнить для Высокого государства любую службу». Однако уже в следующем 1711 г. Аюка-хан, постоянно лавировавший между Москвой, Стамбулом и своими соседями, отказался от прежних договоренностей и, по приказу П. М. Апраксина, отправил на Кубань против ногайцев 20 000 калмыков во главе Чакдорчабом². О дальнейших контактах башкир с Османской империей ничего неизвестно.

Таким образом, в ходе активной фазы движения в 1707–1709 гг. Алдар-батыру Исекееву и его сподвижникам удалось добиться независимости Башкортостана. С. У. Таймасов пишет: «В результате успешной борьбы они (башкиры. – *авт.*) фактически добились независимого положения края»³. Поэтому, как замечает Б. А. Азнабаев, в эти годы в официальный оборот входит политоним «Башкирская Орда»⁴. Уфимские дворяне в те годы жаловались: «На многих походах их отцы и родственники побиты и в полон пойманы и доньне живут посреди Башкирской Орды (...) и их город стал украинной и от иных городов в дальнем расстоянии и посреди оной басурманской воровской (т.е. независимой от царя – *авт.*) Орды»⁵.

Около 20 лет Башкирия находилась вне административной системы России. Однако Алдар-батыру одной лишь независимости де-факто было недостаточно. Он единственный из всех башкирских лидеров не желал довольствоваться достигнутыми результатами, а продолжал напряженно искать способы для отделения Башкортостана от Московского царства де-юре.

Период независимости

Источники, проливающие свет на события в Башкирии 1710-х гг., крайне малочисленны, и по ним очень сложно реконструировать ситуацию в крае. Молчание русских источников объясняется ослаблением внимания правительства к башкирскому вопросу. Поскольку башкиры более не угрожали Казани, Перми и Сибири, то оно о них временно забыли, закрыв глаза на факт фактического отпадения от России огромного края. На постоянные жалобы казанского губернатора П. М. Апраксина московские чиновники

¹ Lemercier-Quelquejau Chantal. *Op. cit.*; Мустахимов И. Указ. соч.

² Переписка фельдмаршалов Ф. А. Головина и Б. П. Шереметева в 1705 и 1706 гг. М., 1851. С. 66.

³ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Т. 1. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. С. 383.

⁴ Таймасов С. У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. С. 130.

⁵ Азнабаев Б. А. Возобновление российского подданства башкир в 1722 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://rb21vek.com/cli0/858-vozobnovlenie-rossiyskogo-poddanstva-bashkir-v-1722-g.html>.

⁵ Цит. по: Азнабаев Б. А. Башкирское общество в XVII–первой трети XVIII вв. С. 331.

почти не реагировали, воспринимая башкирские «злодейство» и «измену» как обыкновенное состояние тогдашнего политического фона.

По окончании Прутского похода (1711), едва не стоившего жизни Петру I, П. М. Апрашкин писал своему брату адмиралу Ф. М. Апраксину, пытаясь с помощью него обратить внимание правительства на башкир: «...милосердием Божиим с салтаном турецким у царского величества мир утвержден и о том радуемся (...). Ныне же в такое от босурман успокоение зело способно нам здесь з домашними злодеи, з башкирцы, управитца, которые неотложно в своей измене и бунтах стоят и непрестанные от них имеем опасности и разоренья...» К имеющимся у него войскам, насчитывавшим около 7 тыс. чел., он просил прислать с Украины еще два полка драгун и два полка солдат, чтобы «привести их в прямое подданство и учинить данниками прямыми...». Далее казанский губернатор уверял, что не желает никаких наград «за скорби и труды свои», а единственно «по ревности отдает долг свой», так как «не можно терпеть видя таких домашних злодеев толь преславному и великому монарху противных и непослушных», несмотря на то, что башкиры «пред всеми здешняго краю, пред калмыки и кубанцы, несравнительно богаты и живут много лет без всякого смирения и в местах обетованных, на многих тысячах верстах»¹.

«Места обетованные» не одному ему кружили голову. Феномен мятежной Башкирии, отказывающейся признавать центральную власть, заставлял задумываться над решением башкирского вопроса многие умы тогдашней России. В 1725 г. по «инструкции» генерал-майора В. И. Геннина² в Башкирии под видом торговца побывал кунгурский бургомистр Юхнев, который должен был выведать примерное число башкир, «которые могут воевать», их вооружение, материальное положение и т. д. В своем «Секретном уведомлении о башкирском деле» он предлагал следующий вариант: «...чтоб они впредь не бунтовали, надлежит их сколько можно вывести в Русь и разделить, и от того в Руси людей умножитца и бусурманы примут христианскую веру и потому Башкиры (т. е. Башкирия. – *авт.*) будут от них пусты и на такой доброй земле можно впредь русских поселить»³.

Русский дипломат, астраханский и казанский губернатор А. П. Волынский в 1730 г. писал, что от башкир следует «осторожность иметь паче всякого внешнего неприятеля». Поэтому он полагал, что было бы «лучше, естли б каким политическим способом их отуды убавить хотя до половины...»⁴. Среди мер по сокращению численности башкир он предлагал стравить между собой с одной стороны башкир, а с другой – казахов и каракалпаков, наводнить Башкирию войсками и при этом полностью разоружить башкир.

¹ МИБ. Ч. I. С. 277.

² Георг-Вильгельм (Виллем Иванович) де Геннин (1676–1750) – сподвижник Петра I, инженер, администратор горного дела в России, директор сибирских заводов, основатель г. Екатеринбург.

³ МИБ. Т. III. С. 487.

⁴ МИБ. Ч. I. С. 305.

Программы Юхнева и Волынского были слишком умозрительны, потому неосуществимы. Обозначая конечную цель – депортацию башкир или двойное сокращение их численности, – они не указали способы ее достижения. Чтобы разоружить башкир или выслать их из своей земли, нужно было сначала привести их в состояние полной покорности, а это уже само по себе было довольно сложной задачей для правительства. Поэтому новая война в Башкирии, которая окончательно склонит чашу весов на ту или иную сторону, становилась неизбежной. Алдар-батыр, пожалуй, был единственный из башкирских лидеров, кто прекрасно осознавал эту фатальную неизбежность.

Русско-турецкая война 1710–1713 гг. закончилась для Московского царства неудачно. Тем не менее было ясно, что турки не в состоянии разгромить русскую армию, а в глобальных геополитических расчетах Стамбула не было места для башкир и других мусульманских народностей, смотревших на Османскую империю как на свою метрополию. Турция была слишком далеко, чтобы Башкирия могла присоединиться к ней территориально или чтобы турецкие войска смогли дойти до Южного Урала. Несбыточность этих надежд наглядно показали неоднократные обращения башкир к османскому султану в ходе «Алдаровщины» и предыдущих восстаний, которые не имели реальных последствий, кроме его деклараций, как халифа и повелителя правоверных, о мусульманском единстве. Именно поэтому Алдар-батыр, оценив сложившуюся ситуацию, сделал ставку на выход Башкирии в «свободное плавание» через среднеазиатские ханства.

Конечно, он тогда никак не мог предвидеть последствий своих действий и тем более того, что через сто пятьдесят лет границы Российской империи будут проходить у гор Памира, а, значит, его план изначально не имел перспектив. В периоды исторической предопределенности даже самые героические усилия оборачиваются тщетой и бессмысленной тратой народных сил. Именно в такой ситуации оказался Алдар-батыр. Его политический проект за многие годы борьбы прошел значительную эволюцию. На первом этапе он вызвал Кучумовичей и, объединив под их знаменем башкирский народ, начал вооруженную борьбу, которая завершилась победой. Однако большая часть башкир не пожелала двигаться по пути окончательного отделения от Московского царства. Сложившееся в Башкирии положение фактической самостоятельности и никем не контролируемой вольности вполне устраивало большинство населения. Для самоуправляющегося башкирского социума ханская власть была сама по себе избыточной, поэтому призывы Алдара создать суверенную вертикаль власти через подчинение всех башкирских кланов принципам крови, которых он исправно поставлял в Башкирию, не нашли отклика в сердцах его соплеменников. В ответ на свои инициативы он лишь слышал упреки

своих бывших соратников: «...ты, Алдар, всеми ордами мутишь и худова своего дела не откидываешь...»

На втором этапе, который начался после 1710–1711 гг., Алдар-батыр, потерявший поддержку большинства башкир, решил опереться на внешнюю поддержку со стороны казахов и каракалпаков. Главную ставку он делал на перспективного султана Абулхаира, являвшегося в известной степени его учеником, прошедшим вместе с Алдар-батыром через огонь башкирского восстания 1704–1711 гг. Известно, что будущий хан Младшего казахского жуза участвовал в сражении под Юрак-тау и был там ранен¹. Англичанин Джон Кэстль, лично встретившийся с Абулхаир-ханом в 1736 г., писал: «До того, как стать ханом, он был султаном, и все его дети имеют этот титул. Когда во время войны с джунгарскими калмыками им лично был взят в плен их предводитель Контайша² и в последнюю войну [русских] против башкирского Алдара он очень отличился, то Малая орда избрала его ханом»³.

Как замечает И. В. Ерофеева, «сообщение англичанина Джона Кэстля связывает факт первоначально возвышения Абулхаира с башкирским восстание 1707–1711 гг. ...»⁴. Репутация отважного воина, приобретенная молодым султаном в ходе «Алдаровщины», сыграла определяющую роль в избрании его ханом Младшего казахского жуза. Однако даже будучи султаном, он обладал значительной военной силой, имея под рукой 20 000 воинов. Поэтому опираясь на войско дружественного Абулхаира, Алдар-батыр решил организовывать нападения на русские форпосты у границ Башкирии и этими антиправительственными акциями вновь поднять башкир на борьбу за отделение от Московии. На заключительном третьем этапе (1730–1740 гг.) политический проект Алдар-батыра трансформировался в идею башкирско-казахской унии во главе с династией Абулхаир-хана, но уже под протекторатом Российской империи. В XX в. продолжателем этой политической линии был лидер башкирского национального движения и основатель Башкирской Республики А.-З. Валиди, одним из проектов которого была совместная автономия башкир и казахов (Киргизо-Башкирская Советская Республика) со столицей в Оренбурге.

В 1722 г. в ходе Сенатского расследования о причинах башкирского восстания 1704–1711 гг. бывший казанский комиссар А. Сергеев показывал: «...понеже де с того 708-го году по 722 г. они, изменники, были во всяком непослушании и противности, и бунты де и

¹ Таймасов С. У. *Башкирско-казахские отношения в XVIII в.* С. 260.

² Контайша (Хунтайджси) – титул правителя Ойратского государства (Джунгарии).

³ Игибаев С. К. *Казахстан в источниках и материалах. Усть-Каменогорск: изд-во ВКГУ им. С. Аманжолова, 2010. С. 58.*

⁴ Ерофеева И. В. *Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Изд. 2-е, испр., доп. Алматы: «Дайк-Пресс», 2007. С. 135.*

измены чинили едва не повсюгда и поныне де чинят. А в 711-м г. они изменники, приводили каракалпацкого хана и в Уфимском уезде села и деревни руския разорили, и людей в полон брали и рубили, и в Каракалпаки продавали...» Причем набеги «воровских» башкир и каракалпаков распространялись и в Зауралье. В том же году они напали на Окуневскую слободу Тобольского уезда и продали «в Каракалпаки 100 чел.»¹. Как видим, с 1711 г. изменился характер антиправительственных акций на территории Башкирии. Если раньше ведущей силой были башкирские повстанцы, предъявлявшие правительству определенные требования (снятие «новоприбыльных» налогов, наказание неугодных им чиновников, вывод Уфимского уезда из ведомства Казанской губернии и т. д.), то теперь в Урало-Поволжье орудовали «интернациональные» формирования, состоявшие из башкир, казахов и каракалпаков. Совершая внезапные нападения на русские крепости, остроги, слободы, они захватывали добычу и столь же внезапно исчезали в степи.

Появившийся в 1711 г. на территории Уфимского уезда каракалпакский хан, скорее всего, соответствовал Кучумовичу Рыс-Мухаммед-султану. Если в ходе сибирской кампании 1709 г. он именовался лишь «хановым сыном», то затем, когда Алдар-батыр вместе с ним перебрался на Ногайскую дорогу, его стали именовать уже ханом. Следовательно, в 1710–1711 гг. Рыс-Мухаммед был провозглашен ханом той части башкир, которая стояла за продолжение борьбы. Однако затем он более не упоминается в источниках. Объяснение этому имеется в челобитной башкир всех четырех дорог, составленной в 1722 г.: «В прошлых годех, когда приходил в Уфимский уезд на Ногайскую дорогу из каракалпаков Рысмухамед хан с воинскими людьми на вашу императорского величество вотчину, умышляя разорение и мы все четырех дорог с ними билися, и на том бою из нас и их многие побиты и ранены, а его Рысмухамеда поймали да наших башкирцев, которые к тем каракалпакам пристали, чинили дурна, а именно Ногайской дороги Юрматинской волости Бакалана Топанова, Исентея Глевлина, Бурзянской волости Сатлыка Утяпова, да из них же каракалпаков, которые пристали к ним ходил на Сибирской дороге Мухамед-хан, а Сибирские дороги Гайнинской волости Текниша да Арслана Янырусова, поймав с ним Рысмухаметем отдали на Уфу»². Таким образом, в 1711 г. или позднее сторонники примирения с правительством, коих было большинство, разгромили лагерь приверженцев Алдар-батыра и выдали хана властям.

Очевидно, что именно после пленения Рыс-Мухаммеда у Алдар-батыра возникла идея провозгласить башкирским ханом Абулхаир-султана. Вопрос только в том, когда могло произойти это событие? Торговый сарт Нурмухаммед Алимов, побывавший в Башкирии, в

¹ МИБ. Ч. 1. С. 120.

² Цит. по: Азнабаев Б. А. Башкирское общество в XVII–первой трети XVIII вв. С. 332.

1735 г. показывал начальникам Оренбургской экспедиции: «А Абулхаир-хан Меньшой орды получил себе ханство по случаю войны зюнгорских калмык владельца контайши, а до того был салтаном. К тому же, когда в последний башкирский бунт башкирцы – Алдар с товарищи призвали к себе оного Абулхаир-салтана, тогда назвали ханом и, так себя в Меньшой орде особым ханом утвердил и далее к Аральскому морю откочевал»¹. По показаниям Джон Кэстля и сарта Нурмухаммеда провозглашение Абулхаира башкирским ханом произошло до избрания его ханом Младшего казахского жуза – это единственный четко установленный факт. По мнению одних исследователей, казахским ханом он стал лишь в середине 1720-х гг.², по мнению других – в 1710 г.³ Последней точке зрения противоречит, например, письмо Абулхаира «белому царю» Петру I, написанное в 1718 г., в котором он себя именуется султаном⁴.

Нас же больше интересует вопрос, когда он стал башкирским ханом. На наш взгляд, это произошло в интервале 1712–1714 гг. к такому выводу приводит характер действий Абулхаира, никак не связанный с внутри- и внешнеполитической повесткой Казахского ханства. Он внезапно начинает серию нападений на пограничную с Башкирией Закамскую засечную линию, не имевшую для казахов никакого значения, чего нельзя сказать о башкирах, для которых ее разрушение было *Idée fixe* со времен восстания 1681–1684 гг. Отсюда следует, что именно титул башкирского хана обязывал Абулхаира совершать набеги в Закамье. В 1715 г. он напал на Черемшанскую крепость и Новошешминск⁵.

Э. Л. Дубман пишет: «...пространство, находившееся к югу от оборонительной (Закамской. – *авт.*) линии, являлось зоной пастбищ и охотничьих угодий башкир и калмыков. Оседлые жители края – русские, мордва, чуваша, татары появлялись здесь лишь эпизодически (...). Лесостепь севернее р. Сока (к востоку от Сергиевска) к Большому Черемшану и далее значилась как «башкирские вотчины»⁶. Нападение Абулхаира в качестве башкирского хана преследовало цель остановить колонизацию башкирских земель. Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением И. В. Ерофеевой, считающей, что в 1715 г. Абулхаир совершил набег «на башкирские роды, располагавшиеся в долине р. Черемшан на территории Казанской губернии», вслед за которым последовали трудно необъяснимые

¹ Добросмыслов А. И. *Материалы по истории России (Сборник указов и др. документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1736 и 1736 годы). Т. II. Оренбург: Тип. Ф. Б. Сафкова, 1900. С. 57.*

² Моисеев В. А. *Джунгарское ханство и казахи XVII–XVIII вв. Алма-Ата: «Гылым», 1991. С. 86.*

³ Ерофеева И. В. *Указ. соч. С. 147.*

⁴ *Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (Сборник материалов и документов). Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1961. С. 28 (далее КРО. – авт.).*

⁵ *Энциклопедический лексикон. Т. I (А–АЛМ). СПб.: Тип. А. Плюшара, 1835. С. 33.*

⁶ Дубман Э. Л. *Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. 2-е изд., испр. и доп. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. С. 11–12.*

ответные акции башкир Сибирской дороги¹. При существовавшем среди башкир партикуляризме вряд ли жители Сибирской дороги стали бы вникать в проблемы крайних западных волостей.

К этому времени западные монголы-ойраты или джунгары захватили многие юго-восточные кочевья казахов и даже города в долине Сырдарьи, которые находились во власти казахских ханов – Ташкент, Сайрам, Туркестан (Ясы) и другие. Они сильно потеснили казахов и вынудили их отступить на северо-запад к границам башкирских вотчин и даже занять некоторые из них. Между башкирами и казахами немедленно начались взаимные набеги. В 1715 г. к Абулхаиру прибыл башкир Табынской волости Сибирской дороги Карт-батыр, сын князя Тулуша, и подал ему письмо «от всех уфинских башкирцов о пресечении башкирской и киргиз-казачьей ссоры и размене их полоненников...». Однако старший казахский хан Каип-Мухаммед почему-то послал своего посла не к башкирам, а в Уфу, прося русскую администрацию, «чтоб башкирской воровской розъезд в их Казацкую Орду пресечь...»². Вероятно, он не совсем правильно представлял себе ситуацию в Башкирии, коль скоро обращался к уфимским властям, которые не имели никакого влияния на башкир. Поэтому их нападения продолжались.

Сложность и двусмысленность ситуации заключалась в том, что большинство башкирских кланов враждовало с казахами, устраивая на них набеги и пытаясь согнать их со своих земель, а Алдар-батыр и его сторонники действовали с казахами заодно. Русский историк XVIII в. П. И. Рычков писал, что в 1717 г. «один киргизский владелец, тысячах в 10, под закамский пригород Новошешминск подступал и, взяв оный, многое число людей в полон побрал, но оные добрым поступком полковника Суяза отбиты, и те киргиз-кайсаки с немалым уроном ретироваться были принуждены»³. Кем был этот «киргизский владелец» объяснил в 1735 г. в своем «Рассуждении» начальник Оренбургской экспедиции И. К. Кирилов: «...известной новоподданной Абулхаир-хан был салтан, а ханом назван и призван бывшим бунтовщиком Алдаром для общего с ним воровства. И как за Камою от полку Суязова разбит, то, возвратившись, титуловал себя ханом, в чем бухарский хан утвердил по их обычаю данною ханскою печатью»⁴. Поэтому историк В. Н. Витевский заключил: «В 1717 1717 г. киргизы (т. е. казахи. – *авт.*), соединившись с башкирами, в числе десяти тысяч человек, взяли Новошешминск...»⁵ Таким образом, вырисовывается следующая картина: в 1717 г. по старой памяти, т. е. почти через десять лет после Казанского похода 1707–1708 гг.,

¹ Ерофеева И. В. Указ. соч. С. 151.

² МИБ. Ч. 1. С. 279.

³ Рычков П. И. История Оренбургская (1730–1750) / Издание Оренбургского губернского статистического комитета под ред. и с прим. Н. М. Гутьяра. Оренбург, 1896. С. 3.

⁴ МИБ. Т. VI. С. 102.

⁵ Витевский. Т. 1. С. 131.

Абулхаир-султан и Алдар-батыр, собрав большое войско, двинулись вдоль по Закамской линии. Они захватили Новошешминск, однако дальше успех развить не удалось, так как были отогнаны от пригородов отрядом полковника Суяза.

Одновременно башкирская партия войны, во главе которой стоял Алдар-батыр, вместе со своими союзниками вела борьбу с калмыками Аюки-хана, которые по приказу правительства наносили серьезные удары по кочевьям кубанских ногайцев и станицам казаков-некрасовцев на Кубани. С. М. Соловьев писал: «В 1715 г. Аюка писал великому государю, что башкирцы, крымцы, кубанцы и каракалпаки ему неприятели и без помощи русских войск нельзя ему кочевать между Волгою и Яиком»¹. Поэтому царь повелел постоянно находиться при нем отряде стольника Д. Бахметева, в котором было 600 чел. Одновременно с нападением казахов и башкир на Новошешминск в 1717 г. «кубанский владелец Бахты-Гирей² напал на Пензенский уезд и побрал в плен несколько тысяч народа»³. Синхронность двух набегов вряд ли была случайной.

В 1717 г. Каип-хан и Абулхаир-султан сразились с джунгарами на р. Аягуз⁴, но потерпели поражение⁵. С этого момента казахские ханы старались не проявлять открытой враждебности к Московскому царству, опасаясь войны на два фронта – с русскими и джунгарами. Хивинский поход 1717 г. князя А. Бековича-Черкасского, хотя и неудачный, стал очевидным свидетельством экспансионистских устремлений России в среднеазиатском направлении. Поэтому уже на следующий 1718 г. Каип-хан и Абулхаир-султан прислали письма Петру I с предложением мира⁶. В 1718, 1719, 1720, 1723–1724 гг. Абулхаир совершил серию нападений на Яицкий городок⁷. Однако его действия не могли квалифицироваться как враждебные по отношению к Московскому царству, так как территория Яицкого казачьего войска еще не считалась «государевой вотчиной».

Примиренческие настроения окончательно победили и в Башкирии. В 1719 г. башкиры через дворянина Д. Молостова, бывшего уфимского воеводу, который был командиром башкирского отряда во время Азовского похода 1696 г., обратились к правительству с предложением о восстановлении подданства. Причиной подобного решения, по мнению Б. А. Азнабаева, был внутренний конфликт в башкирском обществе, который возник на почве разногласий относительно судьбы «сходцев», т. е. казанских татар

¹ Соловьев С. М. *История России с древнейших времен. Кн. четвертая. Т. XVI–XX. 2-е изд. СПб., 1851–1879. Стлб. 652.*

² Султан Бахти-Гирей (ум. 1729 г.) – сын крымского хана Давлет-Гирея II, сераскер (главнокомандующий) Кубанской Орды.

³ Соловьев С. М. *История России с древнейших времен. Кн. четвертая. Т. XVI–XX. Стлб. 662.*

⁴ Река Аягуз протекает по территории Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан.

⁵ Моисеев В. А. *Джунгарское ханство и казахи XVII–XVIII вв. Алма-Ата: «Гылым», 1991. С. 70.*

⁶ КРО. С. 25, 28.

⁷ Абдиров М. Ж. *История казачества Казахстана. Алматы: «Казахстан», 1994. С. 47.*

(чувашей), оказавшихся в Башкирии еще в XVII в. и особенно во время «Алдаровщины». Припуская «сходцев» на условиях арендной платы или иных условий, башкиры-вотчинники приобретали в их лице зависимое крестьянское население, эксплуатация которого приносила немалую материальную выгоду. Однако последствия подобного приобретения выразились в сокращении свободных земель и угодий для нужд самих башкир. Если многоземельные башкиры Ногайской дороги были не прочь и в дальнейшем принимать к себе беглецов из Казанского уезда, то малоземельные башкиры Осинской и Казанской дорог требовали от соплеменников прекратить эту практику.

Исмаил-мулла, один из лидеров восстания 1704–1711 гг., писал Аббас-мулле и Мухаммед-мулле, напоминая об их упреках в свой адрес: «...все вы говаривали, в степной стороне живут воры, х калмыком и х каракалпаком уехать хотят, хан и судья ваш Смаил – вор, и к нему присталые и вы воры, так все говаривали: после войны которые перешли чуваша отдадите...»¹ Другими словами, Аббас-мулла Тутиев и главы других башкирских кланов Казанской дороги, называя степных башкир «ворами», т. е. мятежниками, напоминали им о договоренности «после войны», т. е. восстания, выдать всех казанских татар («чуваша») царской администрации. Б. А. Азнабаев пишет: «Назревающий конфликт из-за вопроса о переселенцах угрожал нарушить солидарность башкирского общества. Речь шла не только о сохранении этнического единства. Раскол общества неизбежно привел бы к потере всех привилегий, которые были сохранены башкирами только благодаря непрерывным вооруженным выступлениям»².

Возможно, желание башкир вновь принять русское подданство диктовалось более фундаментальными причинами. Например, кочевые социумы XVIII в., которые их окружали (калмыки, казахи, каракалпаки, ногайцы, джунгары), в их глазах не были привлекательны. А ведь именно к этим образцам суверенного существования за неимением иных примеров обращался лидер самостийников Алдар-батыр. В этой ситуации тяжелая и нередко несправедливая длань русской монархии, основанная в значительной степени на рационально-легальном господстве, казалась башкирам меньшим злом, чем ханская власть, апеллировавшая к давно устаревшей традиции кочевого вожества. К тому же, как замечает Б. А. Азнабаев, гипотетическое ханство могло разрушить структуру башкирского общества: «Любой хан начал бы свое правление с выстраивания иерархии родов, в которой оседлые башкиры-вотчинники неизбежно заняли подчиненное положение»³. Вероятно, поэтому большинство оседлых северо-западных башкир резко выступало против ханской идеи.

¹ МИБ. Ч. 1. С. 293.

² Азнабаев Б. А. Башкирское общество в XVII–первой трети XVIII вв. С. 342–343.

³ Азнабаев Б. А. Башкирское общество в XVII–первой трети XVIII вв. С. 343.

Так или иначе, башкиры согласилась с тем, что «сходцев» следует выслать, однако сразу возникал другой вопрос – всех или только поселившихся в Башкирии начиная с «бунтового» года? Поскольку множество противоречивших друг другу частных интересов мешали принятию единого решения, было решено прибегнуть к внешнему арбитру – Русскому государству. В 1720 г. в Башкирию приехал командир Рязанского драгунского полка, граф, полковник И. Г. Головкин, сын канцлера Г. И. Головкина, который занялся выводом беглых казанских татар (чувашей), мишарей, чувашей, марийцев и других, а в 1722 г. подданство башкир формально было возобновлено принесением шерти от имени представителей всех четырех дорог.

Алдар-батыр, ставший в некотором смысле парией для большей части соплеменников, был вынужден уйти из Башкирии. В 1721 г. он появился в ставке Абулхаир-хана. Несмотря на нежелательное для него миролюбие, овладевшее казахским ханом под впечатлением от поражений, нанесенных джунгарами, и русского похода в Хиву, башкирский лидер не оставлял надежд на помощь своего старого боевого товарища в борьбе с Россией. Как сообщали очевидцы, «приезжал к их киргиз-казацкому хану Уфинского уезду, Нагайской дороги, Бузерской (Бурзянской. – *авт.*) волости башкирец Олдарка батырь с сыном своим и с товарищи 5 человек, назвався послом, и просил де он Алдарка у хана силы, чтоб со оными идти войною на русских людей...»¹.

Также Алдар посетил ставку каракалпакского хана Ишима и даже «воскресшего» хана Мурада. Оказывается, в том же 1721 г. в Бурзянскую волость к Азию-Абызу (Хаджи-абызу) приезжали пять каракалпаков «от хана Мурата, которой в прошлых годех пойман под Терком и повешен в Казани, бутто он жив и ныне у них стал быть ханом»². Каракалпаки сказали, что «ежели де они, башкирцы, хотят ево видеть, то б де к нему приезжали знатные люди Епан батыр, Ази абыз, Карчилайбай, Абзан батыр, Алдарбай»³. Неизвестно, поверил ли Алдар-батыр в воскресение «святого султана», но к внезапно объявившемуся правителю каракалпаков он все же приехал и помощь у него также попросил.

Много лет спустя, в 1742 г., башкир Каратавлинской волости, сподвижник последнего башкирского хана Султан-Гирея (Карасакала), Ягафар Юлдашев рассказывал, что каракалпаки «почитают у себя ханом одного беглого сарта Абдрахмана, кой напред сего жил в Уфимском уезде, на Ногайской дороге в разных местах и называет себя яко бы он Салтан-Мрат хан и бутто напред сего пойман он был в Астрахани и повешен был в Казани, и оттуда будто ж он яко бы своим святотвством не обвесился и ушел, и показывает на себе рану

¹ МИБ. Ч. 1. С. 298.

² Там же. С. 295.

³ Цит. по: Таймасов С. У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. С. 244.

пониже груди на боку крючную»¹. Как видим, удивительные истории, не поддающиеся рациональному объяснению, сопровождали «святого султана» при жизни и после смерти.

Алдар-батыр говорил Абулхаир-хану, что «де их братью башкирцов и киргис-казаков воевать будут русские люди, которое войско пришло ныне в Уфу, и чтоб ему Алдару к пребудущей весне он хан дал 7 000 войска и прислал к нему Алдару в Уфинской уезд, на Нагайскую дорогу, в Бурзенскую волость, с чем бы ему Алдару для разорения идти под его и. в. городы»². Хан обещал дать Алдару требуемое будущей весной, а также подарил ему «двести лисиц, полтора ста волков, двести корсаков, шесть лошадей»³. После этого Алдар-батыр, по всей вероятности, отправился домой ждать прибытия союзников. Однако союзники так и не пришли. Тому причиной, вероятно, было стремительное наступление джунгар в 1723 г. Казахи были разбиты и массово бежали на север.

В следующем 1724 г. Алдар-батыр вновь попытался поднять восстание в Башкирии, воспользовавшись новыми поводами для недовольства, которые исправно поставляла российская власть. В традиционном месте народных собраний на р. Берсувань близ Уфы он созвал съезд. С. М. Соловьев писал: «У башкирцев было собрание в Уфимском уезде, на озере Берсебен; приехал батырь Алдарко с 700 чел., приехал сын изменника Сеитка⁴, бежавший в 1707 г. к киргизам, с ним приехало киргиз 500 чел.; собирались башкирцы и татары отовсюду на это озеро, хотели осадить Уфу, потому что на Уфе трое судей, а они требовали, чтоб оставлен был один, а двоих отдать им, прибыльщики им не надобны»⁵. Власти подослали на съезд своего соглядатая крещеного «инородца» Якова Федорова, которому башкиры говорили: «Для чего тебе жить в Казанском уезде: будет скоро война с Русью и будет не такая, что прежде была; с нами будут сибирские и яицкие козаки»⁶. Таким образом, среди башкир, едва возобновивших русское подданство, появились веские причины пожалеть об этом. Оказалось, что эти «трое судей» – уфимский воевода И. Шаховский, асессоры А. Лихачев и И. Тюменев – установили такой порядок, что любой башкир-челобитчик должен был не одному из них давать взятку, а каждому: «дал одному больше, надобно и другому дать то же, и таким образом между ними судьями несогласием дела наши

¹ МИБ. Ч. 1. С. 491.

² Там же. С. 300.

³ Таймасов С. У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. С. 126.

⁴ Здесь имеется в виду казанский татарин Сеит Аднагулов, который во время похода башкир в Казанский уезд в 1707–1708 гг. присоединился к ним, а затем перебрался к казахам. Там он собрал отряд, во главе которого в 1717 и 1718 гг. совершал набеги на Казанский уезд. Вместе с ним были его сын и племянник Абдрахман Тойкин. В документах о нем сообщается следующее: «...Казанского уезду, деревни Челны беглой чувашенин вор Сеитка, который приходя воровски раззоряет украинные городы...» (см. МИБ. Ч. 1. С. 283, 300).

⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. четвертая. Т. XVI–XX. Стлб. 838.

⁶ Таймасов С. У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. С. 129.

волочили и скоро не решали...»¹. Поэтому взбешенные башкиры требовали оставить хотя бы одного взяточника, а остальных отдать им на расправу. С. М. Соловьев писал: «Башкирцы же жаловались Геннину на уфимских судей, что волочат их верст за 700, а правосудия никакого не оказывают, берут взятки: поэтому они просили, чтоб был над ними один судья»².

На фоне этого недовольства башкиры установили контакты с кубанским султаном Бахти-Гиреем. Вместе с ногайцем Акмамбетом, жившим три года в Башкирии, на Кубань отправилось несколько башкир Сибирской дороги, которые «говорили, что они едут на Кубань к Бахта-Гирею салтану; а послали де их Сибирской дороги батыри ото всей дороги для согласия с кубанцы, чтоб итить войною на российские города для разорения, того ради, что де берут с них всякие подати и не велят рубить дубового лесу...»³. «Пересылки» с Кубанью и Крымским ханством не прошли незамеченными для властей. Казанский губернатор А. П. Волынский в 1730 г. писал: «...ни коим образом башкирцам не надлежит верить, в каком бы они ныне кротком состоянии ни были, понеже я видел достоверную злому их намерению пробу, а имянно в прошлом 1724-м г.⁴ переловил я посланцев их в калмыцких улусах, которые были под образом будто они присланы к ним, а по розыску явились, что они посланы были для согласия к крымским и кубанским татарам»⁵.

В том же 1724 г. 757 башкир, казахов и каракалпаков напали на калмыков, захватили большую добычу и беспечно уходили обратно, когда их догнала «дикая бестия», как окрестил калмыцкого владельца Доржу Назарова⁶ историк С. М. Соловьев. Он в «урочище Узени (...) разбил наголову напавших на него каракалпаков, киргизов и башкирцев и в знак своей победы прислал Волынскому в подарок 415 ушей человеческих»⁷.

В это время некоторые волнения, в известном смысле идентичные с башкирскими, происходили на Дону, где от казаков также требовали выдачи беглых крестьян. С. М. Соловьев писал: «С донскими казаками не велели поступать жестоко, потому что приходили известия о калмыцких и башкирских движениях. В конце 1727 г. получены были из Казани известия, что калмыки находятся не в прежнем состоянии: к Дундук-Омбо приехали башкирские посланцы, 12 чел., и объявили, что у них пронесся слух, будто калмыки намерены воевать против России, и если это правда, то приняли бы они и башкирцев к себе в

¹ МИБ. Ч. 1. С. 123.

² Соловьев С. М. *История России с древнейших времен. Кн. четвертая. Т. XVI–XX. Стлб. 932.*

³ МИБ. Ч. 1. С. 301.

⁴ В 1719–1725 гг. А. П. Волынский отправлял должность астраханского губернатора.

⁵ МИБ. Ч. 1. С. 304.

⁶ Доржа Назаров – двоюродный племянник Аюки-хана, которого русское правительство хотело возвести на ханский трон после смерти Аюки при условии, что он клянется быть верным России и отдаст в заложники своего сына. Однако Доржа Назаров отказался от такой чести.

⁷ Соловьев С. М. *История России с древнейших времен. Кн. четвертая. Т. XVI–XX. Стлб. 456–457;* Бакунин В. М. *Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1995. С. 43.*

союз». Из этого известия следует, что партия войны с Алдар-батыром во главе по-прежнему искала способы подняться на борьбу. Учитывая свою малочисленность, она искала любого союзника, готового действовать с ними заодно. «Вследствие этого, – продолжает С. М. Соловьев, – русским отправлены были по всем дорогам увещательные грамоты, чтоб башкирцы жили спокойно, и если от кого есть им обида, чтобы жаловались, и получают удовлетворение без волокиты; могут ехать с жалобами в Петербург или Москву; ассессор Уфимской провинции Лихачев, обвиняемый башкирцами в обидах и взятках, был вызван к ответу»¹.

К 1728 г. обстановка в Башкирии окончательно стабилизировалась. Под влиянием «увещательных грамот» башкиры решили воспользоваться своим древним правом непосредственного обращения к царю, узнав, что в Москве готовятся торжества по случаю коронации нового императора Петра II. В начале марта 1728 г. челобитная о защите вотчинных прав и об учинении розыска по поводу притеснений, перенесенных ими от воевод и прочих чиновников, была доставлена башкиром Еланской волости Яркеем Янчуриным «с товарищи» в Коллегию иностранных дел в Москву. Под ней были поставлены подписи и тамги глав кланов: от Казанской дороги – Елан, Еней, Кыргыз, Гирей, Буляр, Байлар, Ельдьяк; от Ногайской – Кыпчак, Бурзян, Минг; от Сибирской – Кушчи, Салжиут; от Осинской – Уран. Как видим, среди подписантов была широко представлена Казанская дорога и весьма незначительно все остальные. Бурзянскую волость ожидаемо представлял не Алдар Исекеев, а Ярлогай Кулуков, сын вотчинника Кулука Азаматова².

В результате в конце июля 1728 г. был подписан именной указ императора Петра II «Об отделении Уфимской провинции от Казанской губернии, о состоянии оной в особенном ведомстве Сената», в котором, в частности, говорилось: «Указали Мы, по челобитью присланных от вас выборных челобитчиков, башкирцов Яркея Янчурина с товарищи, в помянутую [Уфимскую] провинцию послать воеводу, Нашего бригадира Петра Бутурлина и быть той провинции в особливом ведомстве Нашего Сената, и о всяких делах писать ему и требовать Нашего указа от того Сената, а Казанскому губернатору той провинции не ведать». Таким образом, Уфимская провинция была выведена из ведомства Казани, а губернская реформа потерпела крах, так как Башкирия, как особая территория, была подчинена непосредственно Сенату. Новому воеводе предписывалось «башкирцам и прочим иноверцам никакого озлобления и обид и налог отнюдь никому никаких не чинить» и провозглашался возврат к отношениям между центральным правительством и Башкирией, существовавшим в эпоху Московского царства: «...и во всем поступать по данным вам от

¹ Соловьев С. М. *История России с древнейших времен. Кн. четвертая. Т. XVI–XX. Стлб. 1105.*

² МИБ. Ч. 1. С. 123–124; РГАДА. Ф. 1773. Оп. 1. 836. Л. 2–3.

Предков наших Великих Государей жалованным грамотам». Кроме того, башкиры добились традиционной привилегии непосредственного обращения к монарху: «А когда вы пожелаете для челобитья и всяких своих нужд ехать к Москве или в Сенат, тогда для проезду давать ему (воеводе. – *авт.*) вам проезжая письма за своею рукою, а воспрещения в том вам не чинить». Взамен этого царь требовал следующее: «...того ради надлежит вам, видя Нашу Императорского Величества к себе милость, служить Нам верно, как деды и отцы ваши служили и положенный ясак платили и беглых русских, мордвы, чуваш и черемис и никаких народов людей, подданных наших, не принимать и не держать»¹.

Алдар-батыр и казахское подданство

В течение 20-х гг. XVIII в. Российская империя сумела взять под свой контроль все очаги нестабильности, которые сотрясали государство на протяжении многих лет. Некогда свободное Донское казачье войско в 1721 г. было подчинено Военной коллегии. После смерти Аюки-хана в 1724 г. Калмыцкое ханство стало управляться наместниками из числа его потомков, назначаемыми правительством. Мятежная Башкирия под названием Уфимской или Башкирской провинции к 1728 г. полностью умиротворилась и перешла под ведомство Сената. Однако вооруженная борьба башкирского народа – «Алдаровщина» – помешала правительству включить край в систему губернского управления в качестве типовой территории. Башкирия не только восстановила статус-кво, заставив вернуться Российскую империю к модели взаимоотношений XVII в., но и добилась снижения фискального бремени. Поэтому решающая битва за Башкирию еще была впереди.

К 1730 гг. мусульманские государства, располагавшиеся по периметру российских границ, уже не представляли серьезной опасности. Напротив, резко усилившаяся Россия сама стала представлять для них явную угрозу. В 1737 г. на территорию Крымского полуострова вступила русская армия и нанесла ханству катастрофический разгром, после чего судьба этого последнего осколка империи Чингиз-хана была предрешена. Победа фельдмаршала Миниха над казавшейся незыблемой твердыней Гиреев должна была оставить неизгладимое впечатление на все мусульманские народы империи, привыкшие смотреть на Крым как на своего старшего брата и покровителя.

Судьба Казахского ханства определилась еще раньше. В 1723 г. джунгарский хунтайджи Цэван-Рабдан заключил мир с маньчжурским (цинским) богдыханом Китая Юнчженом и, сосредоточив основные силы на западном направлении, нанес сокрушительное поражение казахам и каракалпакам. Казахи, отступая на северо-запад, заняли вотчины

¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года / Под ред. М. М. Сперанского. Т. VIII (1728–1732 гг.). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 5318. С. 69–70.

башкирских кланов Ногайской и Сибирской дорог, располагавшиеся по рр. Иргиз, Эмба, Илек, Орь, Уй, Тобол, Яик. И хотя затем Абулхаир-хан и другие предводители сумели несколько оттеснить джунгаров обратно, они уже не собирались покидать занятые башкирские земли. Между двумя народами усилилось противостояние, сопровождавшееся взаимными набегами. П. И. Рычков писал: «Киргиз-кайсацкой Меньшой орды Абулхаир-хан претерпевал великие разорения и обиды, с одной стороны – от зюнгорских калмык, которые время от времени разными киргиз-кайсацким ханам в Великой Татарии принадлежащими городами завладели и непрестанно их утесняли, а с другой стороны – от смежного им башкирского народа. Не меньшая ж опасность им была близ р. Яика (где лучшая к кочеванию их места) пребывать, ибо башкирцы на их киргизские улусы непрестанно чинили набеги и многие тысяч лошадей у них угоняли...»¹ Одним словом, башкиры не желали без боя отдавать свои земли.

Территория исторического Башкортостана охватывала значительную часть современного Западного и Северного Казахстана. Секретарь багдадского посольства Ахмед ибн Фадлан в 922 г. писал, что он и другие участники 5-тысячного каравана опасались нападения людей из числа тюрок, именуемых ал-Башгурд (الباشغرد) при форсировании р. Йаганды (Чаган), вытекающей из южных отрогов Мугоджарских гор и текущей у подножия Северного Чинка плато Устюрт². Арабский географ XII в. Мухаммад ал-Идриси писал: «И впадает ниже города Хиам со стороны севера большая река, текущая с севера из большой горы. Она является барьером между страной ал-Гузийа и страной ал-Башджуртийа. Эта гора носит название Мургар»³. Гора Мургар (مرغار) обычно идентифицируется с Мугоджарскими горами, тянущимися с юга на север на протяжении 200 км между Аральским морем и Южным Уралом. На знаменитой карте ал-Идриси земля так называемых «внутренних башкир» (басджурт ад-дахила) тянется по всему течению р. Сукан, которую исследователи отождествляют с Яиком (Уралом)⁴ – вплоть до ее впадения в Хазарское море (Каспий). Таким образом, в IX–X вв. к востоку от Мугоджар кочевали огузы, а к западу от них начинались владения башкир, которые охватывали бассейн Яика от истока до устья.

Ввиду нашествий кочевников – монголов, ногайцев, калмыков – башкиры в определенные периоды истории утрачивали контроль над этими землями, но затем вновь возвращали их себе. После падения Казанского ханства и ослабления Ногайской Орды

¹ Рычков П. И. *История Оренбургская (1730–1750) / Издание Оренбургского губернского статистического комитета под ред. и с прим. Н. М. Гутьяра. Оренбург, 1896. С. 5.*

² Ковалевский А. П. *Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. / Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956. С. 130, 190.*

³ Al-Idrisi. *Nuzhat al-mushtaq fi-ikhtiraq al-afaaq. Vol. II. Cairo: Maktaba al-thaqafa al-denia, 2010. P. 839.*

⁴ Коновалова И. Г. *Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. Текст, перевод, комментарий. М.: Восточная литература, 2006. С. 252.*

башкирские бии – Бикбау-князь Усерганский, Мешевли Кара-Кужак-князь Кыпчакский, Искебий-князь Бурзянский, Шагали Шакман-князь Тамъянский – в начале XVII в. получили подтвердительные грамоты на старинные башкирские вотчины вдоль всего течения р. Яик. В сохранившейся копии грамоты утверждается, что «нижняя межа по Яику реке в урочище Сарайчук»¹. И далее границы башкирских вотчин тянутся «от Сарайчука по степям до трех Узеней, по течению оных до трех Чижей, по обе стороны вверх до Деркула, особенно Бурзяну...»². Из текста грамоты узнается р. Узень и Чижинские разливы на границе Саратовской области и Казахстана, а также р. Деркул, приток Шагана, впадающего в р. Урал близ г. Уральск (Казахстан). В документах XVIII в. указывается, что южные вотчины башкир Бурзянской и Кыпчакской волостей, в том числе Алдар-батыра, находились на р. Иргиз нынешней Актюбинской области Казахстана³.

И. В. Ерофеева пишет: «В условиях жесткой конфронтации с северными соседями пред казахами Младшего и Среднего жуза встала проблема официального закрепления за ними плодородных пастбищ по нижнему и среднему Яику, где открывался путь к заманчивым пастбищным угодьям по его правобережью и имелись большие возможности расширения связей с русскими рынками»⁴. В этой ситуации у Абулхаир-хана окончательно созрела мысль принять русское подданство и тем самым решить сразу две проблемы – защитить себя от нашествий джунгар и узаконить явочным порядком захваченные башкирские земли. Д. А. Сафонов пришел к мысли, что «причина такого решения более чем понятна – он пытался обеспечить себе район, своеобразный страховочный вариант, куда смог бы отступить, если бы джунгары одержали верх»⁵. П. И. Рычков оценивал решение казахского хана как очень дальновидное: «И тако он, Абулхаир, будучи пред прочими киргиз-кайсацкими владельцами гораздо умнее, принужден искать и просить о принятии его всею тою Меньшою ордою в российское подданство...»⁶ С высоты сегодняшнего дня можно можно с уверенностью сказать, что Абулхаир-хан своим решением приобрел для будущего Казахстана огромную территорию в западной и северной частях страны.

Однако Абулхаир-хан действовал на свой страх и риск, не спрашивая согласия остальных казахских ханов, султанов и старшин. Для реализации своего плана он привлек своего старого товарища Алдар-батыра. Последний видя, что его вооруженная борьба с

¹ Сарайчук – это золотоордынский город, располагавшийся в низовьях Яика (р. Урал) выше современного казахстанского города Атырау.

² Рябинин А. Уральское казачье войско // *Материалы для географии и статистики России. Ч. II. СПб., 1866. С. 4.*

³ РГАДА. Ф. 1773. Оп. 1. Д. 1312. Л. 2–9.

⁴ Ерофеева И. В. Указ. соч. С. 178.

⁵ Сафонов Д. А. *Начало Оренбургской истории (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII в.). Оренбург: Оренбургская губерния, 2003. С. 15–16.*

⁶ Рычков П. И. *История Оренбургская (1730–1750). С. 5.*

Россией окончательно зашла в тупик, взялся помогать хану. Летом 1730 г. он прибыл в ставку Абулхаира, находившуюся на р. Иргиз, возможно, в бурзянских вотчинах, уступленных им хану. Неизвестно, о чем беседовали главные политические деятели и полководцы двух народов, однако 8 сентября 1730 г. из-под их пера вышло письмо на имя императрицы Анны Иоанновны следующего содержания: «Наше заявление к Вашему величеству состоит в том, что с подданным Вам башкирским народом, который находится за Уралом, у нас близких отношений не было. Желая быть совершенно подвластным Вашему величеству, я посылаю своего посланника вместе с Вашим подданным Алдарбаем. Этот Алдарбай требовал посланника от нас к Вашему величеству, и поэтому, мы Абулхаир-хан, с подвластным мне многочисленным казахским народом Среднего и Малого жузов, все преклоняемся перед Вами, являемся Вашими слугами и все вместе с простым народом желаем Вашего покровительства и ожидаем Вашей помощи, чтобы с подданным Вам башкирским народом, находящимся за Уралом, жить в согласии»¹.

Письмо было написано так, что вся ответственность за важнейшее решение в жизни казахского народа перекладывалось на Алдар-батыра, который якобы буквально заставил Абулхаир-хана принять русское подданство. Без сомнения, это было лукавством. К 1730 г. джунгары не представляли для казахов смертельной опасности. В это время они сами ввязались в войну с империей Цин, а уже в 1755–1759 гг. Джунгария прекратила свое существование под ударами маньчжуро-китайских войск. Поэтому нельзя сводить стремление казахского хана вступить в русское подданство лишь к необходимости защиты своих улусов от башкирских набегов и тем более к давлению со стороны Алдара. Для полного прекращения распрей казахам нужно было всего лишь откочевать на свои земли к югу от башкирских вотчин. Однако это не входило в планы Абулхаир-хана, задумавшего, вероятно не без подсказок Алдар-батыра, серьезное политическое предприятие.

Абулхаир-хан среди всех среднеазиатских правителей был наиболее «вестернизированным». Он много лет жил среди башкир Уфимского уезда, был знаком с административной системой России и не понаслышке знал о силе русской армии, с частями которой неоднократно скрещивал оружие в ходе башкирского восстания 1704–1711 гг. Вероятно, под впечатлением своих наблюдений он и решил трансформировать казахское общество и, главное, географически сместить казахские жузы – Младший и Средний – поближе к границам Российской империи. И. В. Ерофеева пишет: «Многочисленные размышления над этими проблемами постепенно привели хана к безрадостному выводу о значительном отставании казахских жузов в военно-техническом, институциональном,

¹ КРО. С. 35.

технологическом и прочих отношениях как от могущественного северного соседа, так и от некоторых других, менее крупных центральноазиатских государств»¹.

Переходя под протекторат Российской империи, Абулхаир-хан рассчитывал укрепить и централизовать ханскую власть в казахских жузах, причем «особенно благодатную почву для ассоциативных размышлений и разного рода умозаключений предоставил Абулхаиру исторический прецедент феноменального усиления личной власти и возвышения международного престижа калмыцкого Аюки-хана, находившегося под российским протекторатом...»². Феномен «приволжского самодержца» убедил его в необходимости ускоренной модернизации властных отношений в казахской степи. Следует сказать, что еще в 1726 г. Абулхаир-хан с помощью башкирского купца Максуда Юнусова, торговавшего в Бухаре, отправлял в Санкт-Петербург послание, в котором выражал желание «быть под протекциею» России по примеру волжских калмыков, владений хана Аюки³. Тогда дипломатическая миссия не увенчалась успехом. Поэтому через несколько лет казахский хан нашел более весомого и влиятельного помощника в лице Алдара Исекеева.

Взявшись за дело, башкирский батыр доставил казахских послов Сеиткула Куйдагулова и Кутлумбета Коштаева к уфимскому воеводе Бутурлину, а 1 августа 1730 г. все они в сопровождении еще двух известных башкир Кара-Табынской волости Таймас-батыра Шаимова и Кидрас-тархана Муллакаева отправились в Москву. Императрица Анна Иоанновна подписала указы о принятии казахов в русское подданство и приказала снарядить ответное посольство к казахам, во главе которого был поставлен «переводчик ориентальных языков» татарский мурза Мамет Мамешевич Тевкелев (после крещения – Алексей Иванович)⁴.

Русскому посольству, прибывшему 4 июля 1731 г. в Уфу, Алдар-батыр сообщил, что Абулхаир-хан ждет их между рр. Иргиз и Тургай. 26 августа миссия отправилась в ханскую ставку в сопровождении 10 солдат, 10 уфимских дворян, 10 казаков и более 100 башкир, в числе которых были самые известные тарханы и батыры Таймас Шаимов, Хожамыш Бекхужин, Уразай Абызанов, Кидрас Муллакаев, Шима Калтырчаков, Куджаш Рахмангулов, Ака Камакаев, которые взялись помогать Алдар-батыру в его предприятии. Следовательно, они полностью разделяли планы последнего. Хотя многим из них затем придется об этом пожалеть. Например, упомянутый выше башкир Барын-Табынской волости Уразай Абызанов в 1736 г. с возмущением заявлял В. Н. Татищеву: «Вам, господин генерал,

¹ Ерофеева И. В. Указ. соч. С. 223.

² Там же. С. 225.

³ Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII века. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1948. С. 195.

⁴ По устной информации покойной Н. Ф. Демидовой, крестным отцом Тевкелева был автор проекта Оренбургской экспедиции И. К. Кирилов, поэтому мурза взял себе отчество Иванович.

известно, что Чебаркульская крепость¹ построена на моей земле. Мои хоромы разломаны и в крепости перенесены, все мои сенокосы взяты, а ныне пристанища не имею...»²

По прибытии на место Тевкелев сделал неприятное открытие, что Абулхаир-хан принял русское подданство без согласия других ханов, султанов и старшин, совершив, по сути дела, отчаянную авантюру. 7 октября в присутствии казахской знати была зачитана царская грамота, после чего возбужденная толпа хотела убить русского посла. На съезде казахской знати 10 октября 1731 г. разъяренные старшины спросили у Абулхаир-хана о причинах принятии им русского подданства, на что тот ответил: «он, хан, только имя носит ханское, а воли над подданными не имеет (...), он, хан, не имеет себе оборонителя и избрал лутчее есть, иметь подданство великого монарха...»³. После этого Абулхаир-хан, Букенбай-батыр, Исет-батыр, Худайназар-мурза и еще 27 знатных старшин присягнули императрице, поклявшись на Коране. Другие казахи, которые отказались присягать, решили убить Тевкелева. Они устроили на него настоящую охоту, но башкиры, находившиеся в конвое, отчаянно защищали посла во время всего периода пребывания в казахских улусах.

В отчаянный для дипломатической миссии момент из Башкирии выступил отряд, насчитывавший 1 тыс. чел., и совершил нападение на Средний казахский жуз. Было убито 40 и захвачено в плен 100 чел., отогнано 2 000 лошадей. Этот набег был наглядным свидетельством того, что далеко не все башкиры были согласны примириться с казахами и отдавать им свои земли. Мало того, столь крупный набег, возможно, был организован с определенным умыслом. Скорее всего, он ставил целью вызвать возмущение казахов, чтобы те убили А. И. Тевкелева и всех башкирских старшин, ему помогавших. Гибель миссии неизбежно перечеркнуло бы все усилия Абулхаир-хана по присоединению Казахстана к России. В сердцах хан изрек: «...киргис-кайсаки есть многие добрые люди, а года два или три придут и все в постоянство; а башкирцы-де, сколько лет в подданстве российском, и тут-де пакости делают»⁴.

17 декабря 1731 г. состоялась историческая беседа между Тевкелевым и Абулхаир-ханом, которая собственно и положила начало Оренбургской экспедиции и, как следствие, дала толчок башкирскому восстанию 1735–1740 гг. Во время разговора о выгодах транзитной торговли между Россией и ханствами Средней Азии мурза как бы невзначай предложил построить в устье р. Орь крепость, «в которой бы ему, хану, зимовать со всем его домом» и от которой «киргис-кайсаки будут находиться в немалом страхе»⁵. Хану

¹ Ныне г. Чебаркуль Челябинской области.

² Цит. по: Буканова Р. Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII века. История становления городов на территории Башкирии. Уфа: Китап, 1997. С. 113.

³ КРО. С. 63.

⁴ Там же. С. 82–83.

⁵ КРО. С. 62.

чрезвычайно понравилась эта идея, а в Коллегию иностранных дел полетела депеша о согласии хана на строительство крепости, которая впоследствии получит название Оренбург. С. У. Таймасов делает вывод, что «автором идеи строительства Оренбурга был не Кирилов, а Тевкелев»¹.

В 1732 г., когда Тевкелев по-прежнему находился в «Киргис-кайсацкой орде», в Коллегии иностранных дел уже рассматривалось его донесение, в котором дело представлялось так, что Абулхаир-хан сам «просил е. и. в., чтоб милостиво указать соизволила на устье р. Орь, где впала в р. Яик, зделать крепость...»². Самое главное, что идея, озвученная А. И. Тевкелевым, окончательно и бесповоротно закрепились в мыслях столичной бюрократии. Теперь казахское подданство и основание крепости на р. Орь рассматривались как взаимосвязанные вопросы, которые якобы нельзя было осуществить один без другого. Интересно, что ни у Тевкелева, ни у Абулхаир-хана не возникла даже тень сомнения относительно законности строительства крепости в башкирских вотчинах. И, самое главное, они почему-то не задумались о возможных негативных последствиях подобного решения. Вероятно, они решили, что одного согласия башкирской знати достаточно для реализации подобного мероприятия. Однако у башкирского народа на сей счет было иное мнение.

Если интерес Абулхаир-хана в принятии русского подданства понятен, то какова была в этом деле выгода для Алдар-батыра? Как объясняли в Москве сотрудникам Коллегии иностранных дел Алдар Исекеев и его спутники, «им, башкирцам, польза в том та, что ежели оные казацкие народы всемилостивейшим указом е. и. в. в подданство приняты будут, то они, башкирцы, могут жить в покое, и от них, [казахов], башкирцам разорения и нападку не будет, и от них, башкирцев, взятые казаками ясыри возвращены будут»³. Однако абсолютная искренность слов башкирских посланцев вызывает сомнения. Исходя из логики и контекста политической обстановки, сложившейся в Башкирии, они должны были потребовать от правительства возвращения занятых казаками башкирских земель, а потом уже обсуждать условия подданства последних. Тем более, что подчинение разных народов одной короне никогда не было панацеей от взаимной вражды, особенно, когда это касалось вопроса земли. Бесконечные башкирско-калмыцкие междоусобицы XVII–XVIII вв. были тому ярким примером, а последующие кровавые столкновения между башкирами и казаками в 1755–1756 гг., спровоцированные самими же властями, станут еще более убедительным тому подтверждением.

¹ Таймасов С. У. *Башкирско-казахские отношения в XVIII в.* С. 157.

² КРО. С. 96.

³ Цит. по: Ерофеева И. В. *Указ. соч.* С. 258.

Наш тезис о политической ангажированности московских заявлений Алдара находит подтверждение в оценке результатов дипломатической миссии со стороны основной массы башкир, которые откровенно говорили, что посланцы обманули царицу, отдав казахам заяицкие территории: «...оные каштаны¹ ездили в Санкт-Петербурх и оболгали государыню, якобы киргиские народы будут подданные, от которых уже, как всегда разорение есть, а издревле пожалованные нам земли и угодьи ныне отнимаются для одного непостоянного народу»². Таким образом, истинная подоплека участия в этих событиях Алдара Исекеева и его единомышленников заключалась не в официальной версии о стремлении примирить два народа, а в ином.

Алдар-батыр, воплощая свою идею о политической самостоятельности Башкирии в виде башкирского ханства с династией Кучумовичей во главе, встал на путь вооруженной борьбы и добился фактической независимости Башкирии. Однако в силу особенности устройства башкирского общества, создать властную вертикаль ему не удалось. Тогда он решил объединить башкир и казахов под главенством династии Тука-Тимуридов. Именно с этой целью в 1712–1714 гг. Абулхаир-султан был провозглашен ханом Башкирии, поскольку Алдар имел виды на молодого и перспективного султана. Когда же он стал еще и ханом Младшего казахского жуза, политический проект Алдара, казалось, как никогда был близок к осуществлению. Однако резкое изменение политической ситуации в Центральной Азии, вызванное нашествием джунгаров и, как следствие, внезапно возникшим желанием русского подданства со стороны Абулхаир-хана, перечеркнуло все его многолетние усилия. Ему пришлось быстро корректировать свой замысел, придавая ему форму русского протектората над предполагаемым башкирско-казахским ханством.

Возможно, его политические планы были гораздо шире. С. У. Таймасов пишет, что Алдар-батыр решил поддержать Абулхаир-хана, чтобы «использовать его устремления для создания на краю Российской империи коалиции из родственных народов. Известно, что тархан пытался установить дружественные связи со среднеазиатскими народами и волжскими калмыками»³. Как показывал в 1737 г. захваченный в плен вождь башкирского восстания 1736–1736 гг. Кильмяк-абыз Нурушев, в 1731 г. «Алдар и Хазя⁴ посылали от себя х калмыкам (...) для договору, чтоб они были в мире и перестали в Башкирь ездить, нападение чинить и людей побивать...»⁵. Калмыки прислали к Алдару ответное посольство. Очевидно, башкирский батыр вел переговоры с калмыцким владельцем Дорджей Назаровым,

¹ Куштан – мироед, предатель.

² МИБ. Т. VI. С. 659.

³ Цит. по: Таймасов С. У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. С. 248.

⁴ Хазя – башкир Хази Аккускаров, один из лидеров башкирского восстания 1704–1711 гг.

⁵ МИБ. Т. VI. С. 370.

который в это время проявлял к России враждебность и даже отговаривал Абулхаир-хана принимать русское подданство.

Ради своей цели он и его сторонники были согласны даже отказаться от башкирских территорий южнее Яика в пользу казахов с тем, чтобы последние кочевали в непосредственной близости от башкир, чтобы возник башкирско-казахский этнополитический континуум от Перми до Сырдарьи. Алдар-батыр, вероятно, считал, что, объединению башкир, казахов и каракалпаков, возглавляемому одним ханом или одной династией с разными ханами, будет легче противостоять русской колонизации и, главное, избавит башкир от злоупотреблений царских чиновников. Однако большинство башкир Ногайской и Сибирской дорог не понимало и не желало вникать в смысл действий Алдара и его сторонников. Они просто видели, как их земли занимают соседи и не хотели мириться с этим. Факт захвата башкирских земель казахами был общеизвестен, и о нем писал в своем «Представлении о киргиз-кайсацкой и каракалпацкой ордах» сам И. К. Кирилов: «А третья Меньшая орда, о которой выше упомянуто, что она в подданство принята (...) к башкирцам же и к калмыкам, кои по Эмбе и Яику рекам кочуют, самые близкие соседи и не мало башкирской земли захватили (...). Вторая Средняя орда, в которой Шемяка хан, в ней тысяч двадцать [воинов], оные еще в противности стоят и подданства не приняли (...), потому что кочуют между теми обоими ордами по реке Торгай и по другой, которые реки башкирцы называют своими»¹.

В 1730–1734 гг. взаимная вражда между башкирами и казахами достигла большой остроты. При этом зачинщиками степной войны были рядовые башкиры, которые, не обращая ни малейшего внимания на призывы своей знати к миру, продолжали совершать набеги. Уфимский воевода П. Д. Кошелев 8 июля 1734 г. докладывал И. К. Кирилову: «...башкирцы живут несмирно: и кипчацкие, и усергенские, и тингаурские, и бурзейские волостей, а все вышеписанные волости сели на коней рубить кайсаков...»² При этом башкир Бурзянской волости Деветей Минкин признавался: «...в кайсацьи юрты намерение имеется доброе, а худого ничего нет, и все имеющиеся кайсацьи воинские люди Ея Императорскому Величеству желают быть в холопстве, что ни есть худоба имеется от наших башкирцев...»³

Желая пресечь «башкирской воровской розъезд в их Казацкую Орду», правитель еще независимого Среднего казахского жуза Шемеке-хан в 1733 г. решил напасть на башкир Сибирской дороги. Однако его поход не только закончился полным фиаско, но ему вслед за Абулхаир-ханом пришлось принять русское подданство, чтобы остановить нападения

¹ Добросмыслов А. И. *Материалы по истории России (Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1734 год)*. Т. I. Оренбург: Тип. Ф. Б. Сачкова, 1900. С. 34–35.

² Там же. С. 134.

³ Там же. С. 148.

башкир. И. К. Кирилов писал: «Получены ведомости с Уфы и из Казани, что та Средняя орда захотела напасть на башкирцев в 20 000 человеках, от которых башкирцев разбиты и осажены были, и тем принуждены просить подданства российского»¹. Сарт Нурмухаммед Алимов, выехавший в марте 1734 г. из Ташкента в Уфу для торговых целей, остановился в ставке Абулхаир-хана на р. Иргиз и «мешкали у него все лето до осени за тем, что у башкирцев с Среднею ордою была война...»².

Алдар-батыр и башкирское восстание 1735–1740 гг.

До обращения в 1730 г. Абулхаир-хана к русскому правительству о подданстве Алдар-батыр, по всей видимости, считался «изменником», поскольку о его присяге (шерти) царю ничего неизвестно, а его имя не упоминается в челобитных тех лет. Однако взявшись сопроводить казахских послов в Москву и обратно, он автоматически приобрел дипломатический иммунитет. Именно поэтому, находясь в Уфе, Москве и других российских городах, он не подвергся аресту. После приведения к присяге Абулхаир-хана и старшин Младшего жуза А. И. Тевкелев, башкирские батыр и тарханы, сопровождавшие его, а также султан Ирали, сын Абулхаир-хана, а также некоторые знатные казахи отправились обратно в Уфу, куда прибыли 2 января 1733 г. С. И. Таймасов пишет: «Прикинувшись больным, Тевкелев отлучился и тайно помчался в Петербург, видимо для того, чтобы подсказать руководству своего ведомства сценарий будущих переговоров. Очевидно, здесь он встретился с Иваном Кириловым»³. Проинструктировав автора проекта Оренбургской экспедиции, мурза отправился в обратный путь.

В столице считали А. И. Тевкелева погибшим или угодившим в плен, почему власти обсуждали вопрос о его выкупе. Каково же было удивление правительства, когда в начале 1733 г. он появился в Петербурге. Изумление вскоре сменилось растерянностью, поскольку никто толком не понимал, как действовать дальше, и нужна ли вообще России эта «Киргискайсацкая орда»? Вероятнее всего, правительство ограничилось бы туманной декларацией, не обязывающей ни к чему. Но в этот самый момент «состояние неопределенности и неуверенности было разрушено – на противоположную чашу весов падает проект, поданный обер-секретарем Сената И. Кириловым»⁴. Он убеждал, что после присоединения казахов «Россия с восточную сторону в соседи своим владениям Колифорнии и Мексики достигнет», хотя «гишпанцам сие не любо будет»⁵. Поэтому, чтобы повторить успех испанских

¹ Добросмыслов А. И. Указ. соч. С. 35.

² История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям XVIII–XIX в. Алматы: «Дайк-Пресс», 2007. С. 24.

³ Цит. по: Таймасов С. У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. С. 158.

⁴ Сафонов Д. А. Указ. соч. С. 20.

⁵ Добросмыслов А. И. Материалы по истории России. С. 5.

конкистадоров, он предложил идти в страны Средней Азии, а оттуда уже в Персию и в Индию. Проект И. К. Кирилова был полнейшей авантюрой, стоившей жизни ему самому, а также десяткам тысяч башкир и русских солдат. Однако царедворцы уже были впечатлены размахом мысли скромного географа, когда слышали экзотические названия «Бадахшан», «Бухария», «Балх», «Кундуз» и т. д.

Находясь в Петербурге, А. И. Тевкелев исхлопотал для бывшего с ним Таймас-батыра Шаимова, своего самого рьяного помощника, неоднократно рисковавшего жизнью ради своего патрона во время пребывания среди казахов, титул тархана. 27 апреля 1733 г. Анна Иоанновна подписала указ, что Таймас «возвратясь с тем переводчиком был здесь в Санкт-Петербурге и Нам представлен, повелели ему Таймас Батырю Шаимову быть служилым башкирцом...»¹. Вернувшись в Уфу, А. И. Тевкелев повез казахское посольство в Петербург. Его опять сопровождала большая группа башкирских батыров и тарханов, в том числе Алдар Исекеев. 10 февраля 1734 г. султан Ирали в торжественной обстановке были принят императрицей Анной Иоанновной, и условия русского подданства казахов Младшего жуза были окончательно закреплены. 1 мая 1734 г. она также подписала проект Оренбургской экспедиции, а 22 декабря 1734 г. издала указ, касавшийся лично Алдара: «...ныне он Алдар, служа Ея Императорскому Величеству, привел посланников ис Киргис-Кайсацкой Орды, и с посланцом же от Ея Императорского Величества Государственной Иностранной Коллегии с переводчиком, что ныне полковником, Тевкелевым привел в подданство Российской империи Киргис-Кайсацкого Аболгаир хана (...) написать Алдарбая з детми и со внучеты и с племянники в новую тарханскую книгу...»²

Дело в том, что начиная с 1707 г., когда Алдар включился в вооруженную борьбу, он не исполнял тарханскую службу и, следовательно, был исключен из списка тарханов. В своем указе Анна Иоанновна, перечислив его подвиги во время Азовского похода, обошла молчанием мятежный период биографии батыра. Восстановление в тарханстве означало, что он был окончательно прощен. И вот Алдар, который с 1707 по 1734 гг., т. е. 27 лет, отказывался покоряться России, являясь для всех живым символом борьбы и олицетворением старой башкирской вольности, стал «верным» тарханом. Примирение с правительством, а более всего лелеемый им проект башкирско-казахской унии, связали бесстрашного батыра по рукам и ногам. В начале XVIII в. он уступил Абулхаир-хану бурзянские вотчины по рр. Иргиз и Тургай, где правитель Младшего жуза учредил свою ставку, а в 1735 г. ему пришлось отдавать уже родовые земли бурзянцев и кыпчаков под строящийся Оренбург (ныне г. Орск Оренбургской области). И. К. Кирилов писал:

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Указ. соч. С. 5.

² Вельяминов-Зернов В. В. Указ. соч. С. 27–28.

«Алдарбай тархан (...) к новому городу земли его подошли (...). Токчура мулла – роду кипчацкого, нужен для того, что он в своем кипчацком роде силен, и земли подошли его, где город будет строитца»¹. Кирилов также указывал в проекте Оренбургской экспедиции, что вся «та земля башкирская и владелец здесь, который сам того желает»². Не избежал этой западни и Таймас-тархан Шаимов, который «без мирского согласия» по просьбе А. И. Тевкелева в 1735 г. продал казне вотчинную землю под Верхояцкую крепость (ныне г. Верхнеуральск Челябинской области), которая служила перевалочной базой по доставке продовольствия в Оренбург из сибирских слобод, а в 1736 г. отдал землю тому же А. И. Тевкелеву под строящуюся крепость Челябинск³.

В 1735 г. И. К. Кирилов, наконец, прибывает в Башкирию, и Оренбургская экспедиция начинается. Ее начало спровоцировало мощное восстание, во главе которого стоял башкир Юрматынской волости Кильмяк-абыз Нурушев, еще в 1705–1706 гг. ездивший по заданию Алдар-батыра в Крым и Турцию. Как писал А. И. Добросмыслов, «...башкиры во главе с Кильмяк-Абызом (...) пришли к заключению, что с постройкой города и крепости на устье Ори Башкирия постепенно будет окружена с восточной стороны и таким образом навсегда войдет в состав России, и, кроме того, не будет никакой возможности возвратит от киргиз те земли (северные части нынешней Тургайской области), которые они отняли у них не более четверти века тому назад, а потому и решились оказать русскому правительству противодействие, в осуществлении предположений его об устройстве восточных окраин, с оружием в руках»⁴. Сигналом к всеобщему восстанию стало нападение на Вологодский драгунский полк, совершенное 1 июля 1735 г. в урочище Зирган повстанцами под предводительством Кильмяка-абыза Нурушева. Полк понес тяжелые потери, но сумел вырваться из окружения.

На Сибирской дороге Башкирии также вспыхнуло восстание, о причинах которого рассказывал «пойманный вор», допрошенный советником Экипажмейстерской конторы А. Ф. Хрущевым: «...начали де башкирцы бунтовать для того что на их вотчинных землях Оренбург и другие крепости стали строить (...) и утвердились в том, что города Оренбурха строить и Илецкой соли брать не давать и по дорогам людей не пропускать и бить и бунтовать, пока все не помрут и в том между собой они присягу учинили...»⁵ Главным вождем башкир Зауралья стал башкир Кара-Табынской волости Юсуп-батыр Арыков.

¹ Добросмыслов А. И. *Материалы по истории России*. С. 94.

² Там же. С. 31.

³ Самигулов Г. Х. *Из истории Челябинска: в 3 кн. Кн. 1. Крепость и провинциальный город с 1736 по 1781 год*. Челябинск: Каменный пояс, 2015. С. 39.

⁴ Добросмыслов А. И. *Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 г. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. VIII. Оренбург, 1900*. С. 9.

⁵ Добросмыслов А. И. *Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 г. С. 9*.

Пленный башкир Ибраш Алдаров после пытки показал: «Каратабынской волости башкирец Тоймас Шаимов продал вотчинную землю, на которой построена Верхояцкая крепость, полковнику Тевкелеву, а государыня де о том не ведает. И в том де они, башкирцы, шертовались меж собой, чтоб чинить бунт, русских бить до смерти и города строить не давать»¹.

Начавшееся в Башкирии восстание перечеркивало не только планы тархана Алдара Исекеева, но и И. К. Кирилова, который уже прибыл в устье р. Орь и заложил там крепость. Вскоре он получил указ императрицы, обеспокоенной известиями о начале нового башкирского бунта, что если «башкирцы, действительно, в противностях состоят, то в таком случае вам (...) со всем своим корпусом возвратиться на Уфу...»². Судьба экспедиции повисла на волоске. Ее спасла лишь стремительность действий И. К. Кирилова, действовавшего напролом, и затрудненность сообщений со столицей. Пока до начальника экспедиции дошел указ Анны Иоанновны о прекращении похода, он уже успел заложить Оренбург. Ю. Н. Смирнов пишет: «Восставшая Башкирия оказалась слишком весомым аргументом в руках противников Оренбургской экспедиции при дворе. Однако решительное продвижение отряда Кирилова к Яику упредило неблагоприятное для его дела развитие событий»³. И. К. Кирилов действуя с удвоенной энергией, одновременно строил Оренбург и выжигал аулы башкирских повстанцев. В итоге 31 августа 1735 г. Кабинет отменил свое прежнее распоряжение об отмене экспедиции. Однако к великому разочарованию И. К. Кирилова ее цели изменились: «Поставленная на Ори крепость окончательно разрешила сомнения в пользу Кирилова. Отказаться от уже приобретенной “Новой России” империя не могла, но прежние планы требовали изменений»⁴. Вместо похода в Индию ему пришлось заниматься подавлением башкирского восстания вплоть до самой своей смерти от чахотки 14 апреля 1737 г.

Что касается Алдара, то он, как и большинство представителей башкирской знати, оказывавшей помощь Абулхаир-хану в его предприятии, также был обескуражен таким исходом дела. Они переоценили степень своего влияния на башкирское общество, которое полностью вышло из-под их контроля и отвергло все их начинания. Восстание возглавили простые общинники, в молодости участвовавшие в «Алдаровщине» и впитавшие в себя ее дух беспредельной непокорности. «Алдаровщина» была самым продолжительным и самым успешным движением: башкиры добились фактической независимости, но при этом не понесли никакого наказания. Поэтому нынешние мятежники откровенно заявляли: «...в

¹ МИБ. Т. VI. С. 136.

² Смирнов Ю. Н. *Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997. С. 25.*

³ Там же. С. 26.

⁴ Там же. С. 27.

прежние годы имелись войны при бытности Кучюк-хана, и то государи, пожаловав, давали нам грамоты за красными печатями (...). После того учинилась Алдаровска война: [башкиры, живущие] с вершины Белой до устья порубили они Тобольской и Казанской уезды и многие церкви жгли. И, приехав Хаванской и то розыскав и пожаловав, рукам нашим дал грамоты за красными печатями. И тако наш обычай: воевать и порубить». Новое поколение мятежников полагало, что им удастся повторить успех Алдара, дескать, мы «порубим», но все равно «государыня нас будет пожаловать»¹. Заклеймив своего учителя «каштаном», они взялись за оружие, не имея, кроме воинственности и отваги, иных качеств, в первую очередь политического кругозора и стратегического мышления, каковыми обладал Алдар.

Перед началом боевых действий повстанцы провели ряд съездов, на одном из которых они вынесли смертный приговор Алдар-батыру и другим знатым лицам: «И имеетца де у них на зборе приговор, чтоб убивать до смерти Бурзенской волости башкирцов Алдар-бая Исекеева да Шиму-батыря, да Сибирской дороги Кара-Табынской волости башкирца Таймаса-батыря...»² В сложившейся ситуации башкирская знать, поставленная на грань физического истребления, повела себя по-разному. Некоторые встали на путь открытого сотрудничества с правительством. Именно с этого момента берет свое начало феномен так называемых «верных старшин». По указу Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 г. вводился институт старшин, выбираемых мирскими людьми, но утверждаемых правительством. Б. А. Азнабаев пишет: «Новые башкирские старшины подчинялись гражданским властям на тех же основаниях, что и башкирские тарханы начальникам военным отрядов (...). Статус личной службы царю, который прежде был прерогативой тарханского звания, был распространен на новых глав башкирских общин»³. Одним словом, главы башкирских кланов (агалар), раньше не подчинявшиеся властям, превращались в служилых башкир.

Группа новоиспеченных башкирских старшин, в основном Сибирской и Казанской дорог, – Куджаш (Козяш) Рахмангулов, Якуб Чинмурзин, Шиганай Бурчаков, Юнус-тархан Теперишев, Шарип Мряков и другие, – сформировали вооруженные отряды и вступили в сражение с повстанцами. Другая часть старшин заняла выжидательную позицию. Некоторые из них откровенно двурушничали, например Таймас-тархан Шаимов, который временами оказывался в стане повстанцев, но в то же время выполнял тайные поручения властей.

Алдар-тархан не мог воевать против собственного народа, как не мог сотрудничать с властями, вставшими на путь беспощадного истребления башкир. Он также не мог примкнуть к восставшим, поскольку в данной ситуации путь вооруженной борьбы считал гибельным для башкир. В равной степени он не мог спокойно взирать на происходящее,

¹ МИБ. Т. VI. С. 79.

² Там же. С. 38.

³ Азнабаев Б. А. Интеграция Башкирии в административную структуру... С. 190.

косвенным виновником которого являлся сам. Поэтому Алдар решил действовать. Летом 1736 г. в ставку Абулхаир-хана приехал посланник И. К. Кирилова рисовальщик Джон Кэстль, который был принят на службу в Оренбургскую экспедицию. В предисловии к своему «Дневнику путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру, хану Киргиз-Кайсацкой Орды» оставил интересное сообщение: «...я изобразил с большим сходством хана Абул Гейера, находящегося в Оренбурге сына хана – Ерали Султана, знаменитого военачальника башкир – Алдара, дочь Алдара, а также татарского мурзу, который является переводчиком»¹. Художник не сообщает, где он нарисовал портрет Алдара, но рассуждая логически, можно предположить, что это могло произойти в ставке Абулхаир-хана, где он, возможно, укрывался с членами своей семьи от угрожавших ему расправой повстанцев. Хотя данный портрет мог быть также нарисован во время торжественной закладки Оренбурга в августе 1735 г., на которой «присутствовало много народу: башкиры, входившие в состав экспедиции, уфимские служилые мишари, казахи и ташкентские торговцы»².

Известия об успешных операциях башкир, сумевших в 1735–1736 гг. нанести правительственным войскам ряд поражений и ощутимых ударов, возбуждающе подействовали на соседних казахов. Если брать в расчет лишь несколько наиболее резонансных сражений 1736 г. (под Верхояицком, Красноуфимском, Осой, дд. Кубово, Урмекеево и Кундешли), то выйдет более 1 000 убитых офицеров, драгун, солдат, казаков, дворян, «вольницы», нерегулярной конницы «верных» башкир и мишарей. С учетом жертв, понесенных правительственными силами в ходе большого числа мелких стычек и нападений повстанцев на различные населенные пункты, данная цифра будет значительно больше. Таким образом, потери, понесенные карательными войсками в 1736 г. на территории Башкирии, значительно превысили прямые боевые потери русской армии в ходе первого года русско-турецкой войны 1736–1739 гг.³

Джон Кэстль писал: «Я узнал, что подстрекаемые Оттоманской Портой (Ottomannische Pforte) стоят наготове 40 000 недовольных киргизов, которые хотят, объединившись с башкирским бутовщиком Килмеком (Kilmeck), выступить против Российской империи статского советника Ивана Кирилова, одолеть его и потом опустошить все земли от Уфы до Казани...»⁴ Поэтому у восставших башкир возникла идея призвать на помощь правителя Среднего казахского жуза Шемеке (Шах-Мухаммед)-хана. Данный выбор был не случаен. В отличие от Абулхаир-хана, правителя Младшего казахского жуза, он

¹ Кэстль Джон. *Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру, хану Киргиз-Кайсацкой Орды / Пер. с нем. В. Штаркенберга, В. Скорого (Регистр). Алматы: Жибек жолы, 1998. С. 8.*

² Ерофеева И. В. *Указ. соч. С. 296.*

³ Широкопад А. Б. *Русско-турецкие войны 1676–1918 гг. / Под общ. ред. А. Е. Тараса. Москва–Минск: АСТ; Харвест, 2000. С. 88–102.*

⁴ Кэстль Джон. *Указ. соч. С. 12.*

довольно прохладно относился к идее русского протектората над казахами. По извету ясачного татарина д. Киги Байчуры Егамбетова, ездившего «для проведывания всяких вестей», у башкир Сибирской дороги был сбор в Мурзаларской волости, на который съехалось более 200 чел., и «при том собрании оной Елдаш-мулла¹ говорил з зауральскими старшинами: что де нам скрывать? Послали де мы х киргиз-казакам искать себе хана»².

В июне 1737 г. предводитель башкир Сибирской дороги Тулькучура-батыр Алдагулов осадил Богданову крепость, в которой укрылись отряды и семьи мишарских и «верных» башкирских старшин. При этом повстанцы подъезжали к стенам и кричали осажденным: «Смотрите нашего хана, а ежели не станете смотреть, (...) разорим вас, которые служите рускому государю холопы; всем говорим вам – ежели станете на его хана смотреть, и вы будите таковы, что и мы вольны, и станете видеть дни вольные, а хана нашего называют Шемяки»³. Как видим, восставшие сами «дозрели» до идеи самостоятельного башкирского ханства, в котором все будут «видеть дни вольные», а это было как раз то, к чему последние 30 лет призывал Алдар-батыр.

Однако Шемеке-хан так и не приехал. Башкирские посланцы, ездившие в Средний казахский жуз за помощью, вернувшись, рассказывали, что казахские Барак-султан и Джанибек-батыр сказали, что «де мы (башкиры. – *авт.*) им не надобны для тово, что мы в государевой земле воровали и, своровав, хотите к ним ехать, а они (казахи. – *авт.*) де е. и. в. верные слуги, и ежели де мы чрез Яик реку передем, то де они нас всех перерубят, и им де такие воры не надобны»⁴. По сообщению красноуфимского коменданта капитана П. Батова, «намерены де все башкирцы за неприездом из киргисцов хана выбрать в ханы оного Тюлкучуру»⁵. Этот казус, с одной стороны, показывал, насколько лишенной сакральности к 30-м гг. XVIII в. стала идея чингизизма, если ханом Башкирии хотели избрать простого башкира Кудейской волости, а, с другой, свидетельствовал о стремлении повстанцев создать центр власти.

Летом 1737 г. повстанцы напали на вотчину Алдара и разорили его жилище. Тархан, едва не угодивший к ним в плен, писал А. И. Тевкелеву: «А изменники с войском своим приехав, верных подданных порубили и ничего не оставили; нас, живущих в верности е. и. в. бурзенских народов, розбили, пожитки взяли. У меня, Алдара Исекеева, взятые пожитки ценою 3 000 рублей и ничего не оставили, так же и их детей моих троих ограбили, Мансура, Мысыра, Максюта, и их пожитков взяли на 500 рублей (...). А я сам от них ушел, и в дом

¹ Юлдаш-мулла Суярымбетов – башкир Кыр-Кудейской волости и один из предводителей башкирского восстания 1735–1740 гг. на Сибирской дороге Башкирии.

² МИБ. Т. VI. С. 417.

³ Там же. С. 440–441.

⁴ Там же. С. 382.

⁵ Там же. С. 439.

своей ехать не смею, грозят убийством и чрез шпионов обо мне проведывают (...). А мы з 10-ю человеки ушли в Оренбург от оных воров»¹. Алдар-батыр перевез в Оренбург свою семью, а сам обосновался в Сакмарской казачьей крепости². Впрочем, как полагает С. У. Таймасов, нападение на его имение могло быть инсценировкой, разыгранной для того, чтобы передать повстанцам имущество, деньги и лошадей тархана. В пользу этого предположения говорит участие в восстании двух его сыновей Алдара, замеченных при нападениях на Табынскую крепость³.

В начале 1738 г. Абулхаир-хан получил повеление от полковника А. И. Тевекелева выступить против «воров башкирцов». Двигаясь с войском в Башкирию, он остановился в Оренбурге, где находился в изгнании Алдар. Затем хан приехал в Тамьянскую и Тангаурскую волости. Там он призвал башкир принести повинную. Повстанцы пообещали присягнуть, но только через три месяца, т. е. хотели оттянуть время до весны, когда откормятся лошади. После этого хан поехал на Сибирскую дорогу, где поссорился со своим подданным Джанибек-батыром. Последний, забрав войско, ушел из Башкирии, а хан остался с горсткой людей. Здесь он буквально преображается. Башкирам, явившимся к нему за помощью, он неожиданно заявляет: «...чтоб оне принесли свою вину к Е. И. В-ву и попрежнему б жили в подданстве. А ежели вам Е. И. В-ву вину не отпустят и в подданство к себе попрежнему (т. е. на прежних условиях. – *ред.*) не примет, то я вас к себе приму и дам вам от себя салтана»⁴.

Неизвестно, что подвигло Абулхаир-хана вмешаться в башкирские дела – уговоры Алдар-батыра или тайное соглашение, заключенное с В. Н. Татищевым, новым начальником Оренбургской экспедиции. По мнению Н. В. Устюгова, хан обещал В. Н. Татищеву помогать в поимке лидеров восстания за определенную награду⁵. По мнению С. У. Таймасова, Абулхаир-хана был объектом давления и шантажа со стороны властей, у которых в аманатах находились два его сына Ирали и Хожахмет⁶. Однако насколько он был искренен в своих обещаниях, сказать затруднительно. Возможно, ему в силу подозрительности башкир просто не удалось выполнить задания, а возможно, он и не стремился к этому.

Многие башкиры помнили, что Абулхаир формально являлся их ханом, провозглашенным более 10 лет назад в 1712–1714 гг. Теперь он ни много ни мало обещал башкирам дать им в правители одного из своих сыновей, чтобы они могли учредить собственное ханство под протекторатом Российской империи. Такой вариант был в

¹ МИБ. Т. VI. С. 469.

² Там же. С. 359.

³ МИБ. Ч. I. С. 327.

⁴ Цит. по: Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 60.

⁵ Там же. С. 94.

⁶ Таймасов С. У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. М.: Наука, 2009. С. 168.

принципе возможен при условии согласия всего башкирского народа и при наличии подходящего исторического момента. Такой момент существовал, когда в условиях фактической независимости Алдар-батыр в изобилии привозил «на смотрины» различных ханов. Но этот момент был безвозвратно упущен, когда началось восстание 1735–1740 гг. Теперь оставалось только два варианта – либо победить, по определению А. Донелли, в «новой колониальной войне»¹, либо смиренно принять то, что оставят башкирам победители. Одержать победу в войне с империей, основанной Петром I, было почти невозможно. Именно поэтому Алдар так упорно избегал новой войны, надеясь, используя выгодную переговорную позицию, сложившуюся после «Алдаровщины», добиться учреждения башкирского ханства под русским протекторатом по образцу Калмыцкого. Самое интересное, что Москва вполне могла пойти на это, учитывая постоянные сетования своих воевод и губернаторов, что башкиры – народ «безглавной, никаких над собою начал, хотя б так как на Дону подобно атаманы, и таких не имеют, принятца не за ково и чтоб особо послать не х кому...»². Другой вопрос, насколько полезным было бы для башкир учреждение собственного вассального ханства и помогло бы оно отстаивать народные интересы – ведь именно этим императивом руководствовался Алдар-батыр. Судьба других вассальных владений (калмыцкого, казахского, кумыкского, аварского и др.) не позволяет однозначно ответить на этот вопрос. К тому же создать вертикаль власти в эгалитарном (башкирском, запорожском, донском) обществе было почти невозможно.

Этот социологический диагноз был непонятен Алдар-батыру и его сторонникам. Ханская власть им казалась панацеей от всех проблем. В 1739 г. «знатной вор и бунтовщик» Калмакул (Кулманкул) Каракучуков показывал: «...он в Алдаровский бунт з башкирцом Алдаром был, и разоряли деревни и людей побивали. Начало сего башкирского бунта воспоследовало тому 5-й год (т. е. в 1735 г. – *авт.*), для того, что ис Киргис-Кайсацкой орды от Абулхаир-хана и от Шигай-салтана ушедшие ис плену башкирцы сказывали в Башкирии всем башкирцам: ежели де они, башкирцы, склонятся ко оным киргис-кайсакам, то де они к себе их примут и будут с ними жить спокойно. О чем и от самих киргис-кайсаков ханом Абулхаира и от Шигай-салтана были пересылки на словах»³. Таким образом, Абулхаир-хан также поддерживал в башкирах эту иллюзию.

Поздней осенью 1737 г. на Ногайскую дорогу Башкирии прибыл Абулхаир-хан, а с ним малолетний претендент в башкирские ханы Шигай-султан, к которому сразу же был приставлен в качестве аталыка («дядьки») бывший аталык Рыс-Мухаммед-султана башкир

¹ Алтон С. Донелли. *Завоевание Башкирии Россией 1552–1740. Страницы истории империализма / Науч. ред-е Р. Г. Кузеева, И. Г. Акманова; пер. с англ. Л. Р. Бикбаевой. Уфа: Тип. «Башкортостан»; Межд. корпорация «Ватан», 1995. С. 127.*

² МИБ. Ч. I. С. 257.

³ МИБ. Т. VI. С. 650.

Сартской волости Калмаккул Каракучуков, который после пленения показывал: «Вышеобъявленного Шигай-салтана сыном, а себя отцом он называл для того, что Шигай сам называл его отцом...» Приехавшему Абулхаир-хану Калмаккул «подарил пленника чувашского». Другие предводители сделали то же самое, дав хану и султану «по пленнику разных родов: а имянно ис чуваш, ис черемис». В ответ они «дали вышеозначенным башкирцам за своими печатями письма в такой силе, чтоб они были у них, ханов, в подданстве»¹. Таким образом, башкиры Ногайской и Сибирской дорог вновь признали Абулхаира своим ханом.

В апреле 1738 г. Ака-мулла Камакаев, Бепеня и Тюлькучура написали Абулхаиру письмо: «И теперя много деревень воровских (читай: «верных». – *авт.*) смирных стало по вашему ханскому сильному слову. Много смирных стало, и теперя стрелы твои вверх ходят, как сокол (...). А теперя тебе, нашему превосходительному хану, доносим, как ты нас, верных рабов, знаешь, потому что ты царь наш, приди и от означенных воров силою своею нас оборони и силу свою покажи»². Вооруженной силы у Абулхаир-хана не было никакой, но имелась сила иного характера. В нем было заинтересовано правительство и особенно Оренбургская экспедиция. Поэтому они были готовы терпеть любые причуды степного монарха. Так, хан передал В. Н. Татищеву, новому начальнику Оренбургской экспедиции, «чтоб со оных бунтующих башкирцов штрафных лошадей не требовать, также содержанных башкирцов под караулом – Кильмяка абыза с товарысчи – освободить». Затем Абулхаир стал рассылать письма командирам правительственных войск и «верным» старшинам, в которых призывал их «помириться» с башкирами. Ясно, что авторами этих посланий были вожди повстанцев, которые устами Абулхаира озвучивали собственные требования. Как писал В. Н. Татищев, в поведении хана было «не столько коварства, сколько глупости (...), хотя сам видит, что его башкирцы только видом почитают, а ни в чем не слушают...»³. Тем не менее Абулхаир обещал дать башкирам в ханы своего сына Ходжа-Ахмеда (Хожахмета), а Шигай-султана отослать обратно.

В середине 1738 г. Абулхаир-хан в сопровождении одного из лидеров повстанцев, башкира Тангаурской волости, Кусяп-батыра Султангулова отправился в казахские степи, чтобы забрать султана Хожахмета. Оренбургский комендант майор Останков, знавший о цели их поездки, решил сорвать ее. Заманив обоих в Оренбург под гарантию клятвы ахуна Мансура Абдрахманова, майор приказал схватить Кусяпа. Взбешенный коварством властей Абулхаир-хан говорил явившимся к нему под Оренбург казахским старшинам о необходимости уничтожения Оренбурга. В. Н. Татищев писал в Кабинет: «...Абулхаир-хан

¹ Там же. С. 651.

² Там же. С. 560.

³ Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. С. 95–97.

весьма ненадежен (...), представлял о соединении с ворами и разорении Оренбурга. Токмо де Жаныбек-батырь его, хана, весьма поносно бранил за то, что он, по указу в. в. в Башкирь ходя, ничего добраго не зделал и есче де более возмучает...» Не послушав Джанибек-батыра, Абулхаир-хан послал к повстанцам 10 чел., «чтоб, башкирцев призвав, Оренбург разорить, токмо де те посланные не возвратились»¹. Но, по всей видимости, башкиры заподозрили его в сотрудничестве с властями, с его помощью схватившими батыра Кусяпа. Поэтому они прервали с ним всякие отношения. На этом их альянс с Абулхаир-ханом закончился, так и не достигнув своих целей. Этот союз также не помог снять остроту башкирско-казахских противоречий, однако он дал небольшую передышку повстанцам перед новым витком вооруженных действий.

Роль Алдара в событиях, связанных с игрой Абулхаира в башкирского хана, неясна, как неясна мотивация некоторых поступков самого Абулхаира. В одном только можно не сомневаться: «верный» старшина, каковым представлял себя правительству батыр, давно находился под подозрением: в июне 1738 г. майор Останков подсылал к Алдару людей и «приказывал, чтоб его поймали, и за то обещал награждение»². Известно, что еще в 1737 г. к нему на совет приезжали 2 000 башкир-повстанцев³. К этому времени большинство повстанцев готовы были принести повинную. Однако теперь уже В. Н. Татищев не хотел принимать их «шерти» без уплаты «штрафных» лошадей. Требуемое количество лошадей казалось башкирам чрезмерным, так как они лишились почти всего конского состава, а, значит способности вести боевые действия. Поэтому башкирские старшины Сибирской и Ногайской дорог на тайном собрании в верховьях р. Уфы «советовали, что такого штрафа не давать, а лугче власти российской отложитца и русских людей разорять»⁴. Но В. Н. Татищев упорствовал, и восстание продолжалось. В марте 1738 г. повстанцы предъявили ему ультиматум: «онаго штрафа на себя не желаем, и, откладываяся [от подданства], оставя свои жилища, казацким образом отъедем»⁵. Они решили, «раззоря верноподданных», бежать в «Конташинскую орду», т. е. Джунгарию⁶.

В январе 1739 г. В. Н. Татищев был вызван в Санкт-Петербург, а затем был арестован по обвинению во взяточничестве, самоуправстве и многочисленных злоупотреблениях, о которых донес правительству полковник А. И. Тевкелев. Однако до своего отъезда он успел составить проект по управлению Башкирией, одним из пунктов которого было проведение переписи населения в целях упорядочения фискальной политики. Новым начальником

¹ МИБ. Т. VI. С. 571.

² МИБ. Т. VI. С. 571.

³ Таймасов С. У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. С. 249.

⁴ МИБ. Ч. I. С. 325.

⁵ МИБ. Т. VI. С. 544.

⁶ Там же. С. 618.

Оренбургской экспедиции был назначен генерал-поручик князь В. А. Урусов, который принялся претворять в жизнь данное постановление. Весть о переписи была воспринята башкирами как попытка ввести подушную подать. «Лучшие» люди Сибирской дороги собрались на совещание в Мурзаларской волости и приняли решение, «чтоб переписывать людей не давать». Когда некоторые старшины решили не противодействовать правительственному мероприятию, сотник Айлинской волости Юсуп Алыкаев «бранил и говорил, что де вы здурели безумные дураки, даете перепись чинить, чего де отцы и деды наши не слышали»¹.

Кабинет, обеспокоенный вестями о начале нового брожения в Башкирии, 5 мая 1739 г. принял решение о прекращении переписи. Однако возвращение правительства к практике взыскания «штрафных» лошадей вновь вызвало волну негодования в Башкирии. Если бы в этот момент правительство не требовало бы у разоренных башкир этого штрафа, то восстание полностью прекратилось бы. Несмотря на череду взаимных набегов башкир и казахов, совершавшихся в течение лета 1739 г., башкирские предводители постановили, «чтоб нынешнее лето бунтовать»². Среди них был Алдар-батыр, который говорил: «...и он нынешнее лето к бунту согласен (...), хотя де русские люди и штрафных лошадей берут, а всегда их якобы обманывают»³. Используя все свое влияние, он решил облегчить тяготы народа.

На сборе башкир Ногайской дороги летом 1739 г. «Алдар же де своей команды башкирцам, которые были на воровстве, приказывал, чтоб штрафных лошадей не платить и доколе де жив будет, до того времени штрафных лошадей брать с них не будут, и тем их обнадеживал». Чем же Алдар обнадеживал башкир? Он предлагал ехать в Петербург, минуя генерал-майора Л. Я. Соймонова, начальника комиссии Башкирских дел, сидевшего в Мензелинске, чтобы напрямую обратиться с ходатайством к правительству за нещадно истребляемый башкирский народ. При этом он говорил дерзкие речи: «При зборе ж Алдар говорил, зачем де к генералу ездить, ибо де он Алдар и сам генерал, да еще и свыше, понеже де как генералу Соймонову, так и Татищеву оклад по 70 рублей, а ему 75 рублей, и каковы де у них генералов указы, таковы и у него Алдара, а капитан Кублицкой⁴ редовой мужик, и у него де Кублицкого в команде 100 человек, а у них Алдара и Сеит-бая по 1 000». На следствии Алдару ставили в вину, что «те слова башкирцом разглашал, поставляя себя перед генералитетом сыше»⁵.

¹ Там же. С. 605.

² Там же. С. 619.

³ МИБ. Т. VI. С. 620.

⁴ Капитан С. Ф. Кублицкий – один из командиров карательных отрядов.

⁵ МИБ. Ч. I. С. 414.

Обо всем этом узнал генерал Соймонов, который написал генерал-поручику В. А. Урусову, новому начальнику Оренбургской комиссии (до апреля 1737 г. – экспедиции), что у него имеются доказательства об «измене» Алдара Исекеева. 9 марта 1740 г. 14 башкирских старшин по пути в Петербург заехали в Самару для получения подорожной от Урусова. Однако последний приказал схватить башкир и доставить к Соймонову. Началось следствие. В Мензелинск и другие крепости свозились многочисленные свидетели для дачи показаний и очных ставок. Один из них, башкир Меркитской волости Каныкай Беккулов, под страхом смерти дал ложное свидетельство о том, что Алдар готовит новое восстание¹. Другие показывали, что Алдар укрывал у себя в вотчинах повстанцев, «называя верными, которым шрафных лошадей платить не велит». Башкир Юрматынской волости Муса Бепенин рассказывал: «Помянутой де Алдар, хотя сам в бунте не был, токмо потенно к бунту действие ево было, родственники ево и дети в бунте были, а он де ныне себя поставляет верным, не токмо сам не платит, но и другим башкирцам шрафных лошадей платить воспрещает; да и в прежние бунты зачинательми отец ево и он Алдар были главными»².

Однако батыр отказывался признавать эти обвинения: «Они ж Алдар и Сеит-бай по злomu своему и замерзелому вымыслу не точию от других таковых же подобных их ворах объявляли, но и о своих действительных поступках, видя уже от многих себе изобличение, долговременно и не винулись; и тако видя тот их злой поступок ни для чего и держать и казенной корм тратить, которые напрасно пропасть может...»³ 16 мая 1740 г. после мучительных пыток Алдару и восьмерым его товарищам были отрублены головы.

Выезжая в Самару, Алдар, Сеит-бай и Еммет-тархан «приказывали детям своим (...), чтоб до приезде их жить смирно; ежели ж де удержат, то б неотменно паки им бунтовать»⁴. В 1740 г. в Башкирии вспыхнуло восстание Карасакала, т. е. «Черной бороды». Он некоторое время жил в Юрматынской волости под именем Миндигула Юлаева. На самом же деле это был Кучумович Байбулат Хасанов, отец которого царевич Асан (Хасан) выдвигался в ханы Башкирии во время Сеитовского бунта (1681–1684 гг.). В начале 1740 г. Байбулат Хасанов был провозглашен ханом под именем Султан-Гирея. Он прямо заявлял башкирам: «Я де приехал для взятъя здешней себе старинной земли, ибо де русские люди исстари плачивали ясак нашим дедам и прадедам, и вы для чего платите ясак и штраф, что де вам великое отягощение»⁵. Сыновья казненных Соймоновым предводителей, выполняя наказ своих отцов, приняли участие в этом восстании. Л. Я. Соймонов писал: «А преднаписанных же

¹ Таймасов С. У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. С. 250.

² МИБ. Ч. I. С. 407–408.

³ Там же. С. 417.

⁴ МИБ. Ч. I. С. 415.

⁵ Таймасов С. У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. С. 251.

воров Алдара и Сеит-бая дети – Алдаров Мысыр, Сеитбаев Амин находятся в нынешнем новом бунте во общем собрании с появившимся вором и возмутителем Карасакалом...»¹

Послесловие

Башкирское восстание 1735–1740 гг. было потоплено в крови. В. Н. Татищев, имевший непосредственное отношение к массовому уничтожению башкирского населения, констатировал более чем двукратное сокращение его численности за пять лет восстания: «Их могло годных к войне собраться до 60 000, но, в 1735 г. взбунтовав, чрез пять лет от войск русских разорились, а в 1740 г. совершенно усмирены, ныне их едва 25 000 собраться может ли»². Такова была цена, которую заплатил башкирский народ за Оренбургский проект.

Была в этом доля вины Алдар-батыра, активно содействовавшего политическим планам Абулхаир-хана, которые в конечном итоге привели к организации экспедиции? Безусловно, была, но не больше, чем у любого человека, сталкивающегося в процессе принятия важных решений с многовариантностью истории или, говоря простым языком, судьбой. Он действовал в эмпирической реальности, предлагавшей ему те или иные действия, последствия которых ни он, ни кто-либо иной не мог предвидеть. Историческая предопределенность подобного хода событий в любом случае должна была привести к логическому концу, ведь любая империя инстинктивно стремится к расширению.

Вопрос соответствия целей и результатов экспедиции первым взволновал историка П. И. Рычкова, ведь она задумывалась как поход в страны Средней Азии, а на практике превратилась в борьбу Российской империи с башкирским народом. Американский исследователь А. Донелли писал: «Грандиозный план Кирилова не был претворен в жизнь из-за колониальной войны; однако возведя Оренбургскую оборонительную линию, русские обеспечили установление в Башкирии своего господства, а также заложили основание для позднейшего проникновения русских в Среднюю Азию»³. Одним словом, И. К. Кирилов получил совсем не то, чего ожидал. Аналогичным образом башкирские сторонники сближения с казахами – Алдар-батыр и его сторонники – получили совсем не тот результат, на который рассчитывали. В ходе подавления восстания 1735–1740 гг. были попорчены владельческие права башкир на землю, утвержденные актами прежних царей, а также разрушена вековая традиция взаимоотношений между Башкирией и Москвой.

Спустя 20 лет П. И. Рычков пришел к выводу, что И. К. Кирилов допустил ошибку лишь в том, что из-за незнания географии неправильно составил маршрут к р. Орь. По

¹ МИБ. Ч. 1. С. 419.

² Татищев В. Н. *История Российская. Часть первая // Собрание сочинений. Т. 1. М.: «Ладомир», 1994. С. 237.*

³ Алтон С. Донелли. *Указ. соч. С. 217.*

мнению историка, волжский путь от Самары к устью Ори был несравненно удобнее и, самое главное, безопаснее, так как обходил стороной центр Башкирии. Если бы И. К. Кирилов выбрал иной путь, писал П. И. Рычков, «то может быть от башкирцев замешательства, и в том бы его предприятию такого затруднения, какое было, не последовало»¹. Как видим, его больше огорчал срыв «конкистадорских» планов И. К. Кирилова, чем массовая гибель башкир.

По нашему мнению, любой из двух вариантов маршрута к Ори не устроил бы коренное население края – башкир. Ведь и первом, и во втором случае подразумевалось изъятие их земель, а, значит, восстание было неизбежно. Возникшая дилемма приоритетов – империи и башкир – не могла иметь решение, удовлетворявшее обе стороны. Поэтому любой исследователь должен честно признавать трагические факты, сопровождавшие экспедицию, и не описывать историю Оренбуржья, как будто Оренбургская губерния возникла на пустом месте. Д. А. Сафонов справедливо отмечает: «Все, писавшие об экспедиции с упомянутых позиций, неизбежно наткнулись на “неудобный” вопрос – о башкирах и их борьбе. В самом деле, если строго следовать версии о мирном, сугубо научном характере экспедиции, то в нее с трудом можно ввести объяснение ожесточенного башкирского сопротивления. Одним из способов обойти этот вопрос было умолчание – прямо не говорилось, но по сути изложения подразумевалось, что “новая Россия” создавалась на пустующих, никому не нужных землях. Другой способ заключался в перекладывании ответственности на самих башкир. Выступления их были клеймены как реакционные. В итоге башкиры стали восприниматься как досаднейшая помеха важному делу»².

Алдар Исекеев является одним из выдающихся деятелей башкирской истории и одним из героев башкирского народа. Несмотря на неоднозначные, а потому непонятые многими современниками политические решения, принимавшиеся им в последний период жизни, в памяти народа сохранился положительный образ батыра, в отличие, например, от Таймаса Шаимова (см. предание «Как Таймас Шаимов стал тарханом»)³. Мишарский мулла Абдулла Алиев по прозвищу Батырша, осужденный за подстрекательство башкир к мятежу в 1755 г., написал письмо императрице Елизавете Петровне, в котором была отражена современная ему поэтическая характеристика героя: «...славен был Алдар, который метал стрелу без промаха и чья лошадь на землю не падала»⁴.

¹ Рычков П. И. *Топография Оренбургская*. Ч. 2. СПб., 1762. С. 119.

² Сафонов Д. А. *Указ. соч.* С. 5.

³ *Башкирское народное творчество*. Т. 2. *Предания и легенды* / Сост., автор вступ. статьи, комм. Ф. А. Надршина. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1987. С. 231–232.

⁴ *Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне* / Составление, транскрибирование текста, глоссарий, введение, комментарии академика Г. Б. Хусаинова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1993. С. 79.

Русский писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк в ряде своих произведений через образ нищего сказителя-байгуша воспроизводил, возможно, реальные сцены, увиденные им во время своего уральского детства на Висимо-Шайтанском заводе и последующих годах жизни, проведенных в Екатеринбурге. Если это всего лишь художественный вымысел, то и в этом случае писатель точно передал атмосферу, царившую в башкирском обществе после завершения эпохи восстаний и политическую направленность этих восстаний: «Башкиры сидели, склонив бритые головы. Плачущий речитатив невольно захватил всех. Что-то было особенное в этой картине, точно в самом воздухе веяли незримые тени посаженных на кол башкирских старшин, повешенных и изувеченных. Народная песня, как любящая мать, вспоминала погибших своих детей, а байгуш Надыр долго лежал, припав к земле (...). Потом байгуш Надыр пел о Кучумовичах, о старом Сеите, об Алдарбае и Салавате. Он сам увлекался пением и входил в экстаз. Закончилось это пением о каком-то молодом хане Кучумовиче, который скрывается в степи, но со временем соберет всех башкир в одно царство. “О, молодой хан отомстит за всех (...). Тогда будет счастье на земле... Все башкиры будут счастливы и будут сыты каждый день. Много терпели башкиры, а молодой Кучумович отдаст им все – и горы, и степи, и реки. Пойте молодого Кучумовича и плачьте от радости...”»¹

¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Горная ночь // Башкирия в русской литературе в шести томах. Т. II. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1991. С. 227.